

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2022 – № 3 (16)

Ярославль
2022

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. – № 3 (16). – 183 с. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2022-3-16. – EDN OHCSBM

Редакционная коллегия

Главный редактор: **М. В. Новиков**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** **О. А. Коряковцева**, доктор политических наук, доцент, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Т. Н. Гушина**, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **И. Ю. Тарханова**, доктор педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** **Т. С. Аكوпова**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-политических теорий, декан факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, г. Ярославль; **С. А. Бабуркин**, доктор политических наук, профессор, уполномоченный по правам человека Ярославской области; **Н. А. Баранов**, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; **Т. В. Бугайчук**, доктор политических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль; **Вейди Чжоу**, доктор экономических наук, профессор Института экономики Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; **А. В. Волкова**, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; **Ю. А. Головин**, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **Л. Н. Данилова**, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ж. А. Захарова**, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; **П. Л. Карабушенко**, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; **Збигнев Крушевский**, доктор педагогических наук, ректор Высшей школы им. П. В. Владковичи, г. Плоцк, Польша; **С. А. Панкратов**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; **Д. Г. Сельцер**, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; **Л. Г. Титова**, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **Ирра Упенице**, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Страдиныша, г. Рига, Латвия; **В. А. Фокин**, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; **А. П. Чернышская**, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогических технологий Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Я. Ю. Шашкова**, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; **В. А. Ясвин**, доктор психологических наук, профессор, н. о. заведующего междисциплинарной кафедрой образовательных систем и педагогических технологий Московского государственного института международных отношений МИД России, г. Москва.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY
Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2022
© Авторы статей, 2022

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky

Social and political researches : scientific journal. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2022. – №3 (16). – 183 p. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2022-3-16. – EDN OHCBSM

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, head of the department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political sciences, associate professor, director of the institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. N. Gushchina**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. S. Akopova**, candidate of sociological sciences, associate professor, dean of faculty of socio-political sciences, Yaroslavl state university named after P. G. Demidov, Yaroslavl; **S. A. Baburkin**, doctor of political sciences, professor, commissioner for human rights of the Yaroslavl region; **N. A. Baranov**, doctor of political sciences, professor of the department of international relations of the Russian presidential academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **T. V. Bugaichuk**, doctor of political sciences, associate professor of department of theory and methodology of professional education Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl; **Wadi Zhou**, doctor of economical sciences, professor of the institute of economics of the Central China normal university, Wuhan, China; **A. V. Volkova**, doctor of political sciences, associate professor, deputy dean of the faculty of political sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations of Astrakhan state university, Astrakhan; **Zbignev Krushevsky**, doctor of pedagogical sciences, rector of the Higher school named after P. V. Vlatkovic, Plock, Poland; **S. A. Pankratov**, doctor of political sciences, professor, head of the department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **D. G. Seltser**, doctor of political sciences, professor, director of the center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical sciences, professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **V. A. Fokin**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of social and pedagogical sciences, sociology and political sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **A. P. Chernyavskaya**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of pedagogical technologies of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political sciences, associate professor, head of the department of political sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical sciences, professor of the department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus; **V. A. Yasvin**, doctor of psychological sciences, professor of the institute of pedagogy and psychology of education, Moscow city pedagogical university, Moscow.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences in the following scientific specialties are published: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Mass media registration: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2022
© Authors of articles, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

*Политические институты,
процессы и технологии*

Титова Л. Г., Акопова Т. С. Политическое управление устойчивым развитием современного общества _____ **5**

Коряковцева О. А. Государство и молодежь: проблемы гражданского взаимодействия _____ **20**

Ковалев А. А. Разрушение базовых традиционных ценностей как угроза для национального менталитета _____ **33**

Бориско О. А., Ячменник К. В. Цифровое пространство молодежной политики (кейс Краснодарского края) _____ **47**

Калашникова С. К. Эффективность региональной политики идентичности в общественном мнении: опыт г. Санкт-Петербурга _____ **65**

Головин Д. А. Анализ технологий политической активности молодежи г. Москвы _____ **80**

*Теория, методика и организация
социально-культурной деятельности*

Гущина Т. Н. Модусы социальной мобильности: теоретический анализ феномена _____ **94**

Ясвин В. А. Эколого-космическое образование как философско-педагогическая парадигма русской международной школы _____ **109**

Гурьянчик В. Н. Коммуникативное пространство современной молодежи: вызовы и угрозы (на примере пользователей YouTube) _____ **122**

Мутаев У. К., Арефьева Н. Т. Содержание понятий «благотворительность», «волонтерство» и «социальная проблема» в восприятии ивановцев _____ **140**

Заторова Э. В., Соболев Н. Г. Формирование привычек здорового образа жизни у обучающихся среднего звена общеобразовательной школы _____ **156**

Хромых А. С. Русские школы за рубежом в условиях быстроменяющегося мира: проблемы и перспективы _____ **168**

THE CONTENT

*Political institutions, processes
and technologies*

Titova L. G., Akopova T. S. Political management for sustainable development of modern society _____ **6**

Koryakovtseva O. A. State and youth: problems of civil interaction _____ **21**

Kovalev A. A. Destruction of basic traditional values as a threat to the national mentality _____ **34**

Borisko O. A., Yachmennik K. V. Digital space of youth policy (case of the Krasnodar territory) _____ **48**

Kalashnikova S. K. Effectiveness of regional identity politics in public opinion: experience of St. Petersburg _____ **66**

Golovin D. A. Analysis of technologies of youth's political participation in Moscow _____ **81**

*Theory, methods and organization
of socio-cultural activities*

Gushchina T. N. Modes of social mobility: a theoretical analysis of the phenomenon _____ **95**

Yasvin W. A. Ecological and space education as a philosophical and pedagogical paradigm of the Russian international school _____ **110**

Guryanchik V. N. The communicative space of modern youth: challenges and threats (using the example of YouTube users) _____ **123**

Mutaev U. K., Arefieva N. T. The content of concepts "charity", "volunteering" and "social problem" in the perception of Ivanovo residents _____ **141**

Zatorova E. V., Sobolev N. G. Formation of healthy lifestyle habits among secondary school students _____ **157**

Khromikh A. S. Russian oversea schools in a rapidly changing world: problems and prospects _____ **169**

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ**

Научная статья
УДК 321
DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-5-19
EDN: NYJFTP

**Политическое управление устойчивым развитием
современного общества**

Людмила Григорьевна Титова^{1✉}, Татьяна Сергеевна Аكوпова²

¹Доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль.

²Кандидат социологических наук, доцент, декан факультета социально-политических наук ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль

¹titovafspn@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-4168-7753>

²t.akopova@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0770-0758>

Аннотация. В статье рассматривается политическое управление как соединение властных и технологических начал, «мягкого» и «жесткого» влияния на население с целью решения задач сохранения, укрепления страны и обеспечения развития для будущих поколений в сложных внешних и внутренних обстоятельствах. К таким обстоятельствам отнесены меняющаяся международная обстановка, переход обществ на новый технологический уровень развития при сохранении старых социальных отношений, возникновение в связи с этим новых противоречий и угроз существованию человечеству. В условиях меняющегося мира, возрастания противоречий во всех сферах жизни, усиливающегося давления со стороны «коллективного» Запада в российском политическом процессе возрастает роль государства как главного института, концентрирующего основные ресурсы, определяющего стратегию развития, его идеологию и способствующего укреплению национального единства и суверенитета.

Определяется содержание понятий «политическое управление» и «устойчивое развитие», показаны направления и факторы его реализации в современном российском обществе. Подчеркивается, что использование современных механизмов управления, а также властного принуждения – первые шаги в становлении нового сообщества, где должны быть созданы

условия гуманитаризации общественных процессов, когда человек становится не средством осуществления чьих-то интересов, а основной целью социального прогресса, что возвращается в социум формированием его устойчивости. Превращение человека в субъект собственной истории и истории сообщества, в котором осуществляется его наличное бытие, возможно при условии изменения культурного фона общества, роста политической культуры населения, перестройки системы образования и воспитания.

Ключевые слова: политическое управление; устойчивое развитие; технологии; противоречия; стратегия; политическая культура; образование; субъект

Для цитирования: Титова Л. Г., Аكوпова Т. С. Политическое управление устойчивым развитием современного общества // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 5-19. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-5-19>. <https://elibrary.ru/nyjftp>.

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

Political management for sustainable development of modern society

Lyudmila Gr. Titova^{1✉}, Tatiyana S. Akopova²

¹Doctor of political sciences, professor, department of socio-political theories, Yaroslavl state university named after P. G. Demidov, Yaroslavl.

²Candidate of sociological sciences, associate professor, dean of faculty of socio-political sciences, Yaroslavl state university named after P. G. Demidov, Yaroslavl

¹titovafspn@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-4168-7753>

²t.akopova@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0770-0758>

Abstract. The article considers political governance as a combination of power and technological principles, “soft” and “hard” influence on the population in order to solve the problems of preserving, strengthening the country and ensuring development for future generations in difficult external and internal circumstances. Such circumstances include the changing international situation, the transition of societies to a new technological level of development while maintaining old social relations, the emergence of new contradictions and threats to the existence of humanity. In the changing world, growing contradictions in all spheres of life, increasing pressure from the “collective” West in the Russian political process, the role of the state as the main institution concentrating the main resources, determining the development strategy, its ideology and contributing to the strengthening of national unity and sovereignty increases.

The content of the concepts of “political management” and “sustainable development” is determined, the directions and factors of its implementation in modern Russian society are shown. It is emphasized that the use of modern management mechanisms, as well as power coercion, are the first steps in the formation of a new community, where conditions for the humanization of social processes should be created, when a person becomes not a means of exercising someone's interests, but the main goal of social progress, which returns to society by forming its stability. The transformation of a person into a subject of his own history and the history of the community in which his presence is carried out is possible in case of changes in the cultural background of society, the growth of political culture of the population, restructuring of education and upbringing system.

Keywords: political governance; sustainable development; technologies; contradictions; strategy; political culture; education; subject

For citation: Titova L. G., Akopova T. S. Political management for sustainable development of modern society. *Social and political researches*. 2022;3(16): 5-19. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-5-19>. <https://elibrary.ru/nyjftp>.

Введение

Одна из примет времени – усиливающаяся неустойчивость мира, которая затронула в той или иной степени все страны, в том числе и Россию. Экономическое и политическое давление «коллективного» Запада на Россию приводят к изменениям во всех сферах общественной жизни. Противоречия между европейскими государствами, США, Китаем, Россией, глубокие цивилизационные сдвиги создают угрозы самому существованию человечества. Традиционные механизмы урегулирования социально-политических отношений уходят в прошлое, новые не отличаются гибкостью, свидетельствуют о низком уровне принимаемых управленческих решений.

Устойчивость современного общества непосредственно зависит от политики, которая стала определяющим фактором всех процессов, в том числе и экономических.

На данном этапе решение задач формирования устойчивого сообщества напрямую связано с качеством политического управления – способности политических субъектов создавать механизм гибкого реагирования на меняющуюся реальность, применять новейшие технологии, властное влияние и манипулирование населением. Этим обусловлена актуальность обозначенной проблемы.

Целью данного исследования является обоснование роли политического управления в формировании устойчивого развития современной России.

Для реализации указанной цели поставлены *следующие задачи*:

– рассмотреть основные подходы к содержанию понятий «политическое управление» и «устойчивое развитие»;

– проанализировать взаимодействие политической власти и населения в процессе формирования устойчивого сообщества в России;

– выявить проблемы политического управления устойчивым развитием российского общества.

Практическая значимость исследования заключается в определении основных направлений управления устойчивым развитием в современных условиях.

**Теоретические основы
исследования роли
политического управления
в устойчивом развитии**

Круг дискуссионных вопросов управления устойчивым развитием достаточно широк – от общих проблем устойчивого развития до технологий решения экологоэкономических проблем на уровне государства, организации, предприятия и личности, от проблем глобального управления до управления развитием территории. Вместе с тем внимание исследователей по-прежнему в большей степени обращено к проблемам экономическим, чем социальным и политическим вопросам, в то время как практика все более отчетливо демонстрирует значимость совокупности факторов, обеспечивающих устойчивость социума.

С концептуальной точки зрения корни понимания современной роли политического управления в устойчивом развитии сообщества – в выходе за пределы модерна в постмодерн [Потапов, 2013] информационного общества и новых технологий. «Изменение политического ландшафта в условиях цифровизации ставит перед субъектами политического управления новые задачи, среди которых не последнее место занимает создание условий для цифровых трансформаций» [Попова, 2020, с. 215]. Социальные трансформации – это время новых возможностей для политического управления [Шабров, 2019].

В современной политической науке существует ряд понятий, определяющих управление в сфере политики наряду с «политическим управлением» – «государственное управление», «государственная политика» «политический менеджмент», однако, их интерпретация свидетельствует о том, что четкое разграничение предметных полей каждого отсутствует. Безусловно одно: политическое управление связано со сферой влияния, отношениями между властью и обществом, его составляющей является государственное управление – не только «мягкое» воздействие одной стороны на другую технологическими методами, но и использование властного принуждения и насилия в сложно организованном социальном организме, где каждый политический субъект стремится

реализовать свои интересы [Харичкин, 2013].

К форме политического управления относится политический менеджмент – «... сознательно организуемое с применением специальных технологий воздействие субъекта на объект» [Пушкарева, 2005, с. 97].

В современных условиях необходимо искать новые модели взаимодействия общества и государства, сочетания частной и государственной инициативы; преодолевать коррупцию и влияние лоббистских групп, ведущих антироссийскую политику («пятой колонны»), определить роль политического управления в условиях санкций, грабительской политики Запада по отношению России, угрозы новой мировой войны. Правительство России, считает Д. В. Тренин, «... должно принять меры для коренных перемен в обществе, переориентируя бизнес на национальные интересы, повышая качество государственного управления, усиливая взаимное доверие власти и общества, возвращая фундаментальные ценности» [Тренин, 2022, с. 27].

С. В. Володенков подчеркивает влияние политического управления на жизнедеятельность социальной системы, особенности функционирования которой определяются содержательной, организационной и технологической спецификой моделей и методов управления [Володенков, 2017]. Четкие ориентиры в политике, эффективное решение

конкретных задач устойчивого развития, которые помогут преодолеть неопределенность, – важное требование к политическому управлению: *оно невозможно без определения стратегии развития и ее осуществления «мягкими» или «жесткими» (агрессивными) методами.*

Появление новых технологий как глобальное явление – двусторонний процесс, который не только создает беспрецедентные возможности развития человечества, «снятия» многих проблем (бедности, неравенства, нехватки ресурсов и др.), но и несет угрозу дегуманизации социума. В цифровизации заложен потенциал управления не только вещами, но и самими людьми, «овеществления» людей. В идее устойчивого развития заложено представление и о направленности политического управления в сторону гуманизации общественных процессов.

Идея устойчивого развития впервые была обозначена в 1987 году в докладе комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее». В 2015 году в документе ООН «Повестка дня в области устойчивого развития» цели для мирового сообщества и каждой страны в отдельности были сформулированы до 2030 года.

В отечественной науке вопросы устойчивого развития начали разрабатываться в советский период. В работах В. А. Вернадского [Вернадский, 1989], Н. Н. Моисеева [Моисеев, 1990] закладывались ме-

тодологические основы изучения проблем взаимодействия в системе «природа-общество-человек», подчеркивалось единство живой и неживой среды обитания человека, сохранение которого рассматривалось как условие устойчивого развития.

В постсоветский период вопросы устойчивого развития связывались с процессами модернизации и демократизации, обеспечением национальной безопасности [Урсул, 2017], «переходом к рыночным отношениям и интеграция национальной экономики в мировое хозяйство» [Шихалиев, 2013, с. 242]. «Общие проблемы были конкретизированы в региональных условиях, в деятельности бизнес-структур, корпоративном менеджменте в политике сохранения единства территории и преодолении местничества» [Азашиков, 2013, с. 70]. Работая над концептуальными основами устойчивого развития, российские авторы опирались на имеющиеся работы западных ученых, постепенно выходя за рамки экологических [Данилов-Данильян, 2000], социально-экономических, технико-экономических [Глазьев, 1993] проблем, вырабатывая представление об устойчивом развитии как о социальной [Гнатюк, 2013], политической [Павленко, 2012], социокультурной [Гнатюк, 2010] проблеме. В. Павленко считает ее тонкой идеологической конструкцией, обращая внимание на подчиненность устойчивого развития задачам гло-

бализации [Павленко, 2012]. Данное утверждение выводит концепцию устойчивого развития в область большой политики, интересов мировых держав в борьбе за приоритеты на мировой арене. Однако политический аспект устойчивости касается и внутреннего развития как на национальном уровне, так и на уровне отдельной территории.

Проблемы управления устойчивым развитием России

Концепция устойчивого развития России исходит из понимания того, что есть наше общество, в каком положении находится население, его нынешнее состояние, реакция на события, каков **характер** власти и предъявляемые к ней требования по обеспечению настоящего и будущего россиян.

Россия всегда была уникальной страной, осуществившей невиданный переворот в истории человечества, защитившей мир от фашизма и в очередной раз выполняющая свою историческую миссию. Много сказано об изменчивости и неустойчивости мира, в эпицентре проблем которого оказалась Россия, однако, до сих пор не преодолен односторонний взгляд на такое сложное явление как общество, что, в частности, выразилось в субъективных оценках там, где требовался объективный анализ. Известно, что в этом отношении цели власти и науки расходятся: стремление политических субъектов к достижению, сохранению и удержанию власти всегда сопровождается явной или

скрытой трансляцией интересов определенных групп, и если они начинают преобладать над национальными интересами, это неизбежно, рано или поздно, ведет к потере суверенности и даже гибели не только существующего строя, режима, но и государства как такового.

Диалектика общества заключается в единстве противоположностей устойчивости/неустойчивости, являющимся следствием действия внешних и внутренних факторов. Рамки статьи не позволяют выявить все изменения, которые происходят под внешними влияниями, напомним только колонизаторский характер так называемого «коллективного» Запада, мыслящего категориями собственной пользы, за пределами которой не существует ни других наций, ни иных народов, ни отдельных людей, которые требуют к себе внимания и уважения. Это доказано длительной историей западного либерализма, извратившего идеалы свободы и прав человека, использовавшего их для прикрытия своих захватнических целей в условиях обострения борьбы за ресурсы, за международные приоритеты. Запад продемонстрировал огромные возможности в осуществлении государственных переворотов в других странах, овладев различными технологиями от военных до информационных.

Влияние западных ценностей на российское общество, начиная с 90-х годов, было ударом по национальной независимости, едва не сде-

лавшего Россию новой колонией Запада. Эта угроза сохраняется и по сегодняшний день, что ставит и власть, и население перед необходимостью реализовывать весь объем внутренних ресурсов для устойчивого развития. Принципиальное значение имеет наше понимание таких базовых категорий, как «национальный интерес», «общество», «народ», «культура», использование которых субъектами власти позволяет прояснить их представление о перспективах развития страны.

Национальный интерес – интерес сохранения своего общества, государства, будущего для собственного народа. Ведущую роль играет человеческий фактор – отношение населения к существующему положению вещей, к истине, к идее, которая, собственно, и есть представление об устройстве общества. В свою очередь, это имеет глубинную связь с тем, что мы называем культурным кодом – складывающимися на протяжении истории народа традициями, обычаями, нравственными нормами, представлениями о добре и зле, о справедливости, свободе.

Известно, что нормы и ценности менялись на протяжении 30 лет новейшей российской истории: распад СССР сопровождался «перестройкой» сознания, реформированием его на либеральные ценности. Здесь выявилась стратегия новых политических субъектов, которым для разрушения системы

нужно было разрушить сознание, мировосприятие советских людей, которые, не сопротивляясь, пошли навстречу новой политической силе и, по факту, молча приняли происшедший переворот.

До настоящего времени не прекращаются дискуссии, почему население бывшего СССР, советские люди так быстро и легко согласились с отказом от советской идеи и советского общества. И до сих пор ответ на этот вопрос не утратил актуальности, затрагивая важные вопросы мировоззренческих позиций людей, их способность и готовность к последовательному движению к новому переустройству российского общества.

А. А. Зиновьев в свое время высказался о перестройке, как о всколыхнувшей все низменное, агрессивное, что есть в человеке. Он обращал внимание на стихию улицы, которая в той или иной форме прорывается в трагические времена нации. Не идеализируя советское время, видел, что коммунизм с огромным напряжением под влиянием сильнейшей идеологии строили обыкновенные люди со всеми свойственными им достоинствами и недостатками. Это не хорошо, не плохо, писал автор, «реальный коммунизм», отличался от идеального тем, что реализаторы столкнулись не с идеальным, выдуманным народом, а реальным во всей его сложности и неприглядности. Именно то, что назвали «народовластием», по мнению А. А. Зиновьева

[Зиновьев, 1995], могло стать ужасом для страны в силу того, что без должной организации и культуры народ превращается в толпу, в массу, способную осуществлять не «строительство», а хаотическую реализацию своих потребностей. В разрухе, сопровождающей перевороты, в условиях бедности и нищеты именно стремление к «хорошей» жизни становится основной целью людей, поддерживаемой революционерами или реформаторами, мощным стимулом «пробуждения масс». Однако для продолжения социальных преобразований и социального строительства необходимо введение энергии масс в созидательное русло. Необходима организация и идея, которая поднимает действия людей на новую высоту, придаст смысл и значение их социальному движению. Такую идею может предложить только власть, и такая идея становится важнейшим объединяющим фактором, мощным орудием управления и социального творчества.

Остановив внимание на кризисных периодах 1917 года и контрреволюционном перевороте под названием «перестройка», А. А. Зиновьев обращается и к собственным наблюдениям жизни западного человека – о его перенасыщенности потреблением. На опасность распространения идеи возрастания удовлетворения потребностей обращали внимание и такие авторы, как П. А. Сорокин, З. Бауман, представители Римского клуба и мн. др., предупреждавшие о

том, что общество потребления грозит истощением ресурсов и разрушением личности. Речь при этом идет не об аскезе, а в сущности, – о культуре, в том числе и культуре потребления. Именно культура создает масштаб целей, одухотворяя самые трудные периоды в жизни нации.

В управлении устойчивым обществом учитывается многозначность культуры: это такое же сложное явление, как и любое другое в социальном организме. Меняются формируемые в разные времена представления о позитивном и негативном, нормы морали, ценностные ориентации населения. Непреходящий характер имеет только то, что закодировано в истории народа, его опыте, исторической памяти и передается от поколения к поколению как проверенные ценности. Однако процесс передачи и цели, которые при этом преследуются, могут служить не созиданию, а разрушению, не устойчивости, а возобновляющейся дестабилизации. До тех пор, пока существующее положение вещей сохраняется, общество всегда стоит на грани распада, победы хаоса и большой амплитуды размаха социального маятника. Конструктивным элементом культуры является организация, упорядочивание жизни общества, вне которой народ остается толпой.

Необходимость социальной организации создала в свое время государство. По Аристотелю, госу-

дарство необходимо для совместного выживания людей, а с современной точки зрения – для решения множества задач, с целью сохранения населения, территории, не допустить колонизации и поглощения другим, более сильным народом и государством – то есть создания условий для того, чтобы человек не бедствовал, имел необходимое для полноценной жизни, развития своих способностей, воспитания детей, тем самым обеспечивая будущее. Всей силой власти, различными методами, используя как принуждение, так и убеждение, по завещанию Н. Макиавелли, государство способствует реализации общего национального интереса, даже за счет отдельных личностей. Гибель человека может быть во имя народа, гибель народа не спасет ни одного человека. В этом значимость политического управления в том случае, если политические лидеры осознают свою государственную задачу. Для этого надо быть даже не профессионалами высокого класса, а обладать государственным мышлением, политическим чутьем, пониманием ситуации и, главное, иметь волю к сохранению того, что политик получил в наследство от предыдущих поколений, использованию его, созданию нового.

Взаимодействие населения и власти. Роль государства в политическом управлении

Политическое управление многофункционально распределяется в государственном аппарате на феде-

ральном и региональном уровнях, в администрациях территорий, контролируется правоохранительными органами и гражданами. Однако участие общества в этом процессе имеет значение только при сильном государстве.

Взаимодействие граждан и государства, общества и власти паритетно в том случае, если граждане обладают способностью участвовать в политическом управлении. Это обеспечивается, как уже было сказано, высокой политической культурой, осознанным отношением к происходящему. Вне этого политический субъект всегда будет вынужден использовать принуждение, насилие, мобилизацию и манипулирование массами. Собственно, к управлению допускается не масса, у которой всегда «земные» задачи собственного бытия, а люди, организованные в группы, партии, ассоциации или отдельные личности, профессионально занимающиеся политикой.

Именно ослабление государства стало причиной того, что российское общество в своем развитии к 2000 году было отброшено далеко назад. И если оно еще существовало, то это происходило за счет тех ресурсов, что сохранялись с светского времени. С начала 2000 г. этот ресурс уже исчерпал себя и соединились две проблемы, которые надо было решать одновременно – догоняющего (с учетом потерянного времени) и опережающего (с учетом новых технологий) развития. Выход

возможен в мобилизации всех внутренних сил, и главную роль в этом будет играть государство, но с учетом сложившихся реалий.

До тех пор, пока народ представляет собой массу, он нуждается в сильном управлении. Другой причиной необходимости сильной власти является социальная дифференциация, которая усиливалась в российском обществе по мере продолжающейся либерализации, перехода к «свободному» рынку весь период 90-х годов. Сохраняющееся расслоение на богатых и бедных, разделение по характеру и содержанию труда, индивидуальному и региональному образу жизни, этнические и конфессиональные различия – объективно являются источником противоречий, переходящих в конфликты.

Меняющаяся ситуация в России изменила и отношение населения к власти, к политической, экономической ситуации, своему собственному положению. Распределение населения по различным социальным группам, социально-экономическое неравенство, разница в социальных статусах, появление новых социальных групп (преториата) – свидетельство динамики современного общества, создающей новые прецеденты в реакции населения на происходящие изменения, от которого зависит стабилизация в современном обществе. Неконструктивные взаимодействия, противоречия внутри общества на всех уровнях – от элитного до обывательского – свидетельство проблем в

формировании территориальных сообществ.

События последних лет стали важным шагом к консолидации населения с властью. Характерно, что выводы социологических исследований подтверждает ориентацию россиян на стабильность и порядок. Мероприятия, предпринятые правительством в период пандемии, вакцинация, начавшаяся специальная военная операция, которые, по мнению западных политиков, должны были внести хаос и дезорганизацию в российское общество, несмотря на развязанную информационную войну, попытки спровоцировать антивакцинные выступления, не только не вызвали ожидаемых протестов, но и показали снижение в обществе уровня агрессии, повысили по исследованию ВЦИОМ рейтинг лидеров государства и согласие с политической линией правительства [ВЦИОМ новости]. Мониторинг настроений россиян, проведенный Левада-Центром (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) в апреле 2022 года, показал, что еще в прошлом году отмечалось усиление resentимента и агрессии, а сегодня говорят о росте удовлетворенности и самоутверждения [Оценки социального самочувствия].

Потребность в организации и самоорганизации как нового, более высокого этапа социальной упоря-

доченности в современном обществе с усложняющейся и диспропорциональной структурой, многократно возрастает.

Ответственность государства, прежде всего, – в выборе стратегии развития с учетом перехода к устойчивому развитию. В настоящее время это предполагает решение задач опережающего развития с опорой на повышение качества образования населения.

Потери предыдущего развития состояли в дезорганизации и дезориентации населения. Из-под ног людей были выбиты опоры: идеология как территория смыслов, образованность и воспитание. О гуманитарной катастрофе образования мы писали еще в 2014 году [Титова, 2014], когда следствием дегуманизации образования стало второе «потерянное» поколение, теряющее связи с советским обществом уже через родителей.

Советская система становилась могучей, так как строилась при помощи идеологии, привлечения массы людей к образованию, ценностям порядочности, честности, патриотизма, коллективности, без которых невозможно ощущать принадлежность к своей стране и прилагать усилия для обеспечения будущего детей, а следовательно, ее будущего. Потери в этой области лишили население потенциала самоотдачи.

Последние годы, кажется, появилось понимание необходимости изменения ситуации не на словах, а

на деле. Предпринимаются усилия для возвращения молодежи в свою страну не только физически, но и душой, хотя сделать это после многолетнего увлечения западными ценностями будет нелегко. Для этого нужен поиск альтернатив, создающих достойную страну с достойными гражданами. И здесь очевидна необходимость воспитания не «человеческого материала» (А. А. Зиновьев), который всегда остается служебным явлением, а человеческого потенциала – личности, способной к саморазвитию, в единстве души и тела – физического (здорового), интеллектуального (познающего), нравственного (тормозящего), эстетического (привлекающего) начал.

Заключение

Три фактора являются определяющими для устойчивого развития России: качество власти, общества и человека – цели, порядок осуществления власти, состояние российского общества: соотношение сил и человек как субъект развития. Причем, в указанном порядке: пока в обществе еще сохраняется масса, «не рассуждающий планктон», власть должна быть властью, которая сделает все, чтобы сохранить свою страну (в рамках закона и морали), решая конкретные задачи перехода к новой системе отношений. Люди, составляющие общество, становятся народом, когда объединяются сверхидеей, которая существует над индивидуальными интересами, ценностями и

потребностями. Человек с «воспитанными» потребностями становится подлинным субъектом своей истории. Настоящая перестройка начнется тогда, когда государством будут созданы условия для превращения человека из «человеческого материала» истории в подлинного субъекта. Тогда начнется отмирание функций манипулирования массами при помощи идеологии, принуждения и насилия. Это не единовременный акт, это длительный процесс, и это потребует долгого пути, на котором все будет подчинено не интересам узкого круга людей, а целям становления Человека как человека, а не животного или биоробота. То, что всегда воспринималось как утопия, сегодня становится единственной возможностью выживания человечества.

И весьма вероятно, что именно особенности характера русского человека, его способность верить и надеяться помогут преодолеть «реализм» жизни и стать опорой новому, устойчиво развивающемуся обществу.

Таким образом, основными направлениями управления устойчивым развитием российского общества в настоящее время являются:

- системность процесса управления – взаимодействие органов управления друг с другом и обществом;
- приоритетная роль государства в укреплении национального единства, концентрации ресурсов и определении стратегии развития;

– ответственность власти за решение задач устойчивого развития;	роста политической культуры граждан, повышения значения образования, формирования личности как субъекта, способного осуществлять цели устойчивого развития.
– создание в процессе политического управления условий для изменения культурного фона общества –	

Библиографический список

1. Азашиков Г. Х. Корпоративный менеджмент в региональной экономике // Вестник РУДН, серия Социология. 2010. № 3. С. 70-75.
2. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. Москва : Наука, 1989. 261 с.
3. Володенков С. В. Политическое управление как процесс информационно-коммуникационного регулирования современных общественных отношений. URL: <http://ruspolitology.ru/content/5334/>. (Дата обращения: 03.07.2022).
4. ВЦИОМ новости. Доверие политикам. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/>. (Дата обращения: 02.07.2022).
5. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. Москва : Влад-Дар, 1993. 310 с.
6. Гнатюк В. С. Диалектика устойчивого развития в социокультурном аспекте / В. С. Гнатюк, О. А. Никонов // Вестник МГТУ. Т. 13, №2. 2010. С. 425-430.
7. Гнатюк В. С. Устойчивое развитие и динамика социальных состояний / В.С. Гнатюк, Е. В. Закондырин // Вестник МГТУ. Т. 16, №2. 2013. С. 300-306.
8. Данилов-Данильян В. И. Экологический вызов и устойчивое развитие. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 416 с.
9. Зиновьев А.А. Русский эксперимент: Роман. L'Age d'Homme Наш дом. URL:// <https://www.litmir.me/br/?b=199472&p=1>. (Дата обращения: 02.07.2022).
10. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. Москва : Молодая гвардия, 1990. 351 с.
11. Оценки социального самочувствия. URL: <https://www.levada.ru/2022/05/18/otsenki-sotsialnogo-samochuvstviya/>. (Дата обращения: 02.07.2022).
12. Павленко В. Концепция устойчивого развития как идеологический и политический фундамент глобализации: теория и практика внедрения // Астраханский Вестник экологического образования. 2012. № 4 (22). С. 44-64.
13. Попова В. А. Цифровые Трансформации политического управления. Развитие онлайн сервисов / В. А. Попова, А. А. Ночевка // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 212-215.
14. Потапов А. Д. Концепция устойчивого развития как выражение постмодернизма / А. Д. Потапов, С. С. Рябова // Вестник МГСУ. 2013. № 9. С. 70-78.
15. Пушкарева Г. В. Политический менеджмент в системе управленческих отношений современного общества // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2005. № 3. С. 92-98.
16. Титова Л. Г. Гуманитарная катастрофа образования // Конфликтология. 2014. № 5. С. 63-65.
17. Тренин Д. В. «Переиздание» Российской Федерации // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 2. С. 27-33.

18. Урсул А. Д. Концептуальные проблемы устойчивого развития // Бюллетень РАН. Использование и охрана природных ресурсов России. 2019. № 1. С. 30-38.

19. Харичкин И. К. О понятии «политической управление». URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/o-ponyatii-politicheskoe-upravlenie.pdf>. (Дата обращения: 28.06.2022).

20. Шабров О. Ф. Глобальные факторы политического управления: новые возможности и новые риски // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т.15, № 2. С. 82-90.

21. Шихалиев Т. В. Роль и место регионов в системе социально-экономического развития России // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 6 (56). С. 240-244.

Reference list

1. Azashikov G. H. Korporativnyj menedzhment v regional'noj jekonomike = Corporate management in regional economy // Vestnik RUDN, serija Sociologija. 2010. № 3. S. 70-75.

2. Vernadskij V. I. Biosfera i noosfera = Biosphere and noosphere. Moskva : Nauka, 1989. 261 s.

3. Volodenkov S. V. Politicheskoe upravlenie kak process informacionno-kommunikacionnogo regulirovanija sovremennyh obshhestvennyh otnoshenij = Political governance as a process of information and communication regulation of modern public relations. URL: <http://ruspolitology.ru/content/5334/>. (Data obrashhenija: 03.07.2022).

4. VCIOM novosti. Doverie politikam = VTsIOM news. Trust in politicians. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/>. (Data obrashhenija: 02.07.2022).

5. Glaz'ev S. Ju. Teorija dolgosrochnogo tehniko-jekonomicheskogo razvitija = Theory of long-term technical and economic development. Moskva : Vlad-Dar, 1993. 310 s.

6. Gnatjuk V. S. Dialektika ustojchivogo razvitija v sociokul'turnom aspekte = The dialectic of sustainable development in the socio-cultural aspect / V. S. Gnatjuk, O. A. Nikonov // Vestnik MGTU. T. 13, №2. 2010. S. 425-430.

7. Gnatjuk V. S. Ustojchivoje razvitie i dinamika social'nyh sostojanij = Sustainable development and dynamics of social conditions / V. S. Gnatjuk, E. V. Zakondyrin // Vestnik MGTU. T. 16, №2. 2013. S. 300-306.

8. Danilov-Danil'jan V. I. Jekologicheskij vyzov i ustojchivoje razvitie = Environmental challenge and sustainable development. Moskva : Progress-Tradicija, 2000. 416 s.

9. Zinov'ev A.A. Russkij jeksperiment: Roman = L'Age d'Homme Nash dom. Russian experiment: Novel. L'Age d'Homme Our home. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=199472&p=1>. (Data obrashhenija: 02.07.2022).

10. Moiseev N. N. Chelovek i noosfera = Man and noosphere Moskva : Molodaja gvardija, 1990. 351 s.

11. Ocenki social'nogo samochuvstviya = Assessments of social well-being. URL: <https://www.levada.ru/2022/05/18/otsenki-sotsialnogo-samochuvstviya/>. (Data obrashhenija: 02.07.2022).
12. Pavlenko V. Konceptija ustojchivogo razvitija kak ideologicheskij i politicheskij fundament globalizacii: teorija i praktika vnedrenija = The concept of sustainable development as the ideological and political foundation of globalization: theory and practice of implementation // Astrahanskij Vestnik jekologicheskogo obrazovanija. 2012. № 4 (22). S. 44-64.
13. Popova V. A. Cifrovye Transformacii politicheskogo upravlenija. Razvitie onlajn servisov = Digital transformations of political governance. Development of online services / V. A. Popova, A. A. Nochevka // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2020. № 4. S. 212-215.
14. Potapov A. D. Konceptija ustojchivogo razvitija kak vyrazhenie postmodernizma = The concept of sustainable development as an expression of postmodernism / A. D. Potapov, S. S. Rjabova // Vestnik MGSU. 2013. № 9. S. 70-78.
15. Pushkareva G. V. Politicheskij menedzhment v sisteme upravlencheskih otnoshenij sovremennoogo obshhestva = Political management in the system of management relations of modern society // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo). 2005. № 3. S. 92-98.
16. Titova L.G. Gumanitarnaja katastrofa obrazovanija = Humanitarian disaster of education // Konfliktologija. 2014. № 5. S. 63-65.
17. Trenin D. V. «Pereizdanie» Rossijskoj Federacii = “Reissue” of the Russian Federation // Rossija v global'noj politike. 2022. T. 20, № 2. S. 27-33.
18. Ursul A. D. Konceptual'nye problemy ustojchivogo razvitija = Conceptual issues of sustainable development // Bjulleten' RAN. Ispolzovanie i ohrana prirodnih resursov Rossii. 2019. № 1. S. 30-38.
19. Harichkin I. K. O ponjatii «politicheskij upravlenie» = On the “political management” concept. URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/o-ponyatii-politicheskoe-upravlenie.pdf>. (Data obrashhenija: 28.06.2022).
20. Shabrov O. F. Global'nye faktory politicheskogo upravlenija: novye vozmozhnosti i novye riski = Global political governance drivers: new opportunities and new risks // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. 2019. T. 15, № 2. S. 82-90.
21. Shihaliyev T. V. Rol' i mesto regionov v sisteme social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossii = The role and place of regions in the system of socio-economic development of Russia // Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. 2013. № 6 (56). S. 240-244.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 05.09.2022.
The article was submitted on 10.06.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 321
DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-20-32
EDN: NXAOUG

Государство и молодежь: проблемы гражданского взаимодействия

Ольга Алексеевна Коряковцева

Доктор политических наук, директор Института развития кадрового потенциала
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль
youth1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2169-7906>

Аннотация. Статья посвящена проблемам становления и развития гражданственности современного молодого поколения и осмыслению роли государственной молодежной политики в данном сегменте. По мнению автора, именно политика государства обладает стимулирующим и направляющим влиянием, способным создать условия для формирования адекватной общественно-политической позиции молодых граждан. Подчеркивается объективная необходимость создания эффективной государственно-общественной системы социализации современного молодого поколения россиян. Молодежь рассматривается не только как особая демографическая группа, но и как значимый политический субъект и объект. Отмечены ресурсные дефициты в современной молодежной политике государства. Поднимается вопрос об особенностях национальной модели деятельности государства в отношении новых поколений с учетом мировых тенденций, исторических традиций и потребности социокультурной трансформации России. Статья продиктована необходимостью пересмотра авторитарного подхода к молодежи со стороны государства и реального перехода к процессу ее общественно-политической субъективизации. Необходимым условием решения данной проблемы автор считает эффективное развитие субъект-субъектного взаимодействия власти и молодого поколения, развитие широкого молодежного самоуправления и повышение роли молодежных общественно-политических организаций в обществе. Рассматриваются некоторые технологии и формы становления и развития общественно-политической активности молодежи, определяется ряд условий результативного гражданского взаимодействия. Автор отмечает достаточную эффективность мобилизационных технологий работы государства с молодежью, но подчеркивает, что при выборе технологий и форм воспитания следует учитывать преобладание у нынешнего поколения мо-

лодых людей индивидуалистического сознания над коллективистским. Следовательно, сегодня необходимо расширить «поле применения» достаточно новых для России технологий общественно-политической активизации автономного (личностного) типа. В конце статьи указывается ряд действий российского государства, необходимых, по мнению автора, для достижения эффективной политики в отношении граждан нового поколения.

Ключевые слова: молодежь; государственная молодежная политика; субъектизация молодежи; общественно-политическая активность; социокультурная трансформация в России

Для цитирования: Коряковцева О. А. Государство и молодежь: проблемы гражданского взаимодействия // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 20-32. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-20-32>. <https://elibrary.ru/nxaoug>.

Original article

State and youth: problems of civil interaction

Olga A. Koryakovtseva

Doctor of political sciences, director of Institute for human resources development, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
youth1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2169-7906>

Abstract. The article is devoted to the problems of formation and development of citizenship of the modern young generation and understanding the role of state youth policy in this segment. According to the author, it is the policy of the state that has stimulating and guiding influence, capable of creating conditions for the formation of an adequate socio-political position of young citizens. The objective need to create an effective state-public system for socialization of the Russian modern young generation is emphasized. Young people are seen not only as a special demographic group, but also as a significant political entity and object. Resource deficits in the modern youth policy of the state were noted. The question is raised about the peculiarities of the national model of state activity in relation to new generations, taking into account world trends, historical traditions and the need for socio-cultural transformation of Russia. The article is dictated by the need to revise the authoritarian approach to youth on the part of the state and the real transition to the process of its socio-political subjection. The author considers the effective development of subject-subject interaction between the authorities and the younger generation, the development of broad youth self-government and the increase in the role of youth socio-political organizations in society as a necessary condition for solving this problem. Some technologies and forms of formation and development of socio-political activity of young people are considered. A number of conditions for effective civil interaction are

determined. The author notes sufficient effectiveness of mobilization technologies for work of the state with young people, but emphasizes that when choosing technologies and forms of education, one should take into account the predominance of the current generation of young individualistic consciousness over collectivist. Therefore, today it is necessary to expand the “field of application” of rather new technologies for Russia for the socio-political activation of an autonomous (personal) type. At the end of the article, a number of actions of the Russian state are indicated, which, according to the author, are necessary to achieve an effective policy towards citizens of a new generation.

Keywords: youth; state youth policy; subjectivization of young people; social and political activity; sociocultural transformation in Russia

For citation: Koryakovtseva O. A. State and youth: problems of civil interaction. *Social and political researches*. 2022;3(16):20-32. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-20-32>. <https://elibrary.ru/nxaoug>.

Введение

В условиях трансформации общественных систем особо значимым вопросом становится вопрос о месте и роли молодежи в этом процессе и развитии ее гражданской ответственности, адекватной системе формирующихся общественно-политических ценностей. Очевидно, что в новых социально-экономических условиях возникают новые обстоятельства: сильная власть предстает в виде контингентного решения. А в контингентных условиях нужна решимость, активность, действия. Сегодня становится актуальным управлять не нормами, а отношениями и эффектами. Российская политика государства в процессе становления гражданской ответственности нового поколения выполняет особую роль [Баранов, 2019; Горшков, 2018; Попова, 2019].

Важно осознавать, что проблема осуществления политических действий и их значимость для обще-

ственно-политической активизации и формирования гражданской ответственности молодых граждан России сегодня исключительно актуальна в сфере политики и междисциплинарных исследований. В период кризиса демократии и эпохи пандемии появляются новые факторы, определяющие общественное развитие, поэтому крайне важно определить тенденции развития политики государства, специфику ее реализации и предложить возможные точки роста взаимодействия молодежи, молодежных организаций с российской властью на всех уровнях [Роль молодежных ... , 2019; Селезнева, 2017; Сковиков, 2017; Чупров, 2021].

Исключительно мощное влияние социальных сетей: создание новых социальных групп, новых сообществ, изменение восприятия людей и информации все это неизбежно требует выстраивания новой системы социализации молодежи, эффективно используя ресурсы

публичного управления [Коряковцева, 2015; Коряковцева, 2017].

Провал государственной политики после распада Союза Советских Социалистических республик породил явную потребность в переосмыслении политологических концепций и конкретных действий власти, которые будут направлены на перезапуск политики в отношении молодежи с учетом региональных, национальных и других особенностей регионов Российской Федерации на основе комплексного подхода.

Проблемы взаимодействия государства и российской молодежи

В уже принятых федеральных нормативно-правовых документах молодежь все еще не рассматривается как особый политический субъект и объект одновременно. До сих пор мы видим реальные нарушения преемственности и последовательности в организации деятельности по системному становлению гражданственности и развитию общественно-политической активности молодых. Особо отметим, что работниками «молодежной сферы» зачастую недооценивается роль публичной политики в работе с новым поколением граждан России. А эффективному гражданскому партнерству между молодежью и государством мешает волонтеристский подход государственных институтов.

Аналитическая работа в течение нескольких лет с нормативно-правовыми, программными и научными источниками подтвердила, что в практическом отношении

процессы и механизмы реальной государственной молодежной политики в России, несмотря на предпринимаемые в последнее десятилетие усилия, требуют отладки в политическом, политико-административном и административно-правовом аспектах. Существует реальное расхождение как между различными подходами к концептуальной основе самой молодежной политики, так и в аналитической проработке российской модели ее формирования.

Сегодня актуален вопрос об особенностях национальной модели государственной молодежной политики, формирующейся с учетом мировых тенденций, исторических традиций и потребностей социокультурной трансформации современной России.

Концепция и методы исследования

Российская наука как на государственном, так и на местном уровнях пока недостаточно привлекается к решению проблем. Хотя, на наш взгляд, органы государственной власти имеют административные и иные ресурсы в принятии политических и социальных решений по созданию упомянутой выше общественно-государственной системы формирования гражданской и политической активности молодого поколения россиян. К сожалению, реального перехода к процессу общественно-политической субъективации молодежи нет, поскольку до сих пор на государственном уровне сохраняется авторитарный подход к ней. Существуют различные ресур-

сы позитивных изменений в процессе взаимодействия власти и молодежи, например, только повышение роли общественно-политических организаций, поддержка проектов молодежного самоуправления, а также установление равноправных партнерских отношений с властными структурами реально могут помочь в развитии гражданской активности новых поколений.

Объявленная сегодня политика многополярности мира, перезапуск глобализации на основе новой платформы стран и регионов усиливают значимость поднятой проблемы, так как не до конца ясны мобилизационные и стимулирующие механизмы вовлечения в трансформационный процесс различных категорий населения, среди которых молодежь занимает особое место. Осмысление государственной молодежной политики, проводимой в России в течение двух последних десятилетий, в аспекте общественно-политической активизации молодого поколения позволяет говорить о глубине нашего исследования. Широта эмпирической базы представлена результатами мониторингов различных групп молодежи. Такой многогранный и многомерный подход дает нам возможность сделать достаточно достоверный вывод, что субъектную и объектную роль молодое поколение обретает не только в процессе социализации, но и политизации, в основе лежат процессы самосознания, самоорганизации и самоопределения.

Формирование и развитие как «активности духа, так и «активности действий» (Н. Бердяев) созидательной направленности у молодых граждан России – вот важнейшая задача государственной молодежной политики в сфере субъективизации личности [Коряковцева, 2021]. По нашему мнению, только комплексный подход с участием подготовленных специалистов со сформированными профессиональными компетенциями позволит создать условия для активизации российской молодежи как политического субъекта.

Субъектность молодежи как цель политики российского государства рассматривается нами в следующих основных смыслах.

Во-первых, в аспекте общественно-политической активности молодежи. Методологически важным для нас в этом отношении выступает синтез «активности духа» и «активности действий». Субъектность молодежи понимается нами как необходимость занятия молодежью активной жизненной позиции на данной основе в направлении созидания.

Во-вторых, молодежь рассматривается как особая социально-демографическая группа, обладающая системой групповых характеристик демографического, экономического, социального, политического и духовного содержания. Субъектность молодежи в этом отношении определяется как групповая идентичность в качестве особой общественной группы, способной

занять в общественно-политических процессах самостоятельное место. В этом случае важны такие общественно-политические характеристики молодежи, как «политическая активность», «инициативность», «инновационность», «подвижность», «подверженность влиянию», «фактор нестабильности» и др.

В-третьих, важным аспектом субъектности молодежи выступают ее поколенческие особенности. Значимость этого аспекта для российского государства определяется трансформационными процессами 1990 годов, наметившими определенный разрыв в межпоколенческой динамике взаимодействий. Этим также определяется сложность и противоречивость в современной молодежной политике, которая вынуждена колебаться между отношением к молодежи, то как к субъекту, то как к объекту.

В-четвертых, субъектность молодежи рассматривается не только в аспекте автономного существования (саморазвитие молодежи), но и с точки зрения полученного результата активного внешнего формирования (развитие молодежи как субъекта со стороны государства). Субъектность молодежи здесь выступает как ее нормативизация в качестве объекта (М. Фуко), то есть ее подчиненность политике государства [Коряковцева, 2013]. Эту возможность предоставляет социализаторская функция государства, которая направлена на институционализацию молодежи, организацию

взаимодействия государственной власти и молодежи, мобилизацию молодежи как инструмента государственной политики.

Мы говорим о современной молодежи и молодежной политике как о сложном, многогранном и противоречивом явлении в рамках не только российского, но и мирового сообщества. Мировое сообщество постоянно меняется. Миром стали править эмоции. Появились новые термины: «нервные государства», эмоциональная политика, неопределенность, непредсказуемость. В таких особых условиях динамичным компонентом общественно-политической системы российского государства становится общественно-политическая активность молодого поколения.

Для осмысления достоинств и недостатков методов, технологий, форм и приемов гражданского становления личности, мы обратились к опыту тоталитарных государств. Мы не принимаем во внимание политико-идеологические концепции этих государств, поскольку для изучения технологической стороны воспитательной проблемы и выбора инструмента политического воздействия это, на наш взгляд, совершенно неважно.

Приведем пример: для современной Украины одним из факторов мощного государственного воздействия стала политика гитлеровской Германии в отношении подрастающего поколения, причем не только по форме, но и по содержанию. Мы знаем, что Гитлер предо-

ставил право молодежи на активное участие в деятельности национал-социалистической партии, это постоянно подчеркивалось в средствах массовой информации, это продвигалось в массы теми, еще достаточно ограниченными средствами массовой информации [Васильченко, 2021]. И тем не менее, такой подход оказался весьма действенным методом для привлечения молодых людей [Регентов, 2021]. Пропаганда нацистов учитывала возрастную психологию подростков, их социальную принадлежность к небогатым семьям, их стремление реализовать свой потенциал, доказать свою состоятельность как личности, превзойти своих родителей-мещан. Кроме того, использование атрибутики, знаков отличия – тоже всегда привлекает молодых людей. Тщеславию молодого человека льстит ношение особой формы, символические нашивки и татуировки, которые подчеркивают причастность к сильной организации.

Подобная организационная структура активизации молодежного движения может служить примером успешного применения мобилизационных технологий (за исключением использования нацистской идеологии) [Молодежное политическое лидерство, 2020]. Подобными методами работы с молодежью в 70-80 годы XX века эффективно пользовался коммунистический Китай. Но украинские руководители на этом не остановились и внедрили нацистские идеи в умы под-

растающего поколения. Сегодня мы пожинаем эти плоды.

Единая молодежная организация Советского Союза – «Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи» – успешно применяла международный опыт долгосрочных мобилизационных технологий. Их эффективность в формировании гражданской позиции и общественно-политической активности советской молодежи очевидна. Сегодня, в России есть примеры использования подобных технологий (юнармейцы, детские флотилии, пионеры или скауты в ряде школ и т. п.), но они чаще всего носят локальный характер и ограничены подростковым возрастом. В отношении более взрослой молодежи государство оставляет поле деятельности за общественными и общественно-политическими организациями.

Результаты исследования

На основе результатов нашего аналитического исследования *общественно-политическая активность представляется нам как комплексный феномен, включающий автономную активность каждого и мобилизационную активность, приобретенную в процессе политизации.* Это объясняется еще и тем, что в пору взросления молодежь одновременно является субъектом общественно-политических действий и объектом внешнего общественно-политического воздействия.

Происходящие сегодня внутриполитические и внешнеполитиче-

ские процессы объективно рожают новые взаимоотношения молодежного движения и государственной власти. Характер современной молодежной политики в России определяется как вертикалью государственной власти, так и демократическими процессами развития гражданского общества. Только повышение роли молодежных организаций и развитие широкого молодежного самоуправления может, на наш взгляд, обеспечить активизацию общественно-политической деятельности молодого поколения.

В сложных контингентных условиях необходимо создать, как уже упоминалось выше, общественно-государственную систему гражданской активизации молодежи на основе использования достаточно новых для России технологий автономного (личностного) типа в отличие от привычных мобилизационных. Мы убеждены, что данная система будет способствовать формированию у подрастающего поколения созидательной активности духа, а значит, – и активизации действий, направленных на обеспечение общественной стабильности в стране. Тем более при выборе технологий и форм воспитания следует учитывать преобладание у нынешней молодежи индивидуалистического сознания над коллективистским, которое было свойственно советским людям.

Гражданская активность, с одной стороны, – устойчивое свойство личности, а с другой – деятельность, выступающая в различ-

ных формах: трудовая, правовая, познавательная, нравственная и, конечно, общественно-политическая. Обратим внимание, что узкое материалистическое понимание политологами и социологами гражданской и социальной активности как «социального действия», к сожалению, не учитывает процесс формирования «активности духа», что особенно значимо для развития созидательной общественно-политической активности молодых. На важность подобного взаимодействия в свое время указывал один из столпов русской идеалистической философии Николай Бердяев, чью позицию мы, безусловно, разделяем.

Эффективность государственной молодежной политики определяется не только правильно избранными целями и принципами, но и адекватными технологиями и обеспечением, то есть техническим, коммуникационным и программным сопровождением.

В трансформирующемся социокультурном пространстве постиндустриального общества процесс субъективизации молодого поколения является закономерным, поэтому очевидно, что спектр использования автономных (личностных) социально-политических технологий должен расширяться. Значит, сегодня основной задачей политики российского государства становится всемерная поддержка молодежного парламентаризма и молодежных инициатив от федерального до муниципального уровней. Практи-

ческим воплощением такой политики может явиться совместная деятельность молодежи и властных структур в социально-политической сфере, основанная на субъект-субъектных партнерских отношениях власти и молодежи. Подобный опыт сегодня динамично растет: за многочисленными Президентскими и Губернаторскими проектами – будущее.

Сегодня в условиях санкций и спецоперации на Украине особенно возрастает значимость государственной политики. Тем более, что процесс становления активной гражданской позиции современного молодого поколения осложняется противоречащими друг другу процессами демократизации общества и укрепления государственности.

Практика работы с молодежью подтверждает, что содержание общественно-политической активности молодежи многоаспектно и многозначно, поскольку определяется социальным статусом, профессиональной спецификой, этническими особенностями и традициями, различиями гражданской позиции, отношением личности к политике государства и к деятельности молодежных организаций. Каковы же, на наш взгляд, причины общественно-политической пассивности части молодых людей? Одна из причин общественно-политической безынициативности молодежи определяется во многом устаревшим нормативно-правовым обеспечением, которое пока «по привычке» регламентирует деятельность

специалистов, осуществляющих государственную молодежную политику, а не обеспечивает условия для гражданской активизации молодого поколения с помощью упомянутых выше технологий. Другая причина кроется в несформированности профессиональных компетенций тех, для кого работа с молодежью стала профессией.

Заключение

Время требует научного осмысления концептуальных решений в отношении осмысления молодежи как социально-политического субъекта и объекта одновременно. При этом следует учитывать, нарастание субъектности личности с возрастом, что проявляется в росте самосознания и организованности. В условиях трансформации общества и сложной политической и экономической обстановки в мире очевидно, что роль государства имеет особое значение в общественно-политической активизации молодых граждан России. Высокий конечный результат взаимодействия молодежи и власти достижим при условии взаимной реализации продуманной стратегии и тактики государственной молодежной политики, наличия материального потенциала и системы регулирования профессиональной компетентности специалистов, работающих в этой сфере. Взаимодействие молодежи и власти должно носить комплексный характер: следует определить потенциал всех участников взаимодействия, совместно продумать и наметить стратегию и тактику

ГМП, выявить зоны общей ответственности, мобилизовать имеющиеся материальные и человеческие ресурсы, выбрать, научно обосновать и эффективно использовать разнообразные технологии общественно-политической активизации.

Анализ документов и нашего практического опыта позволяет говорить как о несформированности на сегодняшний день единой Национальной Идеи, так и о неустойчивости системы общественных и личностных ценностей молодых россиян. Безусловно, такое положение дел тормозит процессы гражданского становления, духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи.

По нашему мнению, эффективной политике государства в отношении новых поколений будут способствовать следующие действия российского государства:

- завершение формирования нормативно-правового обеспечения реализации государственной молодежной политики как на федераль-

ном, так и на региональном уровнях;

- при принятии общественно-политических и социальных решений – опора на научные исследования о молодежи (особенно в области политологии, психологии, социологии, педагогики, философии образования);

- созданная практико-ориентированная система оценивания эффективности политики государства в отношении нового поколения;

- учет специфики (национальная, конфессиональная, численность, перспективность) региона;

- более эффективное использование информационного пространства для взаимодействия с молодежной аудиторией;

- расширение спектра научных и учебно-методических разработок;

- разработка и реализация образовательных программ с целью повышения профессиональной компетентности специалистов сферы государственной молодежной политики.

Библиографический список

1. Баранов Н. А. Общероссийская гражданская идентичность в политико-культурном контексте // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 10-12 октября 2019 г. : сборник научных трудов / гл. ред. О. А. Сотникова. Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 88-94.

2. Васильченко А. В. Гитлерюгенд – национал-социалистическая молодежь действует. URL: <http://www.nationalism.org/rnsp/Docs/bibliotec.htm>. (Дата обращения: 27.09.2021).

3. Горшков М. К. Российская идентичность в условиях трансформирующихся процессов // Вестник российской нации. 2018. № 1. С. 157-179.

4. Коряковцева О. А. Исследование становления гражданской идентичности молодого поколения россиян: интегративный подход / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук // Социально-политические исследования. 2021. № 3 (12). С. 15-23.
5. Коряковцева О. А. Воспитание современной молодежи: формирование гражданской идентичности : монография / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук // Современные концепции профессионального образования студенческой молодежи. Ульяновск : СИМ-JET, 2015. С. 244–256.
6. Коряковцева О. А. Социально-политические и психологические основы работы с молодежью : учебное пособие / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. 103 с.
7. Коряковцева О. А. Патриотическое воспитание как фактор общественно-политической социализации российской студенческой молодежи / О. А. Коряковцева, С. Л. Таланов // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2017. № 4. С. 28-33.
8. Молодежное политическое лидерство в российских регионах : монография / под ред. О. В. Поповой, Я. Ю. Шашковой. Санкт-Петербург : Скифия – Принт, 2020. 216 с.
9. Никовская Л. И. Публичная политика и гражданское общество (Санкт-Петербургский кейс) / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14, № 1. С. 57-67.
10. Попова О. В. Модели и технологии формирования политики идентичности в «новых» государствах // Социальные изменения в глобальном мире. Штип : Издательство университета Гоце Делчева, 2019. С. 757-772.
11. Регентов Д. Сетевой национализм Китая. URL: http://www.abirus.ru/o/r_nizm.htm. (Дата обращения: 02.10.2021).
12. Роль молодежных организаций в процессе политической социализации российской молодежи : монография / под ред. О. В. Поповой, Я. Ю. Шашковой. Санкт-Петербург : Скифия – Принт, 2019. 245 с.
13. Селезнева А. В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 200-208.
14. Сковиков А. К. Политические партии и российская молодежь: диалог на современном этапе / А. К. Сковиков, С. Г. Скутина, А. С. Фалина // *PolitBook*. 2018. №4. С. 64-73.
15. Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок. Москва : Юр.Норма, 2020. 304 с.

Reference list

1. Baranov N. A. Obshherossijskaja grazhdanskaja identichnost' v politiko-kul'turnom kontekste = All-Russian civic identity in political and cultural context // Pitirim Sorokin i paradigmy global'nogo razvitiya XXI veka (k 130-letiju so dnja rozhdenija): Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, Syktyvkar, 10-12 oktjabrja 2019 g. : sbornik nauchnyh trudov / gl. red. O. A. Sotnikova. Syktyvkar : Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2019. S. 88-94.
2. Vasil'chenko A. V. Gitlerjugend – nacional-socialisticheskaja molodezh' dejstvuet = Hitler youth – national socialist youth operates. URL:

<http://www.nationalism.org/rnsp/Docs/bibliotec.htm>. (Data obrashhenija: 27.09.2021).

3. Gorshkov M. K. Rossijskaja identichnost' v uslovijah transformirujushhihsja processov = Russian identity in conditions of transforming processes // Vestnik rossijskoj nacii. 2018. № 1. S. 157-179.

4. Korjakovceva O. A. Issledovanie stanovlenija grazhdanskoj identichnosti molodogo pokolenija rossijan: integrativnyj podhod = A study of the formation of the civil identity of the Russian younger generation: integrative approach / O. A. Korjakovceva, T. V. Bugajchuk // Social'no-politicheskie issledovanija. 2021. № 3 (12). S. 15-23.

5. Korjakovceva O. A. Vospitanie sovremennoj molodezhi: formirovanie grazhdanskoj identichnosti = Nurturing modern youth: shaping civic identity : monografija / O. A. Korjakovceva, T. V. Bugajchuk // Sovremennye koncepcii professional'nogo obrazovanija studencheskoj molodezhi. Ul'janovsk : SIM-JET, 2015. S. 244–256.

6. Korjakovceva O. A. Social'no-politicheskie i psihologicheskie osnovy raboty s molodezh'ju = Socio-political and psychological foundations of working with young people : uchebnoe posobie / O. A. Korjakovceva, T. V. Bugajchuk. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013. 103 s.

7. Korjakovceva O. A. Patrioticheskoe vospitanie kak faktor obshhestvenno-politicheskoj socializacii rossijskoj studencheskoj molodezhi = Patriotic education as a factor in the socio-political socialization of Russian student youth / O. A. Korjakovceva, S. L. Talanov // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2017. № 4. S. 28-33.

8. Molodezhnoe politicheskoe liderstvo v rossijskih regionah = Youth political leadership in Russian regions : monografija / pod red. O. V. Popovoj, Ja. Ju. Shashkovojoj. Sankt-Peterburg : Skifija – Print, 2020. 216 s.

9. Nikovskaja L. I. Publichnaja politika i grazhdanskoe obshhestvo (Sankt-Peterburgskij kejs) = Public policy and civil society (St. Petersburg case) / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. 2018. T. 14, № 1. S. 57-67.

10. Popova O. V. Modeli i tehnologii formirovanija politiki identichnosti v “novyh” gosudarstvah = Models and technologies for the formation of identity politics in “new” states // Social'nye izmenenija v global'nom mire. Shtip : Izdatel'stvo universiteta Goce Delcheva, 2019. S. 757-772.

11. Regentov D. Setevoj nacionalizm Kitaja = China's networked nationalism. URL: http://www.abirus.ru/o/r_nizm.htm. (Data obrashhenija: 02.10.2021).

12. Rol' molodezhnyh organizacij v processe politicheskoj socializacii rossijskoj molodezhi Role of youth organizations in the process of political socialization of Russian youth : monografija / pod red. O. V. Popovoj, Ja. Ju. Shashkovojoj. Sankt-Peterburg : Skifija – Print, 2019. 245 s.

13. Selezneva A. V. Patriotizm kak politicheskaja cennost': politiko-psihologicheskij analiz = Patriotism as a political value: political-psychological analysis // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2017. № 38. S. 200-208.

14. Skovikov A. K. Politicheskie partii i rossijskaja molodezh': dialog na sovremennom jetape = Political parties and Russian youth: dialogue at the modern stage / A. K. Skovikov, S. G. Skutina, A. S. Falina // PolitBook. 2018. №4. S. 64-73.

15. Chuprov V. I. Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoreguljacija zhiznedejatel'nosti = Youth in the cultural space: self-regulation of life / V. I. Chuprov, Ju. A. Zubok. Moskva : Jur.Norma, 2020. 304 s.

Статья поступила в редакцию 04.06.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 04.06.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья

УДК 32

DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-33-46

EDN: NUAENI

Разрушение базовых традиционных ценностей как угроза для национального менталитета

Андрей Андреевич Ковалев

Кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург
kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение некоторых угроз национальному менталитету как составной части национальной безопасности России. В качестве основных задач исследования сформулировано выделение основных угроз российскому национальному менталитету, которые подрывают национальную безопасность государства, а также изучение основных характеристик данных угроз и источников их возникновения. Ключевым методом исследования был выбран неинституциональный метод, применение которого позволило выделить новые элементы политического процесса и сформулировать их роль в таком важном вопросе, как национальная безопасность государства. В ходе исследования были выделены и проанализированы следующие базовые традиционные ценности, разрушение которых рассматривается в качестве угрозы российскому национальному менталитету и подрывает целостность национальной безопасности государства: базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности. Противостояние представителей различных цивилизационных типов, технологический прорыв в области ведения войн нового поколения («гибридных войн»), борьба за власть и ресурсы на планетарном уровне, бесконтрольно навязываемые процессы вестернизации и некоторые другие обстоятельства вывели защиту национального менталитета и его составных элементов на ключевые позиции в современных условиях развития человеческой цивилизации. А угрозы национальному менталитету стали признаваться таковыми на государственном уровне. В результате исследования был сделан вывод о том, что в настоящее время происходит планомерное размывание и подрыв периферийной части национального менталитета Рос-

---

© Ковалев А. А., 2022

сии, при этом сопротивляемость нашего государства таким угрозам демонстрирует сохранность его ядра. Однако продолжающиеся длительное время (на протяжении нескольких поколений) атаки на российский национальный менталитет без должной государственной охраны и соответствующих мер способны перенести деструктивные процессы с периферии на уровень его ядра.

Ключевые слова: национальный менталитет; национальная безопасность; базовые ценности; угрозы; безопасность; цивилизационные типы; человекоориентированность

Для цитирования: Ковалев А. А. Разрушение базовых традиционных ценностей как угроза для национального менталитета // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 33-46. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-33-46>. <https://elibrary.ru/nuaeni>

Original article

Destruction of basic traditional values as a threat to the national mentality

Andrei A. Kovalev

Candidate of political sciences, associate professor of department of state and municipal administration, North-Western institute of management, Russian Presidential academy of national economy and public administration, St. Petersburg
kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Abstract. The purpose of the study is to consider some threats to the national mentality as an integral part of Russia's national security. The main objectives of the study are to identify the main threats to the Russian national mentality that undermine the national security of the state, as well as to study the main characteristics of these threats and the sources of their occurrence. The key method of the study was the neoinstitutional method, the application of which made it possible to identify new elements of the political process and formulate their role in such an important issue as the national security of the state. In the course of the study, the following basic traditional values were identified and analyzed, the destruction of which is considered a threat to the Russian national mentality and undermines the integrity of the national security of the state: basic moral and cultural norms, religious principles, the institution of marriage, family values. The confrontation of representatives of various civilizational types, a technological breakthrough in the field of new generation wars (“hybrid wars”), the struggle for power and resources at the planetary level, uncontrollably imposed Westernization processes and some other circumstances have brought the protection of the national mentality and its constituent elements to key positions in modern conditions of human civilization development. And threats to the national mentality began to be recognized as

such at the state level. As a result of the study, it was concluded that at present there is systematic erosion and undermining of the peripheral part of the national mentality of Russia, while the resistance of our state to such threats demonstrates the preservation of its core. However, attacks on the Russian national mentality that have been going on for a long time (for several generations) without proper state protection and appropriate measures can transfer destructive processes from the periphery to the level of its core.

Keywords: national mentality; national security; basic values; threats; security; civilizational types; human orientation

For citation: Kovalev A. A. Destruction of basic traditional values as a threat to the national mentality. *Social and political researches*. 2022;3(16): 33-46. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-33-46>. <https://elibrary.ru/nuaeni>

Введение

Новые угрозы современности приобретают качественно иные смыслы по причине изменения субъектно-объектных отношений, которые переориентировались на человека, его индивидуальность, ментальность, личность. В XXI веке охрана человека – это приоритетная область государственной политики разных направлений. Таковую политику можно назвать человекоориентированной, которая направлена на сохранение человеческого ресурса.

Эти сдвиги в государственной политике были вызваны осознанием роли общества и его отдельных членов для современного государства и его безопасности. Стабильное и процветающее общество является неким гарантом сильного и независимого государства как во внешнеполитическом аспекте, так и во внутривнутриполитическом.

Угрозы стабильности и суверенности государства были всегда, и государство эти угрозы пыталось различными способами нивелировать. Каждая новая эпоха создает новые угрозы национальной безопасности государства и требует новых ответов на них. В эпоху информационного противостояния и использования методов «гибридной войны» особого внимания требуют от государства те угрозы, которые направлены на национальный менталитет.

Подобные угрозы действуют незаметно, плавно подменяя ценности, установки, общепризнанные нормы общества на незнакомые и чуждые. С подобной проблемой столкнулась современная Россия, которая подверглась попыткам разрушения русской ментальности в условиях концентрированных угроз «гибридных войн» [Салтыкова, 2018]. Это давняя проблема, которая обострилась в XXI веке по причине появления новых технологий,

в том числе военно-информационных.

О глобализации и ее последствиях писали О. Е. Андерсон, У. Бек, П. Козловски, А. Тойнби и др. Вопросы цивилизационных типов, самобытности и идентичности России изучали Н. Я. Данилевский, О. Ю. Малинова, А. В. Савка, П. Сорокин, С. Хантингтон и др. Таким образом, теоретическая разработанность исследуемой темы достаточно широка, это позволяет тем самым на ее основе получать новые актуальные знания, ценность которых определяется их практической значимостью.

Цель исследования – рассмотреть некоторые угрозы национальному менталитету как составной части национальной безопасности России.

Задачи исследования: 1) выделить основные угрозы российскому национальному менталитету, которые подрывают национальную безопасность государства; 2) изучить основные характеристики данных угроз и источник их возникновения.

Методы исследования. Неинституциональный метод позволил выделить новые элементы политического процесса и сформулировать их роль в таком важном вопросе, как национальная безопасность государства.

Разрушение базовых моральных и культурных норм, религиозных устоев, института брака, семейных ценностей как угроза российскому национальному менталитету

Цивилизационные типы, характерные для современных государств, можно соотнести с национальным менталитетом, благодаря которому идентифицируется тот или иной тип людей. Безусловно, они не тождественны, так как каждое общество в рамках одного государства обладает своим уникальным менталитетом. Этот постулат доказывает ситуация с оказавшимся непрочным и разобщенным славянским миром в лице России и Украины и их взаимоотношениями в постсоветские годы. Вообще наибольшую опасность по уровню эскалации, специфике кризисного нерегулируемого протекания и исторической бесперспективности наряду с конфликтами поколений и гражданскими войнами представляют вооруженные конфликты ментально близких общностей и народов в рамках одного культурно-исторического пространства или географического региона. Обострившиеся российско-украинские отношения тому подтверждение.

Так, американский политолог С. Хантингтон отмечал, что столкновение цивилизаций неизбежно в будущем (а его знаменитая статья «Столкновение цивилизаций» вышла в свет в 1993 году), а победа одной цивилизации над другой не

является окончательной [Хантингтон, 2003]. И он был прав. Отодвинутые на периферию мировой политики государства, не желающие терять свою уникальность в форме национального менталитета и растворяться в процессах глобализации и вестернизации, начинают заявлять о себе все громче. Среди них и Россия.

По справедливому мнению профессора В. П. Семьянинова, «западный цивилизационный тип <...> не может быть преобладающим по причине его инородности и бесперспективности для других цивилизационных типов» [Семьянинов, 2018, с. 192]. А их стремление разрушить чуждую им идентичность ожидаемо натолкнется на сопротивление.

В рамках настоящего исследования будет рассмотрен следующий комплекс угроз российскому национальному менталитету, влияющих на национальную безопасность государства в целом: *разрушение базовых моральных и культурных норм, религиозных устоев, института брака, семейных ценностей*. Данные угрозы были сформулированы и признаны таковыми в концептуально-доктринальных документах РФ: Стратегии национальной безопасности РФ 2021 года [Указ Президента РФ № 400, 2021], Военной доктрине РФ 2014 года [Военная доктрина, 2014] и ряде других. Таким образом, современная Россия признает ценность национального

менталитета российского народа для сохранения государственности.

Результаты исследования

Политологи, правоведы, социологи, культурологи и другие исследователи задаются вопросом о том, что могло послужить причиной, во-первых, покушения на российский национальный менталитет, и, во-вторых, его податливости различным угрозам. Разрушение базовых принципов может создать более хрупкую и менее устойчивую психологию к информационным и когнитивным угрозам, характерным для войн современного типа. В таком состоянии когнитивного диссонанса общество становится восприимчивым к насаждению неестественных привычек, мыслей и идеалов.

Нам представляется, что основная причина кроется в потере идентичности российским обществом и тщетных попытках самостоятельно ее отыскать. Пока общество находилось один на один перед этой угрозой, Россия теряла свой авторитет и свою самостоятельность во всех сферах. Пик данных деструктивных процессов пришелся на 1990-е годы.

Аномия, которая началась в нашей стране в конце 1980-х годов и продолжающаяся в том или ином виде до сих пор, наносит огромный вред обществу, национальному менталитету. Аномия приводит к ситуации, когда морали просто нет. Религиозная этика и семейные ценности считаются анахронизмом и мешающими ограничениями. На

место морали приходит ценность личного комфорта, потребления, удовлетворения всех и, прежде всего, базовых потребностей, обеспечение, ослабление и разрыв семейных связей.

Базовые культурные и моральные нормы входят в систему традиционных ценностей. Они рассматриваются как фактор цивилизационной самоидентификации, которая начинает возрождаться в эпоху глубочайшего кризиса постмодернового общества, порожденного глобализацией [Савка, 2009]. По мнению философа В. Шубарта, моральность и духовность, воплощенные в мессианстве, всегда были присущи русскому человеку. «Только Россия способна одухотворить человеческий род, погрязший в вещности и испорченный жаждой власти» [Шубарт, 2000, с. 67]. Ориентированность на европейский образ жизни в постсоветский период, таким образом, отдаляет российский народ от его ментальных особенностей, нарушая самоидентификацию и самобытность, которые воплощаются в национальной идее.

При этом стоит отметить, что сохранение культурных и моральных норм, общепризнанных традиционных ценностей не должно означать косность и отсутствие развития общества. Для адекватного времени общественного развития граждане должны осознавать как преимущества своей идентичности, так и ее недостатки [Неврюев, 2021]. И только в этом случае воз-

можно эффективное сочетание особенностей общепризнанных норм и ценностей.

Наша страна в настоящее время находится на этапе поиска национальной идентичности, осознания ценности развития нации по собственному уникальному пути. Государство серьезно озабочено возрождением России, русского народа как внутри страны, так и за ее пределами. Данная деятельность осуществляется в различных направлениях. Так, современное российское общество переживает ряд серьезных трансформаций, одной из которых являются изменения Конституции РФ, которые академик РАН Т. Я. Хабриева считает «... по значению и глубине приближающимися к конституционной реформе» [Хабриева, 2020, с. 403]. Так, по мнению ученого, в современной России вырабатывается собственная национальная модель конституции, которая является результатом сложившегося консенсуса между государством и обществом в вопросах, касающихся базовых ценностей.

Таким образом, в условиях ценностного кризиса, который переживает современная Россия, большое значение приобретает культурная консолидация и формирование единого ценностного пространства. Иными словами, перед российской властью (как и перед самим обществом) стоит задача по преодолению разобщения российского общества как носителя единого национального менталитета. Главное

направление для работы здесь заключается в сочетании стабильности, преемственности и развития. При этом определяющими культурными ценностями для современных россиян являются семья и здоровье, в условиях кризиса к ним добавляется стремление к материальному благополучию (как олицетворение стабильности) и патриотизм [Маршак, 2020]. Именно так можно добиться сохранности общества и государства перед историческими вызовами и угрозами современности.

Дополнительным стимулом для возрождения моральных и культурных норм России может стать создание концепции единой Родины, которая, по мнению доктора социологических наук С. В. Гузениной, сможет стать единственно возможной альтернативой западной модели развития для дальнейшего существования России с ориентацией идей и интересов, основанных на национальном менталитете и самобытности нашего государства [Гузенина, 2016].

В структуру российского национального менталитета прочно вплетены религиозные устои, влияющие на формирование национального характера и самоидентичности. В данном контексте имеет значение и государственно-религиозные, и общественно-религиозные отношения, которые формировались и приобретали определенные смыслы на протяжении всей истории нашего государства. Безусловно, нельзя пренебрегать тем обстоятельством, что

Россия – светское государство, однако, говоря о способах защиты национального менталитета, не стоит также пренебрегать такими свойствами традиционно присущей данному обществу религии, как коммуникативность, интегративность, регулятивность, а также элементы психотерапии [Власов, 2019]. По нашему мнению, религиозные устои, присущие российскому национальному менталитету, в вопросах консолидации современного общества сыграют незаменимую роль и позволят сплотить разобщенный социум. Поэтому государство должно продемонстрировать неподдельную заинтересованность в обеспечении духовно-нравственного развития граждан, в том числе возрождая и внедряя основы религиозных культур наряду с базовыми элементами светской этики [Stepanova, 2018].

Однако в научной среде существует небезосновательное мнение, что зачастую повышение уровня религиозности в светском обществе может использоваться в политических целях. Это способно дискредитировать саму религию, ее проводников (священнослужителей) и приверженцев (верующих). При этом открыто усомниться в возможных негативных последствиях обращения к религиозным устоям не рискуют даже оппозиционеры [Бесков, 2021]. Таким образом, «в целом в современной российской культуре и массовом сознании наблюдается отход от безусловного признания

идеи монотеизма» [Бесков, 2020, с. 50]. Так, можно констатировать, что религиозный консенсус в современной России, по-видимому, отсутствует. И это обстоятельство серьезно подрывает единство нации, нарушает ее целостность и ее стремление к консенсусу.

Особое место в системе ценностей российского общества принадлежит институту брака и семейным ценностям. Приверженность семейным ценностям – это то, что олицетворяет глубинную сущность российского менталитета, то есть его статичное ядро, придающее ему устойчивость. При этом в современной России наблюдается кризис в данной сфере общественного взаимодействия, который нивелирует данные ценности. По мнению профессора Г. И. Климантовой, несмотря на кризисные явления, характерные для современной России, «в системе духовно-нравственных ценностей семья вновь превращается в основную универсальную основу общества» [Климантова, 2018, с. 128].

Однако кризис традиционных ценностей (в том числе брака и семьи), порожденный навязыванием чуждых идеалов и взглядов, недальновидной политикой государства в этой сфере, а также неустойчивостью и нестабильностью самого российского общества, продолжается и набирает обороты. Подобные обстоятельства расшатывают поверхностные (изменчивые, периферийные) слои национального менталитета, оставляя при этом

сохранным его ядро. Но при длительном негативном воздействии на национальный менталитет возникает резонный вопрос о том, как долго сможет статичное ядро оставаться таковым? Нам представляется, что все же время его устойчивости конечно.

«Просвещенность», навешанная глобализацией, во взглядах на семью и брак нарушает целостность восприятия российского общества на данный институт, олицетворяя этап его трансформации [Калашникова, 2015]. И навязываемые россиянам и всему миру европейские и американские ценности относительно семьи и брака пошли даже дальше веберовской «целесообразной рациональности» [Давыдов, 1998], демонстрируя перегибы и отклонения между нормой и деструкцией. Такое положение справедливо можно охарактеризовать как покушение на общественное здоровье, подрываемое теми слоями населения, у которых нарушена идентичность [Карцева, 2017]. Это наиболее внушаемые, нестабильные и опасные для консолидации социума общественные элементы, которые, однако, как уже было отмечено, будоражат только периферийные зоны национального менталитета, не задевая глубокие слои сознания россиян. При этом насаждение чуждых идеалов продолжается и вызывает неподдельный интерес среди молодых россиян новизной взглядов и стремлением приверженцев традиционных по-

рядков поставить под запрет подобные темы.

Итак, становится очевидным, что деструктивные процессы, представляющие угрозу национальному менталитету, в нашей стране имеют место. При этом необходимо задаться вопросом, какие негативные последствия несут эти процессы национальной безопасности нашего государства в условиях цивилизационного противостояния. Его также можно назвать ментальным противостоянием, когда в подобной борьбе смыслов, ориентиров и ценностей одна нация (или несколько в рамках одного цивилизационного типа) пытается изолировать, «отметить» другую нацию, исключив физическое уничтожение или явное порабощение по типу классического рабства, но при этом оставив от порабощенной нации только оболочку, форму, пытаясь наполнить ее тем содержанием, которое будет выгодно и безопасно для нации-победителя. Это и есть подмена и насаждение ценностей.

Особую роль здесь играет Интернет и его возможности по распространению информации (по скорости, по качеству и т. д.) и формированию цифровой этики, которая игнорирует национальный фактор. В настоящее время тотальному насаждению этого явления препятствует языковой барьер, однако дальнейшее развитие технологий и создание более совершенных переводчиков устранил и эту помеху.

Важно отметить, что общество, не охваченное кризисами и потрясениями, не нуждается в апелляции к традиционным ценностям, оно и так их придерживается. В условиях нестабильности, безусловно, с обществом необходимо работать и напоминать о тех нормах и устоях, на базе которых было создано и существовало данное общество. А если внешними силами целенаправленно создаются атаки на национальный менталитет, то общество может попытаться их отвергнуть в сложные исторические моменты. Таким образом, разрушение традиционных моральных и культурных норм, религиозных устоев, института брака и семейных ценностей ослабляет охранительную, адаптивную, регулятивную функцию национального менталитета.

Национальный менталитет – это духовная константа, которая, если и изменяется, то весьма медленно, так, что на уровне двух-трех поколений это может быть вообще незаметно. В таких обстоятельствах отмеченные здесь угрозы будут просто «отторгнуты» именно на ментальном уровне как чужеродные институциональные трансформации.

Стоит отметить, что украинские события 2022 года спровоцировали кризис во всех регионах и государствах мира, проверяя их ментальную устойчивость. В итоге этот кризис привел в России к ментальному единению населения. Тогда

как, например, в США в последние годы мы наблюдаем мировоззренческий кризис (ценностей семьи и брака, отношения к богатству и бедности и т. д.), выражающийся в нарушении поведенческих стереотипов.

Заключение

К чему приводит подрыв и разрушение традиционных ценностей и ориентиров современного российского общества? Здесь важно понять, способствуют ли данные процессы глубинным сдвигам в российском национальном менталитете или демонстрируют только поверхностные изменения, провоцируемые мейнстримом деградации западных обществ. Мы склонны считать, что нестабильность и кризисность настоящего этапа развития государства способствует увлечению общества новинками, пришедшими извне.

Стоит согласиться с мнением исследователей Г. В. Антонова и Е. Г. Лактюхиной, согласно которому отступление от традиционных ценностей носит внешний поверхностный характер. Это означает, что «мы столкнулись всего лишь с ослаблением функции социального контроля со стороны других институтов общества» [Антонов, 2014, с. 27]. Авторы проводили социологический опрос на тему ценностей семьи и брака и сделали выводы в рамках этой проблематики. Однако результаты настоящего исследования демонстрируют, что подобные сдвиги (поверхностные и времен-

ные) в сознании россиян наблюдаются и в других областях жизнедеятельности, определяемых смыслами глубинных слоев национального менталитета.

Есть ценности общечеловеческие (или первичные), а есть ценности более высокого порядка, которые определяют и задают смысл и цели жизни как всего общества, так и каждого отдельного его члена [Смирнов, 2019]. Во втором случае мы имеем дело с ценностями, которые легли в основу национального менталитета. А разрушение более высоких ценностей приводит к переходу (падению) на предшествующий их уровень. Национальная идентичность, таким образом, подвергается размыванию, приводящему к политической и социальной разобщенности. В таких условиях общественное сознание деформируется под воздействием пропаганды и манипуляций, ставших повсеместным явлением в условиях глобализации, вестернизации и создания единого информационного медиапространства.

Итак, пока государство является самостоятельной политической единицей во внутренних и внешних делах, оно способно поддерживать свойственную национальному менталитету фундаментальность и незыблемость и примирять общество, которое всегда остается дифференцированным в оценке наблюдаемых фактов и процессов, где часть общества придерживается традиционных устоев, а другая

часть – альтернативных норм и ценностей. Пока государство независимо и самостоятельно от внешних деструктивных влияний, ценностно-нормативный конфликт уда-

ется сдерживать в приемлемых рамках, не затрагивающих глубокий слой национального менталитета.

Библиографический список

1. Антонов Г. В. Самооценка брачного и семейного статуса как индикатор традиционных ценностей / Г. В. Антонов, Е. Г. Лактюхина // Альманах современной науки и образования. 2014. № 8 (86). С. 22-28.
2. Бесков А. А. Антиклерикальный дискурс в современной российской науке // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4, ч. 1. С. 88-111.
3. Бесков А. А. От богоискательства к многобожию? Концепт «боги» в творчестве современных русскоязычных музыкантов // Социодинамика. 2020. № 8. С. 44-65.
4. Власов В. В. Роль традиционных религий в общественно-политической жизни современной России / В. В. Власов, О. С. Городнина // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19, № 4. С. 89-98.
5. «Военная доктрина Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/. (Дата обращения: 02.08.2022).
6. Гузенина С. В. Образ Родины в матрице коллективной российской идентичности // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11, № 1. С. 126-131.
7. Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. Москва : Мартис, 1998. 510 с.
8. Калашникова С. М. Трансформация института брака в России в условиях глобализации // Панорама. 2015. Т. 17. С. 104-113.
9. Карцева Л. В. Какую семью мы можем и должны сохранить (по материалам социологических исследований) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 74-79.
10. Климантова Г. И. Семья в системе социокультурных ценностей современной России // Отечественный журнал социальной работы. 2018. № 3. С. 126-130.
11. Маршак А. Л. Культурная консолидация как инновационная основа развития социальной структуры российского общества / А. Л. Маршак, Л. В. Рожкова // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 3 (80). С. 27-39.
12. Неврюев А. Н. Чем гордится и чего стыдится молодежь в России? Роль базовых индивидуальных ценностей / А. Н. Неврюев, О. А. Сычев, И. Р. Сариева // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 3. С. 38-58.

13. Савка А. В. Традиционные базовые ценности как фактор цивилизационной самоидентификации // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 2 (65). С. 72-79.
14. Салтыкова М. В. Разрушение русской ментальности – концентриальная угроза гибридных войн XXI века // Вестник Московской международной академии. 2018. № 1. С. 162-175.
15. Семьянинов В. П. О некоторых особенностях цивилизационных типов (к проблеме «Россия и Запад») // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Т. 23, № 173. С. 189-194.
16. Смирнов А. В. Всечеловеческое общечеловеческое. Москва : ООО «Сандра» : Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
17. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальные сетевые ресурсы Президента России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. (Дата обращения: 02.08.2022).
18. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 403-414.
19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Clash of civilizations Москва : АСТ, 2003. 605 с.
20. Шубарт В. Европа и душа Востока. Europe and the Soul of the East. Москва : Русская идея, 2000. 446 с.
21. Stepanova E. A. Religious Education in Russia: Between Methodological Neutrality and Theological Partiality // Changing Societies and Personalities. 2018. Vol. 2 (3). Pp. 260-266.

Reference list

1. Antonov G. V. Samoocenka brachnogo i semejnogo statusa kak indikator tradicionalnyh cennostej = Self-assessment of marital and family status as an indicator of traditional values / G. V. Antonov, E. G. Laktjuhina // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. 2014. № 8 (86). S. 22-28.
2. Beskov A. A. Antiklerikal'nyj diskurs v sovremennoj rossijskoj nauke = Anticlerical discourse in modern Russian science // Idei i idealy. 2021. Т. 13, № 4, ch. 1. S. 88-111.
3. Beskov A. A. Ot bogoiskatel'stva k mnogobozhiju? Koncept “bogi” v tvorchestve sovremennyh russkojazychnyh muzykantov = From epiphany to polytheism? The concept of “gods” in the work of modern Russian-speaking musicians // Sociodinamika. 2020. № 8. S. 44-65.
4. Vlasov V. V. Rol' tradicionnyh religij v obshhestvenno-politicheskoj zhizni sovremennoj Rossii = The role of traditional religions in the socio-political life of modern Russia / V. V. Vlasov, O. S. Gorodnina // Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija. 2019. Т. 19, № 4. S. 89-98.
5. «Voennaja doktrina Rossijskoj Federacii» (utv. Prezidentom RF 25.12.2014 № Pr-2976) = “Military Doctrine of the Russian Federation” (approved by President of the Russian Federation 25.12.2014 No. Pr-2976) // Konsul'tantPljus : sajt. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/. (Data obrashhenija: 02.08.2022).

6. Guzenina S. V. Obraz Rodiny v matrice kollektivnoj rossijskoj identichnosti = The image of the motherland in the matrix of collective Russian identity // Social'no-ekonomicheskie javlenija i processy. 2016. T. 11, № 1. S. 126-131.

7. Davydov Ju.N. Maks Veber i sovremennaja teoreticheskaja sociologija: aktual'nye problemy veberovskogo sociologicheskogo uchenija = Max Weber and modern theoretical sociology: Actual problems of Weber sociological teaching. Moskva : Martis, 1998. 510 s.

8. Kalashnikova S. M. Transformacija instituta braka v Rossii v uslovijah globalizacii = Transformation of the institution of marriage in Russia in the context of globalization // Panorama. 2015. T. 17. S. 104-113.

9. Karceva L. V. Kakuju sem'ju my mozhem i dolzhny sohranit' (po materialam sociologicheskikh issledovanij) = What family can and should we keep (based on sociological research) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki. 2017. № 1 (45). S. 74-79.

10. Klimantova G. I. Sem'ja v sisteme sociokul'turnyh cennostej sovremennoj Rossii = Family in the system of sociocultural values of modern Russia // Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty. 2018. № 3. S. 126-130.

11. Marshak A. L. Kul'turnaja konsolidacija kak innovacionnaja osnova razvitija social'noj struktury rossijskogo obshhestva = Cultural consolidation as an innovative basis for the development of the social structure of Russian society / A. L. Marshak, L. V. Rozhkova // POISK: Politika. Obshhestvovedenie. Iskusstvo. Sociologija. Kul'tura. 2020. № 3 (80). S. 27-39.

12. Nevryuev A. N. Chem gorditsja i chego styditsja molodezh' v Rossii? Rol' bazovyh individual'nyh cennostej = What is proud of and what is the shame of young people in Russia? Role of basic individual values / A. N. Nevryuev, O. A. Sychev, I. R. Sarieva // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2021. T. 12, № 3. S. 38-58.

13. Savka A. V. Tradicionnye bazovye cennosti kak faktor civilizacionnoj samoidentifikacii = Traditional basic values as a factor in civilizational self-identification // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. 2009. № 2 (65). S. 72-79.

14. Saltykova M. V. Razrushenie russkoj mental'nosti – konsencial'naja ugroza gibridnyh vojn XXI veka = The destruction of the Russian mentality is the consensus threat of hybrid wars of the XXI century // Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj akademii. 2018. № 1. S. 162-175.

15. Sem'janinov V. P. O nekotoryh osobennostjah civilizacionnyh tipov (k probleme «Rossija i Zapad») = About some features of civilizational types (to the problem of “Russia and the West”) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija «Gumanitarnye nauki». 2018. T. 23, № 173. S. 189-194.

16. Smirnov A. V. Vsechelovecheskoe obshhechelovecheskoe = All-human vs. universal. Moskva : OOO «Sandra» : Izdatel'skij Dom JaSK, 2019. 216 s.

17. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 g. № 400 «O strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» = Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Rus-

sian Federation” // Oficial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii : oficial'nyj sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. (Data obrashhenija: 02.08.2022).

18. Habrieva T. Ja. Konstitucionnaja reforma v Rossii: v poiskah nacional'noj identichnosti = Constitutional reform in Russia: in search of national identity // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2020. T. 90, № 5. S. 403-414.

19. Hantington S. Stolknovenie civilizacij = Clash of civilizations Moskva : AST, 2003. 605 s.

20. Shubart V. Evropa i dusha Vostoka = Europe and the Soul of the East. Moskva : Russkaja ideja, 2000. 446 s.

21. Stepanova E. A. Religious Education in Russia: Between Methodological Neutrality and Theological Partiality // Changing Societies and Personalities. 2018. Vol. 2 (3). Pp. 260-266.

Статья поступила в редакцию 09.06.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 09.06.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 323
DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-47-64
EDN: NLEEQF

Цифровое пространство молодежной политики (кейс Краснодарского края)

Ольга Александровна Бориско^{1✉}, Кристина Владимировна Ячменник²

¹Кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

²Преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

¹olgbor@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0097-3796>

²yachmennik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3390-6688>

Аннотация. В статье рассматриваются возможности цифрового пространства для молодежи как объекта и субъекта молодежной политики. В основе авторской позиции лежит понимание того, что цифровую среду молодежной политики можно рассматривать в качестве: пространства, где молодой человек выступает не только объектом, но и субъектом; источника ресурсов молодежной политики; инструмента формирования системы ценностей молодых людей; инструмента интеграции молодежи в новое пространство молодежной политики и включения в молодежные практики. В ходе первого этапа эмпирического исследования (сетевое анализа ресурсов субъектов молодежной политики) были выявлены основные характеристики цифрового пространства молодежной политики Краснодарского края, определены возможности, которые используются и не используются субъектами молодежной политики в новых условиях. В ходе второго этапа эмпирического исследования (фокус-групповых дискуссий с представителями молодежи) были выявлены потребности, интересы и проблемы молодежи Краснодарского края, определены состояние и перспективы молодежной политики. Авторы приходят к выводу, что цифровое информационное пространство молодежной политики Краснодарского края насыщено событийным контентом, который отражает ситуативную медийную стратегию с отсутствием сформированных ценностных, символических и деятельностных ориентиров для молодежи. В работе указано на фрагментарную включенность целевых групп молодежи в молодежную

политику региона. Проведенное эмпирическое исследование показало, что возможности цифрового пространства не в полной мере используются субъектами молодежной политики и для информирования молодежи, и для формирования определенной картины мира молодого человека, и для включения молодежи в конструктивные практики молодежной политики. Сама система молодежной политики не готова к активному использованию всех ресурсов и технологий цифрового пространства для включения молодых людей в практики молодежной политики, и важно понимание значимости включения субъектов молодежной политики в новую среду публичной политики.

Ключевые слова: молодежь; молодежная политика; цифровизация молодежной политики; информационное пространство молодежной политики; практики молодежной политики; Краснодарский край

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ-опн № 21-011–31480 «Молодежная политика в российском регионе: представления и ожидания молодежи vs практики и технологии»

Для цитирования: Бориско О. А., Ячменник К. В. Цифровое пространство молодежной политики (кейс Краснодарского края) // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 47-64. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-47-64>. <https://elibrary.ru/nleeqf>.

Original article

Digital space of youth policy (case of the Krasnodar territory)

Olga A. Borisko¹✉, Kristina V. Yachmennik²

¹Candidate of political sciences, associate professor of department of public policy and public administration, Kuban state university, Krasnodar.

²Head of department of public policy and public administration, Kuban state university, Krasnodar

¹olgbor@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0097-3796>

²yachmennik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3390-6688>

Abstract. The article considers the possibilities of digital space for young people as an object and subject of youth policy. At the heart of the author's position there is the understanding that the digital environment of youth policy can be considered as a space where a young person acts not only as an object, but also as a subject; a source of youth policy resources; a tool for the formation of a system of values of young people; a tool for integrating youth into a new space of youth policy and inclusion into youth practices. During the first stage of empirical research (network analysis of the resources of youth policy subjects), the main characteristics of the digital space of youth policy of the Krasnodar territory were identified, opportunities were identified that are used

and not used by youth policy subjects in the new conditions. During the first stage of empirical research (a network analysis of resources of youth policy subjects), the main characteristics of the digital space of youth policy of the Krasnodar Territory were identified, opportunities were identified that are used and not used by youth policy subjects in new conditions. During the second stage of the empirical research (focus group discussions with youth representatives), the needs, interests and problems of youth of the Krasnodar Territory were identified, the state and prospects of youth policy were determined. The authors come to the conclusion that the digital information space of the youth policy in the Krasnodar territory is saturated with event content, which reflects a situational media strategy with the absence of formed value, symbolic and activity guidelines for young people. The work points to the fragmentary inclusion of target groups of youth in the youth policy of the region. The empirical study showed that the possibilities of digital space are not fully used by youth policy actors both to inform young people, and to form a certain worldview of the world of a young person, and to include young people into constructive practices of youth policy. The youth policy system itself is not ready to use actively all the resources and technologies of the digital space to include young people in youth policy practices, and it is important to understand the significance of including youth policy actors in the new public policy environment.

Keywords: youth; youth politics; digitalization of youth policy; information space of youth policy; youth policy practices; Krasnodar territory

The study was carried out within the framework of the RFFI-opn project № 21-011-31480 “Youth policy in the Russian region: ideas and expectations of youth vs practices and technologies”

For citation: Borisko O. A., Yachmennik K. V. Digital space of youth policy (case of the Krasnodar Territory). *Social and political researches*. 2022;3(16):47-64. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-47-64>. <https://elibrary.ru/nleeqf>.

Введение

Современная молодежная политика, отвечая на актуализирующиеся вызовы и задаваемые субъектами молодежной политики точки роста, постоянно изменяется, что делает ее в качестве объекта пристального внимания государства (как разработчика ее принципов, целей и за-

дач) и тех субъектов публичной политики, которые ее непосредственно реализуют. Одной из тенденций развития молодежной политики является цифровизация ее пространства, что требует не только изменения форматов молодежной политики, но и актуализации новых требований к субъектам молодеж-

ной политики, к их способностям реагировать на изменяющиеся условия и предлагать молодежи актуальное наполнение практик молодежной политики. Цифровое пространство молодежной политики – это, во-первых, интересный и востребованный молодыми людьми контент, во-вторых, инновационные цифровые форматы реализации молодежной политики, соответствующие интересам и потребностям молодежи.

Цифровизация молодежной политики в научном дискурсе

Цифровизация меняет все сферы общественной жизни – от производства экономических и общественных благ до областей, где на первый план выходят общение и отношения между людьми. Из сфер, где важны общение и личный контакт, процессы цифровизации первоначально охватили сферу образования [Ito et al., 2013], цифровые технологии активно используют образовательные центры, предлагающие различные программы для детей и молодежи. В разы эти предложения увеличились во всем мире во время распространения новой коронавирусной инфекции и повсеместных локдаунов. Цифровые технологии и социальные сети в работе с молодежью активно используются в современных странах [Harvey, 2016]. В развитых странах это связано со стремлением субъектов молодежной политики создать среду участия, в которой молодые люди будут полноправными субъек-

тами социальных изменений. Молодежь выступает важным участником формирования онлайн-ландшафта [Subrahmanyam and Smahel, 2010] и создателем контента [Koh, 2013]. Фокус зарубежных исследований направлен также на изучение связанных с данным процессом проблем, например, на поиск соответствия новых практик молодежной политики, использующих цифровые технологии, и уровнем цифровой грамотности подростков и молодежи [Pawluczuk., 2019]. Появляются работы, рассматривающие влияние цифровых технологий в изменении роли традиционных и новых агентов социализации (возрастание роли цифровых медиаперсон) в формировании мировоззрения школьников и политической и гражданской идентичности [Морозова, 2021].

В отличие от цифровизации школьного образования использование информационных технологий в молодежной работе связано с неформальным образованием, предполагающим предоставление возможности обучения с учетом интересов молодых людей с применением пользующихся успехом у подростков групповых форматов работы [Black, J. et al.; Ito et al., 2013]. Но есть и негативный взгляд на процесс цифровизации работы с молодежью. Это связано, в первую очередь, с потенциальной зависимостью молодежи от цифровых технологий и их негативным влия-

нием на развитие молодых людей [Aiken, 2016].

Цифровизация работы с молодежью рассматривается как важная часть практик вовлечения молодежи в социальные процессы с учетом потребностей молодежи, связанных с возросшей популярностью пользования гаджетами и цифровизацией жизни молодых людей [Taylor, 2012]. Также исследователи высказывают мнение о позитивном влиянии цифровизации молодежной политики в плане улучшения результатов инициатив, ориентированных на молодежь [Harvey, 2016]. Цифровизация меняет характер практик политических коммуникаций молодежи [Блинова, 2021]. Цифровизация трансформирует характер социального взаимодействия, давая возможность применения новых опосредованных методов и инструментов взаимодействия [Калинич, 2021].

Процессы цифровизации меняют пространство молодежной политики, создают качественно новые условия для функционирования субъектов молодежной политики, предоставляя им новые возможности и наделяя их новыми инструментами, актуальными для публичного пространства молодежной политики.

Процессы цифровизации способствовали созданию новой инфраструктуры молодежной политики, включающей всех субъектов молодежной политики, представленных в сети Интернет, использующих инструменты цифрового

пространства (сайты органов власти и организаций, аккаунты в социальных сетях, блоги и т. п.) для осуществления работы с молодежью. В новых условиях более привлекательными для молодежи становятся те субъекты публичной молодежной политики, которые могут представить в цифровом пространстве наиболее интересный и актуальный контент и способны обеспечить полноценное общение в виртуальном пространстве.

Цифровые технологии позволяют создавать открытые пространства для равноправного диалога в молодежной политике [Ito et al., 2013]. Цифровизация молодежной политики направлена на искоренение традиционных социальных иерархий, способствует равному доступу к молодежной политике [Tuominen, 2016] и позволяет воспринимать молодых людей как активных цифровых участников, создателей и исполнителей [Ito et al., 2013, p. 6]. Но в то же время цифровое пространство может стать средой появления новых форм протестных действий [Храмов, 2022].

В первую очередь, сеть Интернет – источник информации, и молодежь, проводя большую часть своего времени в виртуальном пространстве, получает знания о происходящих событиях именно из этого ресурса. Современные социальные медиа дают молодежи возможность получать информацию быстро и без особых финансовых затрат. Концепция пассивного или случайного обу-

чения дает возможности для интерпретации специфики формирования знаний современными молодыми людьми. Так называемые «мягкие новости» усваиваются не целенаправленно, а в результате взаимодействия молодежи, например, с развлекательным контентом. Листая посты в социальных сетях, молодежь усваивает информацию (текстовую, визуальную, аудиальную) которая становится основой их картины мира, и от того, какого качества и какой направленности будет эта информация, зависит представление молодых людей о социальных процессах вообще, и о наполненности молодежных практик в частности.

Одни исследователи задаются вопросами соотношения поведения молодежи в обычной жизни и ее поведения в виртуальном пространстве. Сеть Интернет понимается как «интерактивная среда участия» [Sarcinelli, 2012], другие ученые ожидают, что онлайн-общение будет способствовать повышению интереса к участию молодежи в политических дискуссиях, а также усилению гражданской активности [Wolling, 2009]. Общаясь в виртуальной среде, молодежь формирует свои взгляды, которые в дальнейшем становятся отправной точкой различных форм участия.

Сегодня Интернет стал для молодежи естественной средой для общения, развлечений, «гибридной средой» [Höflich, 2003], которая объединяет в себе все достижения,

завоеванные традиционными СМИ. Чаще всего молодые люди используют социальные сети, чтобы обмениваться мнениями, обсуждать интересные для них темы. Интернет создает уникальную среду для возможности смешивания публичного и частного пространства, для нахождения в которой участникам требуется наличие определенных качеств и навыков, связанных, в первую очередь, с позиционированием в виртуальном пространстве. Молодые люди очень восприимчивы к новой информации, а сеть Интернет дает возможность быстро получить информацию, создать новый контент и поделиться им. Благодаря способности молодых людей быстро перерабатывать большой объем информации, сеть Интернет с ее возможностями становится идеальной средой для общения молодежи. Можно отметить несоответствие быстро развивающихся технологий и тех возможностей, которые они предоставляют, интересами подростков и молодежи, которые быстрее воспринимают новшества и формулируют новые запросы, и социальной средой, которая не так быстро реагирует на эти изменения.

Также важно, что молодой человек сегодня получает уникальную возможность создавать свое виртуальное пространство и определять место в нем взаимодействующей с ним аудитории, тем самым превращаясь в субъекта молодежной политики, может включаться в циф-

ровое пространство публичной молодежной политики.

Социальные сети – это набор онлайн-инструментов, которые поддерживают социальное взаимодействие между субъектами и объектами молодежной политики и охватывают целый ряд интерактивных интернет-приложений. Сегодня поле публичной политики открывает широкие возможности негосударственным субъектам молодежной политики формировать повестку дня, определять векторы развития социальных процессов, включаться в совместное решение проблем [Мирошниченко, 2017].

Сегодня не утихают научные дискуссии о степени гражданского участия молодежи. Одни утверждают, что нынешняя молодежь оторвана от любых проявлений активности, другие же отмечают повышенный интерес со стороны молодых людей именно к новым формам участия в социальных практиках [Kitanova, 2019]. Сравнивая формы участия современной молодежи и их родителей, П. Норрис отмечает наличие так называемого поколенческого перехода от традиционных форм участия, связанных, например, с организацией работы политических партий, к новым формам участия, которые сосредоточиваются на решении определенных проблем и предполагают более высокий уровень индивидуализации [Norris, 2003]. Таким образом, в связи с большим разнообразием проблем, актуальных для совре-

менной молодежи, мы можем говорить о множестве вариантов решения данных проблем и о разнообразии выбранных форм деятельности, от публикации в социальных сетях новостей до спонтанного участия в протестных акциях. Участие в протестных акциях, демонстрациях, участие в добровольческих акциях, подписание петиций, участие в сети Интернет – это формы деятельности, которые чаще всего современная молодежь выбирает для обозначения своей позиции.

Исследованиями доказано, что для большинства молодых людей, занимающихся какой-либо деятельностью, например, волонтерской, Интернет не является угрозой отказа от традиционных форм активности, он является инструментом, помогающим вести эту деятельность [Gensicke, 2010]. Интернет, в частности социальные сети, позволяют привлекать новых субъектов для участия в традиционных формах активности.

Цифровизация молодежной политики выполняет ряд важных для молодежи и для самой молодежной политики функций. Во-первых, это информирование молодежи о планирующихся и реализованных проектах и мероприятиях. Во-вторых, в результате усвоения информационного контента происходит формирование ценностной картины молодежи. В-третьих, цифровизация способствует интеграции молодежи в пространство молодежной политики.

Сегодня процесс цифровизации молодежной политики открывает новые возможности для расширения форматов работы с молодежью. Цифровое пространство расширяет поле молодежной политики. Цифровое пространство создает новый формат отношений между субъектами и объектами молодежной политики, тем самым дает стимул к развитию молодежной политики.

Методы исследования

Для выявления основных характеристик цифрового пространства молодежной политики Краснодарского края в октябре-декабре 2021 года авторами было проведено исследование.

На первом этапе был проведен сетевой анализ цифровых ресурсов субъектов молодежной политики муниципальных образований Краснодарского края. Для анализа были выбраны официальные сайты и аккаунты в социальной сети ВКонтакте органов по работе с молодежью, общественных организаций, молодежных лидеров 25 из 44 муниципалитетов региона. В качестве критериев оценки сетевых ресурсов были определены: количество подписчиков; идентификация целевой аудитории (в названии аккаунтов и обращении в постах); тематика постов, прямых эфиров, видеороликов (доминирующая тематика (повестка дня), тематика, представляющая для пользователей наибольший интерес); частота публикаций (периодичность); обратная связь (количество лайков / коммен-

тариев постов, тематика комментариев / вопросов, их направленность (конструктивная: позитивная оценка; проявление интереса к событию, практике; демонстрация мотивации на включенность; деструктивная: негативная оценка; демонстрация негативной включенности); наличие ссылок на другие ресурсы в сфере молодежной политики.

На втором этапе было проведено фокус-групповое исследование с участием молодежи Краснодарского края (13 фокус-групп в 7 муниципальных образованиях региона).

Молодым людям для фокус-групповой дискуссии было предложено три блока вопросов: «Молодежь Краснодарского края: потребности, интересы, проблемы», «Молодежная политика в Краснодарском крае: оценка молодежного сообщества», «Перспективы молодежной политики».

В ходе фокус-группового исследования молодежи были выявлены оценки влияния цифровизации общества на потребности и интересы молодежи, на реализацию молодежной политики, взгляды молодежи на характер этого влияния.

Эмпирические результаты исследования

Результаты проведенного прикладного исследования показали, что субъекты молодежной политики активно вовлечены в информационно-коммуникативное пространство, которое представлено официальными электронными ресурсами в сети интернет и деловыми, и персональ-

ными аккаунтами в онлайн социальной сети «ВКонтакте»).

Ключевыми характеристиками цифрового информационного пространства является его событийная насыщенность, в которой различные субъекты молодежной политики как государственной, так и общественной информируют молодежь о планируемых и реализуемых мероприятиях и проектах. Тематическая направленность событийного контента связана с освещением деятельности добровольческих организаций и сообществ, патриотических проектов и мероприятий, практиками досуговой деятельности, в том числе в рамках клубных объединений, организацией и проведением выборов в органы молодежного самоуправления, а также информационным сопровождением конкурсных и грантовых программ. Также в период 2020-2021 года появился новый вид контента, связанный с мотивировочными постами в отношении осознанного поведения молодежи в условиях новой коронавирусной инфекции, в том числе вакцинации и соблюдения других профилактических мер.

В качестве примера положительных информационно-коммуникативных практик в онлайн-пространстве можно отметить сетевые ресурсы Волонтерского центра Геленджика. Публикации на страницах социальной сети «ВКонтакте» (Volgelen Добровольцы Геленджика, kcsom_puls Молодежный центр «Пульт») свидетельствуют о

регулярном участии молодежи в различных социальных проектах и акциях (по направлениям донорство, вакцинация, экологические акции, субботники, участие в переписи, помощь пожилым и нуждающимся и т. д.), привлечении к мероприятиям школьников и студентов. Можно отметить один из добровольческих проектов – «Крючок помощи» по помощи нуждающимся, имеющий инновационный формат. Автор данного проекта – Матвей Азиков, который получил поддержку от администрации города и местных волонтеров, а в последствии и грантовую поддержку в размере 600 000 рублей. Волонтеры оборудовали специальными крючками «точки» в городе, где любой желающий может оставить помощь нуждающимся или взять то, что оставили другие люди (в Геленджике таких точек уже 14). Жители г. Геленджика активно включились в данный проект, а в комментариях к публикациям о проекте жители просят оборудовать такие же крючки возле их домов.

Также в качестве положительных практик можно отметить деятельность и мероприятия сети клубов по месту жительства в г. Геленджике (всего их 13), расположенных, как правило, в небольших населенных пунктах, где важно организовать досуг молодежи. Все клубы имеют разную тематическую направленность (спорт, культура, досуг, социальная помощь, патриотизм и т. д.), в зависимости

от интересов молодежи. Например, клуб настольных игр для молодежи «Кот и Ворон», расположенный в г. Геленджике, имеет большое количество подписчиков (5 166 на страничке в контакте https://vk.com/cat_and_raven), клуб проводит регулярные собрания и игры, в которых участвуют местные молодые люди. В публикациях много комментариев и обсуждений игр.

В качестве примера положительных информационно-коммуникационных практик можно отметить деятельность по освещению выборов в школьное и студенческое самоуправление, а также отчеты о результатах работы молодежных органов самоуправления на цифровых ресурсах субъектов молодежной политики. Так, например, на портале #Динскаямолодежь, который представлен в онлайн социальной сети Вконтакте (https://vk.com/molod_din) активно публикуются записи, которые информируют о кандидатах в лидеры школ, содержании их программ, проектах и инициативах. Данный кейс иллюстрирует реализацию информационной функции сетевых ресурсов органов молодежной политики на муниципальном уровне. Предоставление данных онлайн-ресурсов в качестве площадки для информирования и агитации кандидатов в лидеры молодежных самоуправлений характеризует органы государственной молодежной политики в качестве агентов политической социализации, которые

интегрируют молодежь в процессы принятия решений на локальном уровне (школы, станицы, города).

Важно, что наиболее работающими сетевыми ресурсами стали персональные страницы или аккаунты организаций, которые предлагают инновационные форматы взаимодействия со своими пользователями. Среди которых: тематические прямые эфиры с интересными и успешными личностями, онлайн-челенджи, интерактивные онлайн-викторины и конкурсы, связанные с ключевыми датами и событиями в стране, регионе, муниципальном образовании и т. д. Например, в аккаунтах управления молодежной политики администрации города г. Сочи в социальной сети «Вконтакте» анонсирован проект «Сочинский Арбат», запущенный Центром развития молодежи города Сочи. В рамках проекта проводится марафон прямых эфиров с активистами, предпринимателями, представителями некоммерческих организаций и вузов (спикеры проводят прямой эфир на своих личных страницах). Среди тем, выносимых на обсуждение в рамках прямых эфиров, отмечаются: туризм, маркетинг и PR, психология, творческая тематика, вакцинация. На страницах ресурса «Молодежь Мостовского района» среди молодежной аудитории популярно участие в онлайн-челенджах, в рамках различных праздников (например, День матери). На портале #Динскаямолодежь (https://vk.com/molod_din) была про-

ведена онлайн-викторина, посвященная Дню народного единства, которая включала 10 вопросов об истории и символическом значении праздника. В данных постах участникам сообщества предлагалось в комментариях правильно ответить на вопросы викторины. Сетевой анализ ресурса #Динскаямолодежь показал, что именно рассматриваемые посты стали самыми комментируемыми за год, что демонстрирует активную включенность молодежного сообщества в интерактивные сетевые форматы.

Важно, что в цифровом информационном пространстве региональной молодежной политики сложился серьезный разрыв между «работающими» и «неработающими» сетевыми ресурсами и официальными электронными ресурсами организаций. Большинство официальных сайтов органов управления по делам молодежи и общественных организаций в муниципальных образованиях имеют устаревшие интерфейсы, существующие формы обратной связи (гостевая книга, блог, форум) не работают (например, страница ВКонтакте Российского Союза Молодежи в Анапе, страница ВКонтакте организации Молодежный Патруль в Геленджике и т. д.).

Пример успешного информационного сопровождения деятельности субъектов молодежной политики на муниципальном уровне – сетевое сообщество «Ейский молодежный портал», который имеет

свои площадки в социальной сети «ВКонтакте» (4 тыс. подписчиков).

Ряд муниципальных органов управления по делам молодежи используют устаревшие форматы взаимодействия с молодежной аудиторией. К примеру, поздравление в группе ВКонтакте отдела по делам молодежи Гулькевичского района (https://vk.com/odm_gul) в видеоформате с Всемирным днем молодежи от специалистов по молодежной политике Гулькевичевского района. Данный формат не находит отклика у молодежи: 10 ноября было опубликовано 16 записей с видеопоздравлениями, к которым отсутствуют комментарии, а среднее количество лайков под постами – 5, что демонстрирует низкую включенность и заинтересованность молодежи подобным контентом.

Зачастую информация в публикациях органов по делам молодежи устаревшая и не соответствует актуальной повестке. У субъектов, реализующих государственную молодежную политику на муниципальном уровне, не сформировано представление об актуальных молодежных трендах и характеру деятельности и составу молодежных сообществ.

Персонифицированные аккаунты молодежных лидеров муниципальных образований (руководители органов управления по делам молодежи, молодые депутаты представительных органов муниципальных образований, лидеры мо-

лодежных сообществ и организаций) не связаны с целевыми ориентирами молодежной политики, размещаемый ими событийный контент является демонстрацией личных повседневных практик. Так, начальник управления по делам молодежи администрации МО Славянский район обозначен как лидер мнений в молодежной повестке (старше 35 лет), однако на своей личной странице в сети ВКонтакте освещает свою деятельность как ведущего и инженера-конструктора развлекательных мероприятий.

Таким образом, цифровое информационное пространство молодежной политики Краснодарского края насыщено событийным контентом, который отражает ситуативную медийную стратегию (стратегия присутствия в информационном поле) с отсутствием сформированных ценностных, символических и деятельностных ориентиров для молодежи, а также системой связанных друг с другом официальных сайтов и индивидуальных, и институциональных аккаунтов субъектов молодежной политики. Это создает условия для фрагментарного восприятия деятельности государственных, муниципальных и общественных субъектов молодежной политики в регионе целевыми аудиториями молодежи.

Фокус-групповое исследование позволило соотнести результаты сетевого анализа с оценками представителей молодежи процесса цифровизации молодежной поли-

тики. Участники фокус-групп отмечают как плюсы, так и минусы данного явления. Когда молодым людям задается вопрос о влиянии цифровизации на молодежную политику, они в первую очередь вспоминают и оценивают мероприятия, которые проходили в онлайн-формате. Чаще всего это мероприятия образовательного или развлекательного характера: *«С одной стороны, это хорошо, потому что, например, в медийных центрах по видеосвязи могут выступать спикеры, которые на другом конце света... но, с другой стороны, во-первых, это не очень интересно, нет взаимодействия живого, во-вторых, много лишних заморочек, лично легче все решить»*; *«Нет общения, взаимодействия, то есть это односторонне, ты поглощаешь и все»*; *«Те же самые вебинары интереснее, если собраться группой и смотреть»*.

Из общения с молодыми людьми можно прийти к выводу, что наиболее успешно реализуются образовательные проекты и встречи со спикерами, с которыми трудно организовать мероприятия в офлайн режиме: *«Площадка «Добро университет». Это гениальная штука. Образовательные курсы, на которых реально можно познакомиться с нужной информацией»*; *«Книги можно читать»*; *«Есть еще онлайн экскурсии по музеям»*; *«Также круто – проведение встреч с выдающимися людьми. Не факт, что у тебя будет возможность встре-*

титься с ним вживую, а онлайн можно поговорить, задать вопросы. Я в этом много участвую».

В период пандемии многие мероприятия для молодежи переносились в онлайн-формате. Интересно мнение молодежи о таких мероприятиях: *«Был конкурс всероссийского профессионального мастерства «Лига вожатых». Сутками ты сидишь за компьютером, приходят задания, тебе надо с командой общаться тут же параллельно, и это не совсем интересно, потому что, когда ты вживую на форуме – мозговой штурм, все живые эмоции в первую очередь»; «Если говорить о негативном влиянии, мероприятий не было совсем из-за пандемии. Проходили вебинары, лекции. Мне лично интересно общаться и сидеть на таких мероприятиях вживую. Нужно видеть меру. А так, в сети очень удобно. Быстро узнаешь информацию»; «Сейчас очень популярны онлайн лагеря. И к тому же это действительно удобно это интересно, но все же живое общение лучше»; «Если часть конкурсов и мероприятий проводить через социальные сети, то это очень эффективно. Мне кажется, что молодежь через те же самые гаджеты будет вовлечена в молодежную политику».* Понимая, что перевод молодежных мероприятий в онлайн-формат в период пандемии – это вынужденный шаг, молодежь отмечает, что для реализации работы с молодежью важно живое общение.

Несомненный плюс цифровизации, отмеченный участниками исследования, состоит в легкости передачи информации о молодежных мероприятиях и о деятельности органов власти: *«Цифровые технологии достаточно хорошая вещь, потому что для того, чтобы собрать молодежь на какое-то мероприятие, намного проще подать объявление в интернете, и его увидит намного больше человек»; «Плюс – это привлечение большего количества людей. То есть взял телефон, принял участие»; «Это классно, когда у мэра или губернатора есть свой телеграмм или Instagram-аккаунт. Можно следить за их деятельностью».*

Молодежь отмечает, что цифровые технологии расширяют возможности информирования о деятельности субъектов молодежной политики, о молодежных мероприятиях: *«Через социальные сети, через паблики в социальных сетях можно видеть, чем занимается управление молодежной политики»; «Можно листать ленту и увидишь мероприятия, где нужна помощь. Таким образом узнаешь об этом».*

Сейчас популярны группы в социальных сетях и мессенджерах, которые помогают распространять информацию и собрать молодежь на мероприятия: *«Когда у нас появляется новый волонтер, мы заводим волонтерскую книжку, добавляем его в беседу, дальше он участвует уже в качестве волонтера на*

этом мероприятии. Либо в качестве участника».

И, конечно же, молодежь отмечает не только возможность передачи актуальной для нее информации со стороны субъектов молодежной политики, но и говорит о важности поступления информации о проблемах и интересах молодежи в обратном направлении: *«Более оперативно доносится информация до госучреждений о проблемах, которые существуют»; «Цифровизация – это хорошо. Создаются электронные контакты между государством и людьми».*

Молодые люди отмечают, что для них важна самореализация, и процессы цифровизации могут этому способствовать: *«Открывается большая площадка для своей реализации. Молодежь смотрит инстаграм, даже нашего центра. Хочется, чтоб это было интересно и увлекательно. Тик-ток сейчас еще в моде, мы сейчас активно реализуем молодежный тик-ток. Не просто смешно чтоб было, но и полезно».*

Очень важно, чтобы цифровые технологии делали более доступными различные мероприятия для молодежи, чтобы с помощью гаджетов можно было быстрее узнать о проблемах молодежи и предоставить своевременную помощь. Это отмечают и участники фокус-групп. Также молодежь отмечает и возможности не только позитивного использования гаджетов: *«Есть ребята, которые социальные сети*

используют во благо, развиваются, образуются. А есть те, кто использует и деградирует».

Среди молодых людей, которые непосредственно включены в реализацию молодежной политики, есть мнение, что субъекты молодежной политики используют не все возможности цифровых технологий для более эффективной работы с молодежью: *«Я считаю, влияние есть, молодежь все больше уходит в интернет, что осложняет деятельность молодежной политики. Те возможности, которые она находят в телефоне, гораздо ярче и красочнее, чем можем предложить мы. Соответственно, тут скорее будет эффективна интеграция молодежной политики в Интернет-пространство».*

Таким образом, мы видим, что молодежь, рассуждая о процессах цифровизации и ее влиянии на сферу молодежной политики, отмечает те позитивные возможности, которые открывают данные процессы в плане информирования молодежи о молодежных мероприятиях и проектах, вовлечения ее в сферу молодежной политики. В первую очередь, речь идет об образовательных и развлекательных мероприятиях. Молодежь настаивает на совмещении офлайн и онлайн-форматов молодежной политики, объясняя это, с одной стороны, необходимостью живого общения между молодыми людьми и, с другой стороны, позитивными эффектами перевода некоторых встреч в виртуальное пространство в тех случаях,

когда их невозможно провести в очном формате.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование показало, что возможности цифрового пространства не в полной мере используются субъектами молодежной политики и для информирования молодежи, и для формирования определенной картины мира молодого человека, и для включения молодежи в конструктивные практики молодежной политики. Сегодня можно говорить о неготовности самой системы к активному использованию всех ресурсов и технологий информационного пространства для включения

молодых людей в практики молодежной политики. Первоначальной проблемой, по нашему мнению, выступает отсутствие внимания со стороны традиционных субъектов молодежной политики к интересам молодежи. Мы сегодня наблюдаем новое пространство разворачивания социальных процессов – виртуальное пространство, где участие молодежи приобретает новые черты и характеристики, и здесь очень важны понимание этих тенденций со стороны субъектов молодежной политики и более качественное их включение в новую среду публичной политики.

Библиографический список

1. Блинова О. А. Стратегии политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве: возможные исходы / О. А. Блинова, Ю. А. Горбунова // Вопросы управления 2021. № 3 (70). С. 20-34.
2. Калинин В. С. Воспитание молодежи в условиях цифровой трансформации социального взаимодействия // Социально-гуманитарные знания. 2021. №6. С. 153-162.
3. Мирошниченко И. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 82-102.
4. Морозова Е. В. Цифровая инклюзия как фактор политической социализации старшеклассников / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко, Л. А. Шпиро // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7, № 4 (28). С. 378-391.
5. Храмов Е.А. Трансформация протестной активности молодежи в условиях цифровизации // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. №1. С. 141-146.
6. Aiken M. The cyber effect: a pioneering cyberpsychologist explains how human behavior changes online. New York: NY: Spiegel & Grau, 2016.
7. Black J., Castro J. & Lin C. Youth practices in digital arts and new media: learning in formal and informal settings. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2015.
8. Gensicke T., Geiss S. Hauptbericht des Freiwilligensurveys. München: Bertelsmann Stiftung, 2010.
9. Harvey C. Using ICT, digital and social media in youth work. A review of research findings from Austria, Denmark, Finland, Northern Ireland and the Republic of

Ireland. National Youth Council of Ireland. Retrieved from <http://www.youth.ie/sites/youth.ie/files/International%20report%20final.pdf>.

10. Höflich J. R. Mensch, Computer und Kommunikation. Theoretische Verortungen und empirische Befunde. Frankfurt am Main [u.a.] : Peter Lang, 2003.

11. Ito M., Gutiérrez K., Livingstone S., Penuel B., Rhodes J., Salen K., ... & Watkins S. C. Connected learning: an agenda for research and design. BookBaby, 2013.

12. Kitanova M. Youth political participation in the EU: evidence from a cross-national analysis // Journal of Youth Studies. 2019. DOI: 10.1080/13676261.2019.1636951.

13. Koh K. 2013. Adolescents' information-creating behavior embedded in digital media practice using scratch // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2013. 64(9). P. 1826-1841.

14. Norris P. "Young People and Political Activism: From the Politics of Loyalties to the Politics of Choice?". Paper presented to the council of Europe Symposium, 'Young people and democratic institutions: From disillusionment to participation', Strasbourg, November 27–28, 2003.

15. Pawluczuk A., Hall H., Webster G. & Smith C. Youth digital participation: measuring social impact. Journal of Librarianship and Information Science. doi:10.1177/0961000618769975. Retrieved from <https://bit.ly/2y9wRJP>.

16. Pawluczuk A., Hall H., Webster G. and Smith C. Digital youth work: youth workers' balancing act between digital innovation and digital literacy insecurity In Proceedings of ISIC, The Information Behaviour Conference, Krakow, Poland, 9-11 October: Part 2. Information Research, 24(1), paper isic1829, 2019. Retrieved from <http://InformationR.net/ir/24-1/isic2018/isic1829.html> (Archived by WebCite® at <http://www.webcitation.org/76lXhI6C>).

17. Sarcinelli U. Medien und Demokratie. In: Mörschel, T.; Krell, C. (Hrsg.) Demokratie in Deutschland. Zustand – Herausforderungen – Perspektiven. Wiesbaden: Springer VS Verlag, 2012. S. 271-318.

18. Subrahmanyam K. & Smahel D. Digital youth: the role of media in development. New York, NY : Springer, 2010.

19. Taylor T. The digital edge – Nominet Trust announce new funding challenge. Retrieved from <http://www.timdavies.org.uk/2012/06/11/the-digital-edge-nominet-trust-announce-new-funding-challenge/>.

20. Tuominen S. Presentation: what is digital youth work? Retrieved from Verke – National Development Centre for Digital Youth Work. Retrieved from <https://www.verke.org/material/what-is-digital-youth-work/?lang=en>.

21. Wolling J. Onlinenutzung und Einstellungen zur Politik. Ergebnisse einer repräsentativen Panelstudie. In: Marcinkowski, F.; Pfetsch, B. (Hrsg.). Politik in der Mediendemokratie. PVS, Sonderheft 42. 2009. S. 447-467.

Reference list

1. Blinova O. A. Strategii politicheskoy kommunikacii molodezhi v cifrovom prostranstve: vozmozhnye ishody = Youth political communication strategies in the digital space: possible outcomes / O. A. Blinova, Ju. A. Gorbunova // Voprosy upravlenija 2021. № 3 (70). S. 20-34.

2. Kalinich V. S. Vospitanie molodezhi v uslovijah cifrovoj transformacii social'nogo vzaimodejstvija = Educating young people in the context of digital transformation of social interaction // Social'no-gumanitarnye znanija. 2021. №6. S. 153-162.
3. Miroshnichenko I. V. Setevaja publichnaja politika: kontury predmetnogo polja = Network public policy: subject field contours / I. V. Miroshnichenko, E. V. Morozova // Polis. Politicheskie issledovanija. 2017. № 2. S. 82-102.
4. Morozova E. V. Cifrovaja inkluzija kak faktor politicheskoj socializacii starsheklassnikov = Digital inclusion as a factor in the political socialization of high school students / E. V. Morozova, I. V. Miroshnichenko, L. A. Shpiro // Social'nye i gumanitarnye znanija. 2021. T. 7, № 4 (28). S. 378-391.
5. Hramov E. A. Transformacija protestnoj aktivnosti molodezhi v uslovijah cifrovizacii = Transformation of youth protest activity in digitalization // Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki. 2022. №1. S. 141-146.
6. Aiken M. The cyber effect: a pioneering cyberpsychologist explains how human behavior changes online. New York : NY: Spiegel & Grau, 2016.
7. Black J., Castro J. & Lin C. Youth practices in digital arts and new media: learning in formal and informal settings. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2015.
8. Gensicke T., Geiss S. Hauptbericht des Freiwilligen surveys. München: Bertelsmann Stiftung, 2010.
9. Harvey C. Using ICT, digital and social media in youth work. A review of research findings from Austria, Denmark, Finland, Northern Ireland and the Republic of Ireland. National Youth Council of Ireland. Retrieved from <http://www.youth.ie/sites/youth.ie/files/International%20report%20final.pdf>.
10. Höflich J. R. Mensch, Computer und Kommunikation. Theoretische Verortungen und empirische Befunde. Frankfurt am Main [u.a] : Peter Lang, 2003.
11. Ito M., Gutiérrez K., Livingstone S., Penuel B., Rhodes J., Salen K., ... & Watkins S. C. Connected learning: an agenda for research and design. BookBaby, 2013.
12. Kitanova M. Youth political participation in the EU: evidence from a cross-national analysis // Journal of Youth Studies. 2019. DOI: 10.1080/13676261.2019.1636951.
13. Koh K. Adolescents' information-creating behavior embedded in digital media practice using scratch // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2013. 64(9). P. 1826-1841.
14. Norris P. "Young People and Political Activism: From the Politics of Loyalties to the Politics of Choice?". Paper presented to the council of Europe Symposium, 'Young people and democratic institutions: From disillusionment to participation', Strasbourg, November 27–28, 2003.
15. Pawluczuk A., Hall H., Webster G. & Smith C. Youth digital participation: measuring social impact. Journal of Librarianship and Information Science. doi:10.1177/0961000618769975. Retrieved from <https://bit.ly/2y9wRJP>.
16. Pawluczuk A., Hall H., Webster G. and Smith C. Digital youth work: youth workers' balancing act between digital innovation and digital literacy insecurity In Proceedings of ISIC, The Information Behaviour Conference, Krakow, Poland, 9-11 October: Part 2. Information Research, 24(1), paper isic1829, 2019. Retrieved from

<http://InformationR.net/ir/24-1/isic2018/isic1829.html> (Archived by WebCite® at <http://www.webcitation.org/76lXhI6C>).

17. Sarcinelli U. Medien und Demokratie. In: Mörschel, T.; Krell, C. (Hrsg.) Demo-kratie in Deutschland. Zustand – Herausforderungen – Perspektiven. Wiesbaden: Springer VS Verlag, 2012. S. 271-318.

18. Subrahmanyam K. & Smahel D. Digital youth: he role of media in development. New York, NY : Springer, 2010.

19. Taylor T. The digital edge – Nominet Trust announce new funding challenge. Retrieved from <http://www.timdavies.org.uk/2012/06/11/the-digital-edge-nominet-trust-announce-new-funding-challenge/>.

20. Tuominen S. Presentation: what is digital youth work? Retrieved from Verke – National Development Centre for Digital Youth Work. Retrieved from <https://www.verke.org/material/what-is-digital-youth-work/?lang=en>.

21. Wolling J. Onlinenutzung und Einstellungen zur Politik. Ergebnisse einer repräsentativen Panelstudie. In: Marcinkowski, F.; Pfetsch, B. (Hrsg.). Politik in der Me-diendemokratie. PVS, Sonderheft 42. 2009. S. 447-467.

Статья поступила в редакцию 05.06.2022; одобрена после рецензирования 28.07.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 05.06.2022; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 323
DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-65-79
EDN: NKWITL

Эффективность региональной политики идентичности в общественном мнении: опыт г. Санкт-Петербурга

Софья Константиновна Калашникова

Аспирант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург
sofyakalashnikova15@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9837-3363>

Аннотация. Статья посвящена проблеме оценки эффективности политики идентичности регионального уровня в России. В работе региональная политика идентичности интерпретируется как определенный набор реализуемых региональными элитами (основным агентом) направлений, основанных на символическом капитале территории, для формирования устойчивой региональной идентичности местного сообщества. Ключевым трендом становится исследование региональной идентичности в рамках инструментального подхода: идентичность оценивается как необходимый ресурс для обеспечения «конкурентоспособности» субъекта. Это обосновывает необходимость разработки критериев и методик анализа проводимой властными институтами политики идентичности на предмет ее результативности. В работе приведены определения таких категорий, как «региональная политика идентичности» и «эффективность» в политологических исследованиях. Из-за диффузии политики идентичности и отсутствия четких институциональных рамок оценка эффективности может производиться через комплекс эмпирических исследований, сочетающий ряд методик для получения наиболее полной картины. Автором представлен обзор эмпирического опыта российских исследователей за последние пять лет по оценке направлений символической политики. Особое внимание уделяется потенциалу опросных методов в контексте измерения социального эффекта проводимой политики. С целью выявления установок политического сознания взрослого населения г. Санкт-Петербурга, формирующихся под воздействием осуществляемой в регионе политики идентичности, автором статьи был проведен массовый репрезентативный Интернет-опрос. Результаты анализа полученных данных определили актуальность каждого направления политики идентичности для жителей Санкт-Петербурга, компоненты ядра петербурж-

---

© Калашникова С. К., 2022

ской идентичности, маркеры приезжих и «коренных» жителей, доминирующие, с точки зрения городского сообщества, символы региона, потенциальные точки конфликта, общий уровень регионального патриотизма и оценку деятельности властей.

Ключевые слова: символическая политика; политика идентичности; региональная идентичность; региональная политика; образ региона; массовый опрос; Санкт-Петербург

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32286

Для цитирования: Калашникова С. К. Эффективность региональной политики идентичности в общественном мнении: опыт г. Санкт-Петербурга // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 65-79. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-65-79>. <https://elibrary.ru/nkwitl>.

Original article

Effectiveness of regional identity politics in public opinion: experience of St. Petersburg

Sofia K. Kalashnikova

Postgraduate student at department of political science, department of political institutions and applied political research, St. Petersburg university, St. Petersburg
sofyakalashnikova15@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9837-3363>

Abstract. The article is devoted to the problem of assessing effectiveness of the identity policy at the regional level in Russia. In the work, regional identity politics is interpreted as a certain set of directions implemented by regional elites (the main agent), based on the symbolic capital of the territory, to form a stable regional identity of the local community. A key trend is the study of regional identity within the framework of an instrumental approach: identity is assessed as a necessary resource to ensure the “competitiveness” of the subject. This justifies the need to develop criteria and methods for analyzing identity policies pursued by government institutions for their effectiveness. The paper provides definitions of categories such as “regional identity politics” and “efficiency” in political science research. Due to the diffusion of identity politics and the lack of a clear institutional framework, effectiveness can be evaluated through a set of empirical studies that combines a number of techniques to obtain the most complete picture. The author provides an overview of the empirical experience of Russian researchers over the past five years in assessing the directions of symbolic policy. Particular attention is paid to the potential of polling methods in the context of measuring the social effect

of policies. In order to identify the attitudes of the political consciousness of the adult population in St. Petersburg, formed under the influence of identity politics carried out in the region, the author of the article conducted a massive representative Internet survey. The results of the analysis of the obtained data determined the relevance of each direction of identity policy for residents of St. Petersburg, components in the core of St. Petersburg identity, markers of visitors and “indigenous” residents, dominant, from the point of view of the urban community, symbols of the region, potential points of conflict, the general level of regional patriotism and assessment of authorities’ activities.

Keywords: symbolic politics; identity politics; regional identity; regional policies; the image of the region; mass polling; St. Petersburg

The study was carried out with the financial support of RFFI and EISI within the framework of the scientific project No. 20-011-32286

For citation: Kalashnikova S. K. Effectiveness of regional identity politics in public opinion: experience of St. Petersburg. *Social and political researches*. 2022;3(16):65-79. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-65-79>. <https://elibrary.ru/nkwitl>.

Введение

Проблемы региональной политики России находятся в междисциплинарном научном фокусе с момента первой волны регионализации 1990-х годов. В 2000-х годах исследования регионов России актуализировались в контексте отношений «периферия – центр». Однако в настоящее время наблюдается регионализация другого типа, которая происходит не только на основаниях политико-административного деления, но и опирается на культурно-экономические факторы, неразрывно связанные с понятием идентичности. Несмотря на сложности интерпретации термина «идентичность» и чрезмерную аналитическую перегруженность термина [Брубейкер, 2000], направление остается крайне востребован-

ным и в рамках научного дискурса, и в контексте практико-ориентированной политической деятельности. В данной работе *региональная политика идентичности интерпретируется как определенный набор реализуемых региональными элитами (основным агентом) направлений, основанных на символическом капитале территории, для формирования устойчивой региональной идентичности местного сообщества.*

Ключевым трендом становится исследование региональной идентичности в рамках инструментального подхода: устойчивая территориальная идентичность рассматривается как базовое условие для развития региона; как необходимый ресурс для обеспечения «конкурентоспособности» субъекта [Назуки-

на, 2014]. Т. Банини в своей работе говорит о таком понятии как «активная территориальность» (active territoriality) [Banini, 2017, с. 18]. Автор определяет данный феномен как основную цель формирования территориальной идентичности, ее имплементацию, выраженную в осознании общих ценностей сообщества как жизненно необходимых факторов воспроизводства индивидуальной и общественной жизни (наравне с биологическими и культурными составляющими). Рассуждая о целях и задачах политики идентичности, вопрос оценки эффективности этого направления символической политики автор оставляет открытым.

Интерпретация и границы применения категории «эффективность» в политологии – остро дискуссионная тема. В контексте измерения эффективности политической деятельности разработка данного понятия и его критериев осуществляется в двух плоскостях: оценка качеств самой политической элиты, ее внутренних свойств, «правил игры», используемых каналов рекрутирования [Смирнов, 2007] (этот подход можно условно обозначить как внутренний) и оценка государственного управления, процесса принятия решений, реализации принимаемых мер и социального эффекта (этот подход ориентируется на внешние результаты деятельности государства).

В менеджменте полученный результат часто соотносится не только

с затраченными ресурсами, но и с оценкой влияния деятельности на объект воздействия (фактор социальной оправданности результата), что является отсылкой к проблеме эффективности публичной власти [Сунгуров, 2010]. Фактор социальной оправданности результата – ключевая характеристика, необходимая для оценки целесообразности реализуемых действий, их корректировки или даже полной трансформации в случае отсутствия социального эффекта.

Эмпирический опыт оценки направлений символической политики

Из-за диффузии политики идентичности и отсутствия четких институциональных рамок оценка эффективности может производиться через комплекс эмпирических исследований, сочетающий ряд методик для получения наиболее полной картины. За последние 5 лет отечественными исследователями был апробирован широкий спектр эмпирических инструментов для оценки эффективности направлений символической политики.

Метод экспертных интервью активно используется как в политологических исследованиях [Белов, 2018; Озерова, 2018], так и в работах экономистов, акцентирующих внимание на брендинге территорий как на категории маркетинга [Пашкус, 2016]. Предлагаемые авторами критерии и факторы эффективности политики идентичности базируются на экспертных оценках

научного сообщества и представителей политических структур, которые играют значимую роль в формировании как национальной (гражданской), так и региональной идентичности [Попова, 2019; Шенякова, 2019; Авксентьев, 2017].

Особый интерес представляет потенциал применения дискурс-анализа для изучения политики идентичности и политики памяти. В одной из последних работ М. В. Назукиной и Е. Ю. Филипповой была реализована практика применения дискурс-анализ поздравительных текстов, встроенного в кроссрегиональный сравнительный анализ 20 российских республик за период с 2012 по 2019 год [Назукина, 2019]. Авторы приходят к выводу, что «Дни республики» могут служить площадкой для актуализации этнического компонента со стороны представителей власти республик.

Ярким примером анализа дискурсивных практик в контексте изучения особенностей национальной символической политики являются недавние работы О. В. Малиновой, посвященные репрезентациям исторического опыта 1990-х г. как представителями либеральных партий, так и В. В. Путиным в контексте формирования мифов о данном периоде [Малинова, 2018]. По утверждению автора, мнемонические стратегии спикеров часто продиктованы практическими задачами, например, необходимостью

конструирования границ сообществ [Малинова, 2019].

Еще один интересный подход отечественных авторов в рамках изучения символической политики: комбинированные методики (метод «case-study», архетипический анализ, метод дескриптивного анализа и др.) применяются для оценки представленных образов СССР/России (и их «соперников») в компьютерных играх [Федорченко, 2019; Белов, 2020].

Обоснование

методики исследования

Массовые опросы являются оперативным инструментом, позволяющим в сжатые сроки оценить отношение граждан как к политическим институтам, так и к мерам [Будко, 2015], которые принимаются властными структурами, но реализуются на общественном уровне, изменяя жизнь граждан. Кроме того, проводятся массовые опросы жителей регионов, направленные на фиксацию и оценку общественного эффекта проводимых государственными институтами мер [Шульга, 2017; Мартынов, 2019].

Для региональной политики идентичности г. Санкт-Петербурга, как и других российских регионов, характерна стихийность и фрагментарность политического курса. Это выражается в отсутствии одного политического института, который мог бы нести ответственность за реализацию и эффективность проектов по построению и развитию региональной идентичности. В та-

кой ситуации репрезентативный массовый опрос, позволяющий оценить ситуацию «снизу», со стороны так называемого «объекта» влияния, является ценным социологическим инструментом для измерения соотношения вложенных ресурсов и полученных результатов.

С целью выявления установок политического сознания взрослого населения Санкт-Петербурга, формирующихся под воздействием осуществляемой в регионе политики идентичности, автором статьи был проведен массовый Интернет-опрос взрослого населения г. Санкт-Петербурга.

Программа исследования базировалась на основании выявленных направлений политической деятельности региональных властей в данной сфере и апробированных в ходе пилотажного исследования критериев оценки. Автор выделил три основных направления региональной политики идентичности в г. Санкт-Петербурге: проведение массовых городских мероприятий, основанных на памятных, исторических датах, конструирование символического городского пространства средствами топонимической политики и брендинг территории. Обосновывая выбор критериев, стоит сказать, что в условиях современного мегаполиса, когда информация уже третье десятилетие – ключевой ресурс власти [Шабров, 2010], необходимо учитывать уровень информированности жителей о проведении каких-либо дей-

ствий в рамках конкретного направления, так как оценка значимости того или иного компонента политики идентичности для представителей власти и для рядового жителя может кардинально отличаться. Во-вторых, представляется нецелесообразным говорить об эффективной политике идентичности без учета уровня включенности жителей в реализацию деятельности по формированию региональной идентичности, поскольку цель однозначна – «... убеждение людей в том, что они представляют собой особую, солидарную группу» [Брубейкер, 2012, с. 122]. В-третьих, оценка текущего состояния каждого направления, степень удовлетворенности жителей как деятельностью властей в целом, так и конкретными мерами, место региональной идентичности в общей матрице идентичностей – все это результирует усилия властей по формированию идентичности петербуржцев.

Автором был выбран онлайн-формат сбора данных на основании следующих преимуществ интернет-опросов: высокий уровень достижимости респондентов, низкие финансовые и временные затраты, наглядность визуальных материалов, присутствующих в опросном листе. Максимальная репрезентативность данных была обеспечена ежедневным контролем соблюдения квот с последующими корректировками настроек нескольких типов интернет-рекламы. Платформа, на

которой была размещена анкета, ограничивала возможность повторного прохождения опроса, поэтому риски неоднократного участия были минимальны.

В рамках массового онлайн-опроса для формирования системы отбора респондентов была выбрана бесповоротная квотная выборка, осуществляемая с помощью онлайн-платформы (<https://ru.research.net/>) при контроле таких параметров как пол, возраст, район проживания. Объем выборочной совокупности 1 100 респондентов. Отсев респондентов, выходящих за рамки определенной выборки, осуществлялся вручную. Рекрутирование респондентов проводилось с помощью таргетированной и контекстной рекламы. Автор использовал следующие методы обработки данных: анализ одномерных распределений, анализ таблиц сопряженности, кластерный анализ, факторный анализ в программе IBM SPSS Statistics.

Результаты исследования

Для определения доминирующих символических оснований региона респондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале ряд описательных характеристик г. Санкт-Петербурга. Наиболее значимыми оказались историческая (95 %), туристическая (87 %), портово-морская (80 %), культурная (77 %) (процент отражает долю респондентов, присвоивших указанной характеристике 4 или 5 баллов). Декларируемые властями города как в публичных

выступлениях [Калашникова, 2020], так и в документах, посвященных стратегии регионального развития, особенности г. Санкт-Петербурга как «современного», «удобного», «комфортного» пространства возможностей, по данным опроса, не находят отклик у горожан.

Факторный анализ переменных, отражающих различные символические доминанты региона, позволил выявить *три группы* связанных между собой *характеристик*. *Первая группа* включила в себя определение региона как культурного, исторического, туристического, европейского, современного и удобного для жизни мегаполиса; *вторая группа* объединила портовую, морскую и промышленную специфику города; *третья* – гастрономическую, развивающуюся и многонациональную черты.

Отвечая на вопрос о местах, которые петербуржцы готовы рекомендовать туристам посетить в первую очередь, респонденты сформировали следующий рейтинг: памятники и архитектурные достопримечательности считают обязательной частью туристической программы 85 % опрошенных, а музеи и театры 68 % респондентов. Остальные варианты оказались крайне невостребованными: места паломничества готовы рекомендовать туристам только 10 % горожан; фестивали, концерты и форумы – 7 %; парки развлечений – только 3 %. Досуговые предпочтения са-

мих горожан представлены в той же иерархии.

Говоря об образе типичного представителя г. Санкт-Петербурга, можно отметить, что, по мнению респондентов, образованность (78 % позитивных оценок), эрудированность (74 %), вежливость (74 %), доброжелательность (72 %) и отзывчивость (70 %) являются ключевыми характеристиками петербуржцев и определяют личностный портрет представителя региона.

Абсолютно для всех возрастных категорий региональная идентичность является приоритетной по отношению к общегражданской («я-россиянин») и национальной («я-представитель своего народа», то есть русский, бурят, чеченец и т. д.). Однако молодежь больше склонна оценивать себя как европейцев, чем представители старшего поколения (у респондентов в возрасте 18-30 лет «петербургский» компонент практически равен европейскому). Европейская составляющая идентичности является доминирующей для жителей центральных районов с сильной архитектурно-исторической компонентой: Центрального, Василеостровского, Адмиралтейского.

Эти данные подтверждают тезис о том, что на протяжении последних 30 лет петербургский регионализм остается важной частью городского политического дискурса. Выявленное противостояние регионального и общенационального компонентов коллективной иден-

тичности подтверждает противоречивость идентификационных характеристик массового сознания жителей г. Санкт-Петербурга: колебания между европейским городом, символом свободы и демократии и бывшим центром Великой Империи, культурной столицей России. Возможным фактором «перевеса» одной из доминант политического сознания может быть устойчивость центральной власти федерального уровня в целом [Коцюбинский, 2019].

Интересно отметить, что, согласно данным опросов Левада Центра, оценка страны как европейского государства среди россиян за 13 лет снизилась на 23 %: в 2008 году более половины (52 %) опрошенных считали, что Россия – европейская страна, а в 2021 данный показатель составил только 29 %. При этом меньше трети (27 %) россиян в 2021 году считают себя европейцами (2008 год – 35 % ответили утвердительно) [Данные социологического опроса ... , 2021]. Можно предположить, что запрос петербуржцев на европейский проект идет вразрез общероссийскому тренду.

Жителей Северной столицы отличает высокий уровень регионального патриотизма: 84 % петербуржцев испытывают чувство гордости на основании своей принадлежности к региону. Также 74 % опрошенных согласились с утверждением «Я хочу, чтобы сле-

дующие поколения моей семьи жили в Петербурге».

Следующий блок вопросов был направлен на выявление отношения горожан к символике города, массовым городским мероприятиям и топонимической политике. Наиболее популярными среди населения символами региона являются: Медный всадник, кораблик Адмиралтейства, разводные мосты и Петропавловская крепость. Ниже всего был оценен потенциал флага региона, Зенит-арены и Лахта Центра, хотя именно два последних архитектурных символа могут ассоциироваться с образом «современного» и «развивающегося» региона.

Более 36 % горожан активно интересуются (чаще двух раз в месяц) массовыми региональными мероприятиями. Треть петербуржцев, в свою очередь, равнодушна к массовым праздникам и никогда не принимает участия в городских гуляниях. Самыми популярными городскими массовыми мероприятиями являются День Победы (42 % приняло участие за последние 2 года), День Города (36 %) и Алые паруса (23 %). Наиболее низкий потенциал продемонстрировали «новые» федеральные праздники: День России (8 %) и День народного единства (3 %).

56 % респондентов частично поддерживают изменения топонимического городского ландшафта, в зависимости от характера предлагаемых изменений, в основном мотивируя это желанием восстановить изначальную историческую топо-

нимическую карту города. 25 % высказываются категорически против переименований (наиболее популярная причина – высокие бюджетные затраты). Топонимическую политику, по мнению респондентов, в первую очередь, должны формировать жители города (78 % согласилось с данным предложением); далее по убыванию значимости: жители района, городские власти, органы местного самоуправления.

Почти половина опрошенных (47 %) согласна, что в течение последних 5 лет город развивается, отмечая в основном улучшения в инфраструктурной сфере и в области благоустройства региона (34 % от тех, кто оценил динамику положительно). 27 % опрошенных настроены более скептически: по их мнению, положение дел в городе ухудшилось.

Кодирование открытых ответов на вопрос: «Что бы Вы хотели изменить в жизни и образе города?» позволило выделить несколько приоритетных, с точки зрения городского сообщества, проблем: 26 % комментариев посвящены благоустройству («СПб необходим евроремонт», «зеленые территории привести в порядок»; «убрать рекламу»), 19 % инфраструктурному развитию городской среды («метро строить не десятилетиями», «дороги и городской транспорт»), 11 % изменению политической системы («губернатором должен быть тот, кто родился и

жил в Петербурге»; «прямые честные выборы»; «хочу Сергея Семёновича Собянина»; «городским хозяйством управляют бездары, не любящие Санкт-Петербург. Городу нужен заботливый хозяин, а не власть, угрожающая вышестоящему начальству и угрожающая жителям дубинками»). Проанализировав ответы по данному блоку, можно утверждать, что у жителей региона существует большой запрос на изменение курса административно-хозяйственной деятельности органов власти.

Несмотря на ярко выраженную обеспокоенность вопросами развития городской среды и благоустройства, только 5 % опрошенных принимают систематическое участие в гражданских инициативах в данной сфере. 33 % участвовали несколько раз, 14 % только единожды и 34 % никогда не были вовлечены в подобные проекты.

В целом для всех социальных групп населения свойственна низкая оценка деятельности властей всех трех уровней: по пятибалльной шкале «удовлетворительно» и ниже региональным политическим институтами поставили 88 %; районным административным органам – 84 %; муниципальному уровню – 80 % соответственно.

Неожиданностью для автора стало бурное онлайн-обсуждение образа Санкт-Петербурга, а также актуальных для городского сообщества проблем, развернувшееся под таргетированным постом со ссылкой на

опросную форму в социальной сети «Facebook». Пользователи активно обсуждали «правильные» и «неправильные» названия города, варианты самоназваний жителей региона: «Раньше, (в прошлой жизни), везде говорил: «Я из Питера». Сейчас все чаще говорю: «Я из Ленинграда» (11 поддерживающих реакций на комментарий); «Только москвич мог написать Питер, ленинградцы говорят либо Ленинград, либо Петербург» (15 реакций).

Значимой частью дискуссий стало критическое обсуждение региональной власти, в особенности первого лица региона: «Вот как сказал много лет назад один известный человек: «Нам нужен такой губернатор, который любил бы город в себе, а не себя в городе». Я с ним согласна. Увы, у нас таких еще не было» (23 реакции); «Город прекрасный и любимый. Всю жизнь прожила здесь. Сейчас город запущенный и грязный. Появляются жуткие строения, мансарды в самом центре. Город нуждается в другом руководстве, любящим свой город. Пока таких не было. Выбор за нами» (19 реакций).

В комментариях нашли отражение проблемы благоустройства городской среды и инфраструктуры: «Что-то стало заметно хуже с уборкой города. Мало того, что мусор валяется даже в парке вдоль прекрасной Карповки реки, так еще и песок ветром гоняет.... ..а прорыва в улучшении инфраструктуры и благоустройства нет» (11 реакций).

В меньшем объеме присутствовали и другие темы: социальная несправедливость, ксенофобия, возторженная риторика восхищения городом, высказывание негативного отношения к климатическим особенностям региона и др. В некотором смысле, специфическая и стихийная дискуссия в социальной сети отразила выводы исследования.

Выводы

Метод массового опроса, базирующийся на выработанной автором системе индикаторов и оценивающих степень влияния предпринимаемых мер на предполагаемый «объект» политики идентичности – жителей региона, подтвердил свою актуальность. Опросные методики наряду с анализом официальных документов, сбором экспертных оценок, выявлением дискурсивных практик, проведением case-study могут быть успешно интегрированы в комплексный подход к исследованию эффективности направлений символической политики в России.

Экспертиза данных массового онлайн-опроса позволяет заключить, что архитектурно-историческая символическая компонента остается наиболее значимой для большинства петербуржцев, однако также эмоциональный отклик вызывают проблемы не только сохранения исторического наследия, но и районного благоустройства. Тезис о необходимости «хозяйственного» губернатора является одной из базовых претензий к политическому лидеру региона. В качестве ядра петербуржской идентичности, наряду с традиционной вежливостью и образованностью, можно выделить трепетное отношение «истинных» петербуржцев к сохранению уникального образа города. Маркером «приезжих» (как мигрантов из стран ближнего зарубежья, так и россиян, переехавших из других регионов РФ) является отсутствие желания «заботиться» о городе и сохранять его культурное наследие.

Библиографический список

1. Авксентьев В. Б. Политика идентичности в современной России: конструкция и деконструкция (экспертное мнение) / В. Б. Авксентьев, Б. В. Аксюмов // Научная мысль Кавказа. 2017. №3/91. С. 23-32.
2. Белов С. И. Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны) / С. И. Белов, А. А. Кретьева // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. №1. С. 54-63.
3. Белов С. И. Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. № 2. С. 269-277.
4. Брубейкер Р. За пределами «идентичности» / Р. Брубейкер, Ф. Купер // Теория и общество. 2000. №1. С. 34-52.

5. Брубейкер Р. Этничность без групп. Москва: ИД «Высшая школа экономики», 2012. 408 с.
6. Будко Д. А. Эффективность деятельности органов власти в оценках жителей Санкт-Петербурга / Д. А. Будко, А. В. Шентякова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. № 2. С. 144-171.
7. Данные социологического опроса «Россия и Европа». URL: <https://www.levada.ru/2021/03/18/rossiya-i-evropa-2/>. (Дата обращения: 15.05.2022).
8. Калашникова С. К. Региональная политика идентичности: образ Санкт-Петербурга в дискурсе лидеров региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16, № 4. С. 505-517.
9. Коцюбинский Д. А. Символика петербургского регионализма: попытка создания новых городских символов и причины ее неудачи в 1990-2000-х гг. // Публичная политика. 2019. Т. 3, № 1. С. 89-110.
10. Малинова О. Ю. Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг. // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. №3. С. 91-105.
11. Малинова О. Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. №3. С. 53-84.
12. Мартынов М. Ю. Ценности патриотизма и формирование гражданской идентичности (по материалам социологического опроса в Югре) / М. Ю. Мартынов, В. С. Пуртова // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. №1. С. 14-19.
13. Назукина М. В. Новые тенденции в политике идентичности на региональном уровне в России: акторы, специфика, тренды // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. № 3. С. 137-150.
14. Назукина М. В. Поздравительный дискурс «дня республики» как компонент региональной политики идентичности: этничность имеет значение? / М. В. Назукина, Е. Ю. Филиппова // ARS ADMINISTRANDI. 2019. №4. С. 345-359.
15. Озерова К.А. Наследие Волжской Булгарии и региональная идентичность: политика памяти и «изобретение» традиций // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. №2/2. С. 127-132.
16. Пашкус В. Ю. Создание сильного культурного бренда Санкт-Петербурга: прорывное позиционирование и подходы к оценке / В. Ю. Пашкус, Н. А. Пашкус, М. В. Пашкус // Региональная экономика: теория и практика. 2016. №4. С. 19-30.
17. Попова О. В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. №4. С. 74-91.
18. Смирнов Д. С. Ценностные ориентации политической элиты как фактор ее эффективности // Власть. 2007. №2. С. 18-22.
19. Сунгуров А. Ю. В поисках критериев эффективности института Уполномоченного по правам человека // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. №4. С. 189-204.

20. Федорченко С. Н. Сетевые компьютерные игры в эпоху цифровизации: новые угрозы или потенциалы для реализации политики памяти? / С. Н. Федорченко, Д. О. Тедиков, К. В. Теслюк, Р. А. Маркарян // Вестник МГОУ. 2019. №3. С. 67-86.

21. Шабров О. Ф. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // Власть. 2010. №5. С. 4-9.

22. Шентякова А. В. Консолидация элит и лидерство как факторы эффективности политики идентичности (по оценкам экспертов) // Социодинамика. 2019. №12. С. 9-17.

23. Шульга Е. П. Этническая идентичность студенчества: опыт этносоциологического опроса регионального университета / Е. П. Шульга, В. В. Медведев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. №5. С. 186-194.

24. Banini T. Proposing a theoretical framework for local territorial identities: concepts, questions and pitfalls // Territorial Identity and Development. 2017. Vol. 2, №2. P. 16-23.

Reference list

1. Avksent'ev V. B. Politika identichnosti v sovremennoj Rossii: konstrukcija i dekonstrukcija (jeksperтноe mnenie) = Identity politics in modern Russia: construction and deconstruction (expert opinion) / V. B. Avksent'ev, B. V. Aksjumov // Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2017. №3/91. S. 23-32.

2. Belov S. I. Komp'juternye igry kak resurs realizacii politiki pamjati: praktičeskij opyt i skrytye vozmožnosti (na materialah pozicionirovanija sobytij Velikoj Otechestvennoj vojny) = Computer games as a resource for implementation of memory policy: practical experience and hidden opportunities (on materials for positioning events of the Great Patriotic War) / S. I. Belov, A. A. Kretova // Vestnik MГОU. Serija: Istorija i političeskie nauki. 2020. №1. S. 54-63.

3. Belov S. I. Nedostatki formirovanija politiki pamjati v Rossii (rezul'taty obobshhenija jekspertnyh mnenij) = Disadvantages of memory policy formation in Russia (results of generalization of expert opinions) // Vestnik RUDN. Serija: Politologija. 2018. № 2. S. 269-277.

4. Brubejker R. Za predelami «identichnosti» = Beyond “identity” / R. Brubejker, F. Kuper // Teorija i obshhestvo. 2000. №1. S. 34-52.

5. Brubejker R. Jetnichnost' bez grupp = Ethnicity without groups. Moskva : ID “Vysshaja shkola jekonomiki”, 2012. 408 s.

6. Budko D. A. Jeffektivnost' dejatel'nosti organov vlasti v ocenkah zhitelej Sankt-Peterburga = The effectiveness of the authorities in the assessments of residents of St. Petersburg / D. A. Budko, A. V. Shentjakova // Politicheskaja jeksperaliza: POLITJeKS. 2015. № 2. S. 144-171.

7. Dannye sociologičeskogo oprosa «Rossija i Evropa» = Data from the sociological survey “Russia and Europe”. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/18/rossiya-i-evropa-2/>. (Data obrashhenija: 15.05.2022).

8. Kalashnikova S. K. Regional'naja politika identichnosti: obraz Sankt-Peterburga v diskurse liderov regiona = Regional identity politics: the image of St. Petersburg in

the discourse of the leaders of the region // Politicheskaja jekspertiza: POLITJEKS. 2020. T. 16, № 4. S. 505-517.

9. Kocjubinskij D. A. Simvolika peterburgskogo regionalizma: popytka sozdaniya novyh gorodskih simbolov i prichiny ejo neudachi v 1990-2000-h gg. = The symbolism of St. Petersburg regionalism: an attempt to create new urban symbols and the reasons for its failure in the 1990-2000s. // Publichnaja politika. 2019. T. 3, № 1. S. 89-110.

10. Malinova O. Ju. Konstruirovanie smyslovyh ramok pamjati o reformah 1990-h gg. v liberal'nom diskurse 2000-h gg. = The construction of the semantic framework of memory of the reforms of the 1990-s in the liberal discourse of the 2000-s // Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2019. №3. S. 91-105.

11. Malinova O. Ju. Obosnovanie politiki 2000-h godov v diskurse V. V. Putina i formirovanie mifa o «lih devjanostyh» = Justification of the policy of the 2000-s in the discourse of V. V. Putin and the formation of the myth of “dashing nineties” // Politicheskaja nauka. 2018. №3. S. 53-84.

12. Martynov M. Ju. Cennosti patriotizma i formirovanie grazhdanskoj identichnosti (po materialam sociologicheskogo oprosa v Jugre) = Values of patriotism and the formation of civic identity (based on the materials of a sociological survey in Ugra) / M. Ju. Martynov, V. S. Purtova // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2019. №1. S. 14-19.

13. Nazukina M. V. Novye tendencii v politike identichnosti na regional'nom urovne v Rossii: aktery, specifika, trendy = New trends in identity politics at the regional level in Russia: actors, specifics, trends // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. 2014. № 3. S. 137-150.

14. Nazukina M. V. Pozdravitel'nyj diskurs «dnja respubliki» kak komponent regional'noj politiki identichnosti: jetnichnost' imeet znachenie? = The congratulatory discourse of the “day of the republic” as a component of regional identity politics: does ethnicity matter? / M. V. Nazukina, E. Ju. Filippova // ARS ADMINISTRANDI. 2019. №4. S. 345-359.

15. Ozerova K. A. Nasledie Volzhskoj Bulgarii i regional'naja identichnost': politika pamjati i “izobretenie” tradicij = The legacy of Volga Bulgaria and regional identity: the politics of memory and the “invention” of traditions // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2018. №2/2. S. 127-132.

16. Pashkus V. Ju. Sozdanie sil'nogo kul'turnogo brenda Sankt-Peterburga: proryvnoe pozicionirovanie i podhody k ocenke = Creation of a strong cultural brand of St. Petersburg: breakthrough positioning and approaches to assessment / V. Ju. Pashkus, N. A. Pashkus, M. V. Pashkus // Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. 2016. №4. S. 19-30.

17. Popova O. V. Gosudarstvennaja politika identichnosti kak teoreticheskij konstrukt i real'naja praktika: opyt jekspertnyh ocenok rossijskih issledovatelej = State identity policy as a theoretical construct and real practice: experience of expert assessments of Russian researchers // Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2019. №4. S. 74-91.

18. Smirnov D. S. Cennostnye orientacii politicheskoi jeliti kak faktor ee jeffektivnosti = The value orientations of the political elite as a factor in their effectiveness // Vlast'. 2007. №2. S. 18-22.

19. Sungurov A. Ju. V poiskah kriteriev jeffektivnosti instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka = Seeking criteria for the effectiveness of the Human Rights Ombudsman // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. 2010. №4. S. 189-204.

20. Fedorchenko S. N. Setevye komp'juternye igry v jepohu cifrovizacii: novye ugrozy ili potencialy dlja realizacii politiki pamjati? = Networked computer games in the age of digitalization: new threats or potentials for implementing memory policy? / S. N. Fedorchenko, D. O. Tedikov, K. V. Tesljuk, R. A. Markarjan // Vestnik MGOU. 2019. №3. S. 67-86.

21. Shabrov O. F. Jeffektivnost' gosudarstvennogo upravljenija v uslovijah postmoderna = Efficiency of public administration in postmodern conditions // Vlast'. 2010. №5. S. 4-9.

22. Shentjakova A. V. Konsolidacija jelit i liderstvo kak faktory jeffektivnosti politiki identichnosti (po ocenkam jekspertov) = Consolidation of elites and leadership as factors in the effectiveness of identity politics (according to experts) // Sociodinamika. 2019. №12. S. 9-17.

23. Shul'ga E. P. Jetnicheskaja identichnost' studenchestva: opyt jetnosociologicheskogo oprosa regional'nogo universiteta = Student ethnic identity: regional University ethnosociological survey experience / E. P. Shul'ga, V. V. Medvedev // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. №5. S. 186-194.

24. Banini T. Proposing a theoretical framework for local territorial identities: concepts, questions and pitfalls // Territorial Identity and Development. 2017. Vol. 2, №2. P. 16-23.

Статья поступила в редакцию 08.06.2022; одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 08.06.2022; approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 32.019.5
DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-80-93
EDN: NUVTUE

Анализ технологий политической активности молодежи г. Москвы

Дмитрий Алексеевич Головин

Научный сотрудник кафедры физического воспитания и здоровья,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва
golovin-da@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5682-5859>

Аннотация. Статья посвящена исследованию технологий политического участия молодежи г. Москвы, таких как: технологии участия в молодежных парламентах и представительных молодежных органах (посредством Молодежного парламента и Молодежной палаты г. Москвы, ГБУ культуры г. Москвы «Центр молодежного парламентаризма»); технологии политического, гражданского, правового образования и просвещения, реализуемые негосударственными некоммерческими организациями (проект Центра акад. Сахарова «Московская открытая школа прав человека»; АНО «Московская школа прав человека», Некоммерческий центр гражданского образования, Московская школа гражданского просвещения, Открытая школа права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», АНО «Центр патриотического развития «РУСИЧ»). Обоснован вывод о том, что технологии констуктивизации политического поведения молодежи должны носить долгосрочный, деятельностный, практико-ориентированный характер, с исключением, по возможности, манипулирования сознанием молодого поколения. Аргументировано, что результативность и значимость технологий политического участия московской молодежи следует оценивать во взаимосвязи двух критериев: повышение явки молодого поколения на избирательные участки (1); развитие политических, гражданско-правовых компетенций и обретение политической самоидентификации представителей молодого поколения (2). Сделан вывод о востребованности гражданско-просветительских, педагогических технологий в аспектах развития гражданско-правовых компетенций молодежи. Сформулированы рекомендации автора относительно масштабирования таких технологий в регионах России, которые касаются: развития механизмов межсекторного социального партнерства в области просвещения и воспитания молодежи; изуче-

ния возможностей масштабирования успешных технологий конструктивизации гражданско-политического воспитания молодежи, с учетом работоспособности региональных молодежных парламентов и молодежных палат, а также уровня развития молодежных общественных организаций в регионах.

Ключевые слова: технологии политического участия; политические ценности молодежи; молодежный парламент; политическая культура

Для цитирования: Головин Д. А. Анализ технологий политического участия молодежи г. Москвы // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 80-93. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-80-93>. <https://elibrary.ru/nuvtue>.

Original article

Analysis of technologies of youth's political participation in Moscow

Dmitry A. Golovin

Researcher department of physical education and health, Russian Presidential academy of national economy and public administration, Moscow
golovin-da@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5682-5859>

Abstract. The article is devoted to the study of technologies for the political participation of youth in Moscow, such as technologies for participation in youth parliaments and representative youth bodies (through the Youth Parliament and the Youth Chamber of Moscow, the State Budgetary Institution of Culture of Moscow “Center for Youth Parliamentarism”); technologies of political, civil, legal education and enlightenment implemented by non-state non-profit organizations (project of Sakharov Academy Center “Moscow Open School of Human Rights”; ANO “Moscow School of Human Rights”, Non-profit Center for Civil Education, Moscow School of Civil Education, Open School of Law of the National Research University “Higher School of Economics”], ANO “Center for Patriotic Development “RUSICH”). The conclusion that technologies for constituting the political behavior of young people should be of a long-term, activity-oriented, practical-oriented nature, with the exception, if possible, of manipulating consciousness of the younger generation, is justified. It is argued that the effectiveness and significance of technologies for the political participation of Moscow youth should be assessed in relationship of two criteria: an increase in the turnout of the younger generation at polling stations (1); development of political, civil and legal competencies and acquisition of political self-identification of representatives of the younger generation (2). It was concluded that civil education and pedagogical technologies are in demand in aspects of the development of civil law competencies of young people. The author's recommendations were

formulated regarding the scaling of such technologies in the regions of Russia, which relate to the development of mechanisms for intersectoral social partnership in the field of education and enlightenment of young people; exploring the possibilities of scaling successful technologies for constructivisation of civil and political education of youth, taking into account the efficiency of regional youth parliaments and youth chambers, as well as the level of development of youth public organizations in the regions.

Keywords: technologies of political participation; political values of youth; youth parliament; political culture

For citation: Golovin D. A. Analysis of technologies of youth's political participation in Moscow. *Social and political researches*. 2022;3(16):80-93. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-80-93>. <https://elibrary.ru/nuvtue>.

Введение

Термин «технологии политического участия» обычно употребляется и исследуется применительно к электоральным процессам. Напротив, технологии конструктивизации политического поведения молодых людей менее «заметны» исследователям избирательных кампаний, поскольку они не привязаны к конкретным выборам и имеют в качестве главной цели не повышение явки на избирательные участки, а развитие компетенций целерационального избирателя.

Тем не менее, именно такие технологии, предполагающие длительное по времени и деятельностное вовлечение молодежи в социально-политическую деятельность, считаются наиболее результативными с точки зрения гражданского, политического воспитания, содействия развитию Гражданина.

Успешность реализации технологий конструктивизации политического сознания и электорального

поведения молодежи во многом зависит от факторов, которые можно разделить на 2 группы: внешние (специфика социально-экономического развития региона, территориальный политико-культурный менталитет, особенности взаимодействия власти и общественности в регионе) и внутренние (правовые, организационные, методические, профессионально-кадровые, финансовые, коммуникационные, информационно-технологические аспекты организации и обеспечения деятельности организаций и неформальных лидеров, работающих с молодежью).

В настоящее время наиболее распространенными механизмами реализации технологий конструктивизации гражданско-политического участия молодежи являются молодежные парламенты и палаты. Оценивая процесс технологизации деятельности молодежных парламентов в России, можно заключить следую-

щее. Несмотря на то, что по состоянию на 01.01.2021 г. молодежные парламенты созданы во всех субъектах Российской Федерации, а общая численность молодежных парламентов различных уровней составляет более полутора тысяч, работоспособность этих структур по регионам неодинакова. Развитие молодежного парламентаризма в отдельных регионах России изучено достаточно подробно [Алиханова, 2018; Сергеев, 2018; Чирун, 2015; Юдина, 2013]. Однако, в большинстве работ оно носит преимущественно описательный характер. Исследователи, занимающиеся вопросами институционализации молодежного парламентаризма во всероссийском масштабе, предлагают общие рекомендации по организации деятельности молодежных парламентов в субъектах РФ. В частности, по мнению К. А. Миралиёна, «молодежный парламент региона может результативно выполнять свои функции, если он: учрежден на базе регионального парламента и поддерживается им; имеет общественный консультативный и совещательный статус; не зависим ни от какого органа государственной власти; периодически избирается; имеет унифицированную форму консолидации молодых парламентариев на всей территории региона; обладает единой иерархией на уровне региона; осуществляет законосовещательные функции и имеет возможности вносить парламенту рекомендации для последу-

ющего рассмотрения и имплементации» [Миралиён, 2016, с. 124–125]. Вместе с тем, за рамками этой модели остается множество практических вопросов технологизации деятельности молодежных парламентов, таких как: сотрудничество с организациями НКО-сектора в рамках реализаций отдельных проектов; влияние молодежного парламента на процесс принятия решений органами власти; методы обеспечения легитимности, справедливости представительства, прозрачности формирования молодежных парламентов [Раззакова, 2019].

Вопросы технологизации деятельности НКО в аспекте их влияния на политическое сознание и электоральное поведение молодежи также пока недостаточно изучены отечественной политической наукой. Тематические труды по социальной педагогике содержат ценные организационно-методические разработки, которые, однако, не затрагивают проблематики масштабирования с учетом пространственных, социально-экономических, инфраструктурных и иных особенностей развития территории, на которой планируется внедрять эти технологии.

С указанных позиций, представляется интересным исследование технологий, направленных на стимулирование социально-политической активности московской молодежи в 2010–2020 гг. Поскольку в Москве активно действу-

ют как профильные прогосударственные молодежные органы, так и негосударственные некоммерческие организации, целесообразно разделить данные технологии на две группы: технологии участия московской молодежи в представительных органах (посредством столичных молодежных парламентов и молодежных палат); технологии стимулирования политического участия молодежи, практикуемые негосударственными некоммерческими организациями г. Москвы.

Технологии участия московской молодежи

в представительных органах

Приступая к анализу технологий участия в молодежных представительных организациях при органах государственной власти и местного самоуправления (молодежных парламентах, парламентских клубах), следует отметить, что в столице наиболее известными организациями данного типа являются Молодежный парламент и Молодежная палата г. Москвы.

Молодежный парламент г. Москвы представляет собой организационную форму московского молодёжного общественно-политического движения, позволяющего молодым людям реализовать свой интеллектуальный и креативный потенциал путем участия в обсуждении и экспертизе законов, а также защиты интересов молодого поколения москвичей.

Свою деятельность московский молодежный парламент реализует

при поддержке Московской городской Думы, а также Департамента семейной и молодежной политики Правительства г. Москвы.

Структурно молодежный парламент г. Москвы состоит из Молодежной Палаты при Мосгордуме (50 человек, избираются по партийным спискам) и Общественной молодежной палаты г. Москвы (формируется из председателей молодежных палат районов г. Москвы). На уровне административных округов и муниципальных образований столицы действуют молодежные общественные палаты, которые сотрудничают с молодежным парламентом г. Москвы по вопросам предложения и обсуждения инициатив, а также участия молодежи в общественно-политической жизни, реализации различных проектов.

В 2012 г. Департаментом культуры г. Москвы было учреждено ГБУ культуры г. Москвы «Центр молодёжного парламентаризма» в качестве организационного и координирующего звена всех проектов и программ московского молодёжного парламентаризма. В настоящее время Центр молодёжного парламентаризма успешно реализует функции по организационному и методическому сопровождению системы молодёжного парламентаризма в столице, консультативной помощи молодым парламентариям, учету кадрового резерва московских общественных молодежных палат, проведению общемосковских

или окружных мероприятий в рамках развития молодежного парламентаризма.

Сама структуризация деятельности молодежных общественно-представительных органов в г. Москве, может быть охарактеризована как организационная долгосрочная технология. Можно согласиться с мнением исследователей о том, что данная технология результативна с точки зрения упорядочивания и организации деятельности в сфере стимулирования конструктивного политического и электорального поведения московской молодежи [Евстратова, 2018].

По состоянию на 01.01.2021 г., среди итогов деятельности и актуальных проектов молодежного парламента Москвы по стимулированию развития гражданско-политического сознания и поведения можно выделить следующие:

- внесение более 60 поправок в закон г. Москвы «О молодежи», поправок в Законы г. Москвы «О поддержке молодежных и детских общественных объединений», «О физической культуре и спорте»;

- реализация проекта «Молодой избиратель» (2009 г. – наст. вр.) в школах столицы. Цели проекта – активизация гражданской позиции школьников, повышение уровня их компетентности в области избирательного права и избирательной системы России и электоральной активности, а также формирование кадрового резерва политических лидеров будущего. Проект реализу-

ется сроком в 14 дней в формате интерактивной игры с целью избрания спикера школьного парламента из числа обучающихся. Логика реализации проекта (сбор подписей, выдвижение и регистрация кандидатов, агитация, финальные дебаты, голосование и подведение результатов) в полной мере соответствует правилам и нормам избирательной системы РФ. Хотя оценить результативность проекта «Молодой избиратель» достаточно сложно ввиду отсутствия релевантной статистики, можно предположить, что влияние данного проекта на политическое сознание и электоральное поведение московских старшеклассников и молодежи достаточно велико. По предлагаемой нами классификации проект может быть отнесен к организационным краткосрочным имитационным технологиям субъектно-субъектного характера;

- проекты «Лига ЦМП» (2009 г. – наст. вр.) и «Мастер слова» (2014 г. – наст. вр.) – направлены на повышение компетенций московской молодежи в сфере публичных выступлений, а также оттачивания их ораторских навыков на политических дебатах. Вовлеченные в проекты молодые люди обучаются основам ораторского искусства, образуют муниципальные дебат-команды и посещают дебат-собрания на уровне административных округов г. Москвы. Команды – победители округов выходят в финал общегородского уровня, где выступают

совместно с командой депутатов Московской городской Думы и командами ведущих московских вузов [Проект «Лига ...», 2020]. Технология, используемая в рамках проекта, может считаться среднесрочным имитационным субъектно-субъектным инструментом стимулирования политического сознания молодежи;

– проект «Политпросвет от молпарма» (2016 г. – наст. вр.) – предполагает изучение основ политологии, а также повышение уровня политологического знания молодежи. Проект представляет собой информационный ресурс с учебными материалами, адаптированными для исследователей любого уровня, опросами, интерактивными проверочными работами, цитатами политических лидеров [Проект «Политпросвет...», 2020]. Данная технология относится к среднесрочным просветительским субъектно-объектным технологиям;

– проект «Молодёжный кадровый резерв города Москвы» (2010 г. – наст. вр.) – направлен на развитие практических навыков и компетенций студентов, а также аспирантов г. Москвы, в целях их профессионально-трудовой адаптации и последующего трудоустройства в органы власти и коммерческие предприятия города. Участники проекта проходят практику и стажировку в государственных и муниципальных органах и структурах столицы, реализуют собственные проекты, разрабатывают индивидуальную стра-

тегию профессионального развития, получают бесплатное дополнительное обучение по выбранному направлению профессиональной деятельности (в рамках блоков модульных курсов «Менеджмент», «Эффективные коммуникации», «Управление проектами», «Анализ информации и прогнозирование процессов», «Основы государственного и муниципального управления», «Стратегия лидерства»), формируют Студенческое правительство дублеров со структурой, аналогичной структуре Правительства Москвы и участвуют в его деятельности, участвуют в работе Молодежного кадрового агентства, приобретают реальные возможности для трудоустройства в государственном или частном секторе столицы. Технология, используемая в рамках проекта, может считаться среднесрочным комплексным (включая имитационный, просветительский, образовательный компоненты) субъектно-субъектным инструментом стимулирования политического сознания молодежи.

В период с 2010 по 2020 гг. участниками проекта стали более 12 000 студентов и аспирантов московских вузов; более 250 из них стали государственными гражданскими служащими в Правительстве г. Москвы; более 70 организовали собственный бизнес в столичном регионе; 1 200 участников реализовали авторские проекты; около 700 участвовали (и участвуют) в

молодежных парламентских структурах г. Москвы; более 90 % нашли себе достойную работу в столице [Правительство Москвы ... , 2020]. Эти данные позволяют оценить проект как весьма результативный с точки зрения конструктивизации политического сознания и поведения молодежи.

– проект «Движок» (2015 г. – наст. вр.) – необходим для активизации, учета и анализа деятельности членов и резервистов молодежных палат г. Москвы. Единая онлайн платформа позволяет каждому молодому жителю Москвы узнать все о системе молодежного парламентаризма в регионе и подать заявку на вступление в ряды членов молодежных палат столицы. После регистрации на портале «Движок» в личном кабинете пользователя появятся так называемые «активности» – виды полезной для города деятельности, участие в которых он может принять. Через личный кабинет пользователи получают задания от сотрудников Центра молодежного парламентаризма и отчитываются об их выполнении. За каждое принятое в работу задание участнику могут быть начислены баллы либо выписан «штраф». Молодые люди, получившие большое количество баллов, становятся активистами молодежного парламента. Реализуемые в данном проекте технологии можно отнести к числу интерактивных среднесрочных субъектно-субъектных инструментов воздействия на молодежь. В

период пандемии, когда возможности реального участия в социально-политической жизни оказались ограничены, «Движок» оказался весьма востребованной московской молодежью краудсорсинговой онлайн-площадкой, о чем свидетельствуют следующие результаты реализации проекта по состоянию на 01.01.2021 г.: 2 116 участниками проекта выполнено более 22 тысяч заданий, опубликовано 11 214 постов в социальных сетях; написано 205 статей; снято 122 видеоролика [Проект «Движок» ... , 2020].

Технологии стимулирования политического участия молодежи, практикуемые негосударственными некоммерческими организациями г. Москвы

Среди «негосударственных» технологий стимулирования политического участия московской молодежи можно выделить: технологии политического, гражданского, правового образования и просвещения, реализуемые некоммерческими организациями (проект Центра акад. Сахарова «Московская открытая школа прав человека»; АНО «Московская школа прав человека», Некоммерческий центр гражданского образования, Московская школа гражданского просвещения, Открытая школа права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», АНО «Центр патриотического развития «РУСИЧ» и др.), а также технологии вовлечения в де-

тельность некоммерческих (государственных и частных) организаций в качестве волонтеров или сотрудников.

Соответствующие проекты реализуются указанными и иными некоммерческими организациями столицы в форматах программ переподготовки, повышения квалификации, выездных школ, акций и мероприятий (конференций, семинаров, мастер-классов), а также в виде практико-ориентированных акций, проектов и мероприятий, предусматривающих активизацию молодежного ресурса.

Среди целей реализации таких технологий:

- содействие повышению теоретических и практических компетенций в области прав и свобод человека и гражданина;

- обмен опытом организации подобных мероприятий с коллегами;

- стимулирование развития гражданско-патриотического, правозащитного движения (в том числе неформального);

- вовлечение молодежи в социально-политическую деятельность в качестве волонтеров, активистов, членов НКО, неформальных лидеров [Международная школа ... , 2019; Центр гражданского ... , 2019; Московская школа ... , 2018; АНО «Центр ... , 2016].

Так, перспективной для целей гражданско-правового воспитания и просвещения московской молодежи представляется технология, реализуемая Открытой Правовой Школой

(далее *ОПШ*) – студенческой организацией при факультете права Государственного университета – Высшей школы экономики.

В рамках данной технологии, студенты на безвозмездной основе преподают специализированные правовые курсы для школьников 6–11 классов, в целях профессиональной ориентации школьников, а также предоставления им возможности посмотреть на «мир юриста изнутри», найти единомышленников и друзей, приобрести практико-ориентированные знания [Открытая правовая ... , 2015].

Студенты, преподавая тот или иной курс в Открытой правовой школе, становятся не только объектами, но и носителями, трансляторами гражданско-правовых знаний, что, несомненно, стимулирует их к дальнейшему саморазвитию, приращению гражданско-правовых компетенций.

Весьма перспективны технологии, способствующие консолидации некоммерческих организаций по направлениям развития гражданско-правовой и политической компетентности молодежи. Такие технологии можно квалифицировать как организационные, среднесрочного действия.

Например, одним из проектов Центра патриотического развития «РУСИЧ» является всероссийский портал информационно-методической и образовательной поддержки патриотических объединений <http://patriot.center/>. На

данном портале, помимо мероприятий, проводимых Центром, содержатся данные о нормативно-правовом, методическом и финансовом обеспечении деятельности патриотических общественных организаций Москвы и России, сведения о патриотических объединениях, проводимых в России мероприятиях по военно-патриотическому воспитанию детей и молодежи, информация о военно-патриотических лагерях и экспедициях, а также успешных практиках военно-патриотического воспитания. Данная информация периодически пополняется и актуализируется сотрудниками Центра, что способствует объединению ресурсов НКО, занимающихся военно-патриотическим воспитанием и просвещением детей и молодежи.

Оценивая результативность деятельности НКО в области гражданско-политического воспитания молодежи, следует отметить следующее. Сегодня в условиях ужесточения внешнеполитической обстановки целесообразным и востребованным представляется развитие силами НКО долгосрочных просветительских технологий работы с молодежью, направленных на восстановление и сохранение исторической памяти, воспитание патриотизма, усвоение традиционных ценностей семьи. Данные направления рекомендуются активизировать всем молодежным НКО, вне зависимости от профиля их деятельности. Напротив, использова-

ние агрессивных, «жестких» технологий, направленных на зомбирование молодежи и возвращение антигосударственных ценностей, должно пресекаться государством с помощью механизма признания таких организаций «иностранными агентами».

Заключение

Проведенный анализ московских проектов и технологий конструктивизации политического менталитета и электорального поведения молодежи не является исчерпывающим. Вместе с тем, данный анализ позволяет сделать определенные выводы относительно проблем и перспектив технологизации деятельности власти, общественных организаций и неформальных лидеров в сфере стимулирования политического сознания и электорального поведения молодого поколения.

Во-первых, результативность этих технологий оценивается по двум критериям: повышение явки на выборы и развитие конструктивного политического сознания в рамках концепции целерационального избирателя. С этих позиций, технологии, реализуемые в период избирательных кампаний, направлены на повышение электоральной активности молодежи, затрагивают материальные, эгоистические интересы молодежи и в некоторой степени манипулятивны. Технологии просветительского, воспитательного характера имеют главной целью развитие политических, граждан-

ско-правовых компетенций и обретение политической самоидентификации представителей молодого поколения, затрагивают ценностно-мотивационный блок политического сознания и мобилизуют на компетентное политическое участие. В контексте актуализированной в данной работе теории целерационального избирателя, представляется необходимым оценивать технологии конструктивизации политического сознания и электорального поведения с учетом взаимосвязи двух указанных критериев.

Во-вторых, распространение технологий конструктивизации политического сознания и электорального поведения молодежи требует развития механизмов межсекторного социального партнерства, которое предполагает сотрудничество власти, НКО и социально ответственного предпринимательства.

Государство должно создавать «благодатную» основу для развития таких технологий, в частности:

- использовать средства социальной рекламы для привития (формирования) в молодежной среде ценностей целерационального избирателя;

- развивать механизмы, позволяющие повысить воспитательное воздействие семьи, ее роли в социализации детей; обеспечить правовую защиту детей и молодежи от информационной продукции, причиняющей вред их физическому, психическому и духовно-

нравственному здоровью и развитию;

- обеспечить развитие безопасной социальной инфраструктуры в сферах образования и досуга детей и молодежи.

- усовершенствовать организационно-правовые и инфраструктурные основы деятельности социально ориентированных НКО, занимающихся вопросами конструктивизации политического сознания и электорального поведения молодого поколения;

- создать условия равноправной конкуренции государственных и частных НКО за государственное финансирование;

- стимулировать предпринимательство вкладывать социальные инвестиции в проекты, связанные с развитием политического менталитета и повышением уровня электоральной культуры детей и молодежи (посредством налоговых льгот, стимулирования развития механизмов корпоративной социальной отчетности, содействия повышению имиджа благотворителей в глазах населения).

Роль НКО состоит в «изобретении», представлении и реализации результативных проектов и технологий, направленных на развитие конструктивного политического сознания и электорального поведения молодого поколения, а также анализе опыта реализации таких технологий, подготовке и внесению соответствующих рекомендаций по

их тиражированию в органы публичной власти.

Наконец, бизнес должен активизироваться в вопросах поддержки проектов, направленных на конструктивизацию политического сознания и электорального поведения молодежи.

В-третьих, проанализированный московский опыт стимулирования развития молодежного парламентаризма и реализации проектов, связанных с развитием политической и электоральной культуры молодежи, уникален масштабностью реализуемых проектов и высоким уровнем организации молодежной активности. Этот опыт, безусловно, требует

критического осмысления распространения в других регионах России [Мархинин, 2019].

В-четвертых, востребованным направлением технологизации деятельности власти и НКО в области стимулирования конструктивного политического сознания и электорального поведения российской молодежи представляется масштабирование успешных практик в исследуемой сфере. Все это требует выявления на основе тщательного анализа успешных региональных практик конструктивизации политического сознания молодежи, а также анализа возможности технологизации указанных практик.

Библиографический список

1. Алиханова С. А. Особенности молодежного парламентаризма в Республике Дагестан // *Власть*. 2018. №15. С. 58–61.
2. Евстратова Т. А. Взаимодействие участников городских молодежных проектов с органами исполнительной власти города Москвы / Т. А. Евстратова, А. В. Мурай // *Материалы Ивановских чтений*. 2018. №3 (21). С. 35–43.
3. Мархинин В. В. Молодежный парламентаризм в современной России: тенденции и перспективы развития в регионах / В. В. Мархинин, Н. В. Ушакова // *Власть*. 2019. №4. С. 40–45.
4. Миралиён К. А. Формирование молодежного парламентаризма в странах СНГ и России: практика, проблемы и перспективы // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. 2016. №6. С. 120–129.
5. Правительство Москвы. Проект «Молодежный кадровый резерв»: сайт. 2020. URL: <http://www.myshared.ru/slide/109393/>. (Дата обращения: 12.10.2021).
6. Проект «Движок» Центра молодежного парламентаризма г. Москвы: сайт. 2020. URL: <http://2015.goldensite.ru/work/state-project/3285/>. (Дата обращения: 11.10.2021).
7. Проект «Лига ЦМП»: сайт. 2020. URL: <https://dk.mos.ru/news/113819/>. (Дата обращения: 12.10.2021).
8. Проект «Политпросвет от молпарма»: сайт. 2020. URL: <https://dk.mos.ru/projects/polpro/>. (Дата обращения: 10.10.2021).
9. Раззакова Е. А. Общественно-политические движения молодежи в России: современный парламентаризм // *Коммуникология: электронный научный журнал*. 2019. Т 4, №1. С. 7–17.

10. Сергеев А. К. Молодежный парламент как форма реализации региональной молодежной политики: опыт Самарской области / А. К. Сергеев, М. А. Гнатюк, К. Ю. Гнатюк // Государственное и муниципальное управление: ученые записки. 2018. №2. С. 23–28.

11. Открытая правовая школа при Национальном Университете – «Высшая школа экономики»: сайт. 2015. URL: <https://pravo.hse.ru/school/news/page2.html>. (Дата обращения: 12.10.2021).

12. Международная школа прав человека и гражданских действий: сайт. 2019. URL: <https://inthrschool.org/about>. (Дата обращения: 13.10.2021).

13. Центр гражданского образования г. Москвы: сайт. 2019. URL: <http://nkf-po.ru/tsentr-grazhdanskogo-obrazovaniya>. (Дата обращения: 12.10.2021).

14. Московская школа гражданского просвещения: официальный сайт. 2018. URL: <https://msps.su/>. (Дата обращения: 11.10.2021).

15. АНО «Центр патриотического развития «РУСИЧ»: официальный сайт. 2016. URL: <http://patriot.center/>. (Дата обращения: 08.10.2021).

16. Чирун С. Н. Институциональные модели и актуальные формы современного молодежного парламентаризма на примере России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62) Т. 2. С. 89–93.

17. Юдина А. С. Детско-юношеский парламент г. Томска как ступень в развитии парламентария // Вестник Томского университета. История. 2013. №5. С. 104–107.

Reference list

1. Alihanova S. A. Osobennosti molodezhnogo parlamentarizma v Respublike Dagestan = Features of youth parliamentarism in the Republic of Dagestan // Vlast'. 2018. №15. S. 58–61.

2. Evstratova T. A. Vzaimodejstvie uchastnikov gorodskih molodezhnyh projektov s organami ispolnitel'noj vlasti goroda Moskvy = Interaction of participants in city youth projects with the executive authorities of the city of Moscow / T. A. Evstratova, A. V. Muraj // Materialy Ivanovskih chtenij. 2018. №3 (21). S. 35–43.

3. Marhinin V. V. Molodezhnyj parlamentarizm v sovremennoj Rossii: tendencii i perspektivy razvitija v regionah = Youth parliamentarism in modern Russia: trends and prospects for development in the regions / V. V. Marhinin, N. V. Ushakova // Vlast'. 2019. №4. S. 40–45.

4. Miralijon K. A. Formirovanie molodezhnogo parlamentarizma v stranah SNG i Rossii: praktika, problemy i perspektivy = The formation of youth parliamentarism in the CIS countries and Russia: practice, problems and prospects // Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Serija obshhestvennyh nauk. 2016. №6. S. 120–129.

5. Pravitel'stvo Moskvy. Proekt «Molodezhnyj kadrovyj rezerv» = Moscow government. Project “Youth Personnel Reserve” : sajt. 2020. URL: <http://www.myshared.ru/slide/109393/>. (Data obrashhenija: 12.10.2021).

6. Proekt «Dvizhok» Centra molodezhnogo parlamentarizma g. Moskvy = Project “Engine” of the Center for Youth Parliamentarism in Moscow : sajt. 2020. URL: <http://2015.goldensite.ru/work/state-project/3285/>. (Data obrashhenija: 11.10.2021).

7. Proekt «Liga CMP» = Project “League CMP” : sajt. 2020. URL: <https://dk.mos.ru/news/113819/>. (Data obrashhenija: 12.10.2021).

8. Proekt «Politprosvet ot molparma» = Project “Politprosvet from molparm” : sajt. 2020. URL: <https://dk.mos.ru/projects/polpro/>. (Data obrashhenija: 10.10.2021).

9. Razzakova E. A. Obshestvenno-politicheskie dvizhenija molodezhi v Rossii: sovremennyy parlamentarizm = Socio-political movements of youth in Russia: modern parliamentarism // Kommunikologija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2019. T 4, №1. S. 7–17.

10. Sergeev A. K. Molodezhnyj parlament kak forma realizacii regional'noj molodezhnoj politiki: opyt Samarskoj oblasti = Youth parliament as a form of implementation of regional youth policy: experience of the Samara region / A. K. Sergeev, M. A. Gnatjuk, K. Ju. Gnatjuk // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie: uchenye zapiski. 2018. №2. S. 23–28.

11. Otkrytaja pravovaja shkola pri Nacional'nom Universitete – «Vysshaja shkola jekonomiki» = Open law school at the National University – “Higher school of economics” : sajt. 2015. URL: <https://pravo.hse.ru/school/news/page2.html>. (Data obrashhenija: 12.10.2021).

12. Mezhdunarodnaja shkola prav cheloveka i grazhdanskih dejstvij = International school of human rights and civil action: sajt. 2019. URL: <https://inhrs.org/about>. (Data obrashhenija: 13.10.2021).

13. Centr grazhdanskogo obrazovanija g. Moskvy = Center for civil education in Moscow : sajt. 2019. URL: <http://nkf-no.ru/tsentr-grazhdanskogo-obrazovaniya>. (Data obrashhenija: 12.10.2021).

14. Moskovskaja shkola grazhdanskogo prosveshhenija = Moscow school of civil education: oficial'nyj sajt. 2018. URL: <https://msps.su/>. (Data obrashhenija: 11.10.2021).

15. ANO «Centr patrioticheskogo razvitija «RUSICH»»: ANO “Center for patriotic development “RUSICH””: oficial'nyj sajt. 2016. URL: <http://patriot.center/>. (Data obrashhenija: 08.10.2021).

16. Chirun S. N. Institucional'nye modeli i aktual'nye formy sovremennogo molodezhnogo parlamentarizma na primere Rossii = Institutional models and current forms of modern youth parliamentarism on the example of Russia // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2 (62) T. 2. S. 89–93.

17. Judina A. S. Detsko-junosheskij parlament g. Tomska kak stupen' v razvitii parlamentarizma = Children and youth parliament of Tomsk as a step in the development of the parliamentarian // Vestnik Tomskogo universiteta. Istorija. 2013. №5. S. 104–107.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 20.06.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Научная статья
УДК 316.612
DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-94-108
EDN: MXMZGV

Модусы социальной мобильности: теоретический анализ феномена

Татьяна Николаевна Гущина

Доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодёжью ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль
gushina2008@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1015-8093>

Аннотация. Воспитание социально мобильной личности, обладающей субъектностью, готовностью и способностью к переменам, движению к успеху, особенно актуально в современных условиях изменяющегося мира, когда человеку в течение жизни приходится менять привычную обстановку, работу, осваивать новые компетенции.

Статья посвящена рассмотрению феномена социальной мобильности личности в формате интеграции знаний социологического, психологического и педагогического направлений в науке. На основе теоретического анализа различных модусов социальной мобильности автор показывает взаимообусловленность и взаимодополняемость результатов теоретического исследования понятия и содержательного наполнения социальной мобильности личности. Автор полагает, что всестороннее рассмотрение социальной мобильности как социально-психолого-педагогического феномена с применением знаний из разных наук по изучению одного и того же объекта способствует постижению многогранной и многозначной сути и особенностей рассматриваемого феномена, а также сглаживает противоречия в определении содержания социальной мобильности, методов её развития, мониторинга.

Методологической основой исследования стали рефлексивно-средовой подход, разработанный автором данной статьи на основе идеи взаимодействия субъекта и среды с опорой на актуализацию процессов рефлексии, и междисциплинарный подход, способствующий интеграции знаний из

разных наук, отраслей научного знания, различных дисциплин для всестороннего рассмотрения и исследования сущности, содержания и специфики феномена социальной мобильности.

Представленные в статье результаты теоретического анализа трактовки социальной мобильности и её модусов на основе интегрированного в междисциплинарном и рефлексивно-средовом подходах научного знания могут способствовать дальнейшим исследованиям феномена социальной мобильности в его многогранности и многоаспектности.

Ключевые слова: социальная мобильность личности; рефлексивно-средовой подход; субъектность; модус; междисциплинарный подход; интегративное знание; социология; психология; педагогика

Для цитирования: Гущина Т. Н. Модусы социальной мобильности: теоретический анализ феномена // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 94-108. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-94-108>. <https://elibrary.ru/mxmzgv>.

THEORY, METHODS AND ORGANIZATION OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Original article

Modes of social mobility: a theoretical analysis of the phenomenon

Tatiana N. Gushchina

Doctor of pedagogical sciences, professor, department of social pedagogy and organization of work with youth, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
gushina2008@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1015-8093>

Abstract. The upbringing of a socially mobile personality with subjectivity, readiness and ability to change, to move towards success, is especially relevant in the modern conditions of a changing world, when a person has to change his habitual environment, work, and master new competencies during his life.

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of social mobility of the individual in the format of integration of knowledge of sociological, psychological and pedagogical areas in science. Based on the theoretical analysis of various modes of social mobility, the author shows the interdependence and complementarity of the results of the theoretical study of the concept and content of the individual's social mobility. The author believes that comprehensive consideration of social mobility as a socio-psychological and pedagogical phenomenon with the use of knowledge from different sciences on the study of the same object contributes to comprehension of the multifaceted and multi-valued essence and features of the phenomenon under

consideration, as well as smooths contradictions in determining the content of social mobility, methods of its development, monitoring.

The methodological basis of the research is the reflexive-environmental approach developed by the author of this article based on the idea of interaction between the subject and the environment based on the actualization of reflection processes, and an interdisciplinary approach that promotes the integration of knowledge from different sciences, branches of scientific knowledge, various disciplines for a comprehensive examination and study of the essence, content and specifics of the phenomenon of social mobility.

The results of the theoretical analysis of the interpretation of social mobility and its modes presented in the article on the basis of scientific knowledge integrated in interdisciplinary and reflexive-environmental approaches can contribute to further research of the phenomenon of social mobility in its versatility and multi-aspect.

Keywords: social mobility of personality; reflexive-environmental approach; subjectivity; mode; interdisciplinary approach; integrative knowledge; sociology; psychology; pedagogy

For citation: Gushchina T. N. Modes of social mobility: a theoretical analysis of the phenomenon. *Social and political researches*. 2022;3(16):94-108. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-94-108>. <https://elibrary.ru/mxmzgv>.

Об актуальности исследования

Развитие социальной мобильности как интегрированного качества, которое проявляется в готовности личности или совокупного субъекта (коллектива, группы, общества в целом) к переменам, изменениям, движению к личностному росту, особенно актуально в эпоху перемен, когда человек за свою жизнь не единожды может поменять, приобрести или потерять работу, место проживания, дом, привычный ритм жизни. Важность многоаспектного изучения различных модусов социальной мобильности обусловлена и тем, что она может привести человека к большим проблемам, если он, добившись нового статуса, бу-

дет не готов к выходу из зоны комфорта, к изменениям внутри социального лифта, который может двигаться в разных направлениях, а не только вверх.

Кроме того, многогранное исследование социальной мобильности как социально-психолого-педагогического феномена с применением междисциплинарных знаний из разных наук способствует постижению сущности и специфических особенностей рассматриваемой категории, а также сглаживает противоречия в определении её содержания, способов, механизмов развития и мониторинга.

**Методологическая
и теоретическая основа
исследования**

В формате данной статьи рассмотрим социальную мобильность личности с опорой на рефлексивно-средовой и междисциплинарный подходы.

*О трактовке социальной мобильности
на основе междисциплинарного
подхода*

Междисциплинарный подход является базовым основанием для применения знаний из различных наук (в нашем исследовании – из педагогики, социологии, психологии) по изучению социальной мобильности в целях постижения многомерной сущности и особенностей данного феномена.

Понятие «социальная мобильность» происходит от научного определения «мобильность», которое носит универсальный характер и изучается в таких науках, как философия, социология, педагогика, психология.

По определению из *толкового* словаря русского языка мобильность связана с понятием движения: мобильным может считаться только то явление, которое не находится в состоянии статики [Ушаков, 2000], следовательно, центральная характеристика мобильности – это движение, переход из одного состояния в другое. Движение определяется термином *быстрота*, которая выступает одной из характеристик состояния мобильности.

Как способность к быстрому изменению состояния, положения, к быстрому действию, к быстрому выполнению задания, как подвижность трактуется мобильность в *социологическом* словаре [Социологический словарь, 2008].

Словарь по *психологии* трактует категорию «мобильность» как переход индивида (ценности, созданной или модифицированной благодаря человеческой деятельности; социального объекта) от одной социальной позиции к другой [Ребер, 2003]. То есть, в структуру мобильности включаются не только люди и их качества, но и ценности, а в качестве ещё одной характеристики мобильности может быть признан набор изменений.

Как видим, понятие «социальная мобильность» так же, как и её базовое научное определение «мобильность», носит междисциплинарный характер.

Первый раз термин «социальная мобильность» упоминается известным русским и американским социологом П. А. Сорокиным в начале XX века. Учёный под социальной мобильностью понимал перемещение индивидуального или социального объекта, или ценности – всего, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одного положения в другое [Сорокин, 1992; Социальная мобильность, 2005]. Согласно концепции П. А. Сорокина, происходит перемещение объекта из одной страты (класса, группы, слоя) в

другую; изменение группой людей или индивидом места в социальной структуре (*вертикальная мобильность*) или в пределах одного социального слоя (*горизонтальная мобильность*). Таким образом, термин «социальная мобильность» появился сначала для характеристики процессов, связанных с изменением положения человека в социуме.

Зарубежные социологи из Великобритании, Италии, Франции, США продолжили изучение категории «социальная мобильность», посвятив свои исследования мобильности студентов и городского населения [Цао, 2016; Greculescu, Todorescu, 2016; Huang, 2016]. На современном этапе зарубежные социологи применяют термин «мобильность» также для обозначения перемещения человека [Huang, 2016; Cots, 2016], при этом они акцентируют внимание на том, что мобильность студентов, например, помогает развитию их личности, обогащает её качества, содействует трудоустройству, развивает межкультурные и языковые навыки. В данной интерпретации мобильность представляется не только средством, но и условием образования.

Таким образом, сущностной характеристикой социальной мобильности личности и ее основным качественным критерием выступает *движение в социальных отношениях*, между различными позициями в иерархиях социальной стратификации, которое приводит в итоге к

изменению социального статуса личности [Большой толковый социологический ... , 1999].

Базой исследования междисциплинарного феномена «социальная мобильность», ее модусов стали работы следующих научных направлений:

– *социологического* (Ю. В. Артюнян, С. А. Просольченко, П. Сорокин, Д. Урри, М. Ф. Черныш, В. Н. Шубкин и др.). Представители данного направления ввели в научный оборот понятие «социальная мобильность», раскрыли ее признаки и охарактеризовали основные компоненты. Ученые-социологи определяют закономерности увеличения горизонтальных и вертикальных социальных перемещений, рассматривают социальную мобильность как особенность субъектов современной цифровой среды. Отечественные социологи на современном этапе продолжают применять данный термин для обозначения перемещения человека [Черныш, 2005]. Так, у С. А. Просольченко находим определение социальной мобильности как объекта социального управления, который является многоплановым социальным процессом, охватывающим ряд перемещений социальных индивидов и групп в рамках иерархической структуры социальной системы и изменений в социальной структуре в связи с ее видоизменением, а также субъективных восприятий социальными индивидами, группами и обществом в це-

лом всех аспектов данной социальной динамики [Просольченко, 2010];

– *психологического* (А. А. Деркач, Э. Ф. Зеер, М. В. Кормильцева, С. А. Морозова, Э. Э. Сыманюк и др.). Представители психологического направления не отрицают процессуальную характеристику социальной мобильности, но делают акцент на ее личностной составляющей: определяют социальную мобильность как качество личности и ее способность быстро реагировать на изменения в социуме, а также как способность внутренне перестраивать, менять свои ценностные ориентации, установки, мотивы, отношения [Артюхова, 2010; Зеер, 2009]. Представители данного направления делают акцент на *готовности* личности к социальной мобильности как на способности к осмысленным и актуальным социально полезным действиям с целью повышения шансов на социальную мобильность в будущем. Социальная мобильность в *психологии* определяется как интегративная совокупность определенных способностей и качеств личности; к личностным характеристикам проявления социальной мобильности ученые-психологи относят и планирование решений проблем, способность к самоконтролю, принятие ответственности;

– *педагогического* (Л. А. Амирова, Л. В. Горюнова, Б. А. Игошин, В. А. Мищенко, В. В. Нурмухаметова, О. А. Павлова, А. С. Ситников

и др.). Представители данного научного направления проводят исследования в большинстве своем в формате развития профессиональной мобильности как составляющей социальной мобильности. Становление, формирование и развитие социальной мобильности как качества личности остается актуальной задачей педагогики. Развитие социальной мобильности детей изучает С. А. Просольченко. Проблему развития социальной мобильности в подростковом и раннем юношеском возрасте исследуют А. А. Артюшенко А. И. Ахмедзянова, Е. А. Купряшкина, А. С. Ситников, А. Г. Филиппова. В современных западных педагогических исследованиях изучаются потенциалы и ограничения внеклассной работы по формированию «мягких» навыков социально мобильного человека.

О трактовке социальной мобильности на основе рефлексивно-средового подхода

Ключевой идеей нашего исследования феномена социальной мобильности личности является положение о том, что развитие социальной мобильности обучающихся детерминировано взаимосвязанными процессами педагогического взаимодействия в формате воспитания социальной мобильности личности и развития социальной мобильности самим молодым человеком на основе актуализации рефлексивного фактора, который стимулирует процессы развития его

социальной мобильности также и на основе актуализации средового фактора, обуславливающего воспитание социальной мобильности обучающегося возможностями образовательной среды. Данная идея базируется на рефлексивно-средовом подходе, который мы разработали на основе идеи взаимодействия субъекта и среды с опорой на актуализацию процессов рефлексии.

Для человека как познающего и действующего субъекта характерны многоаспектные взаимодействия со средой: обмен влияниями, принятие ценностей среды, утверждение в ней своих взглядов и значимости. В этой связи в рамках нашего исследования средовому фактору развития социальной мобильности личности уделяется большое внимание: он во многом «осредняет» развитие социальной мобильности обучающегося, следовательно, характеризует педагогическую деятельность, направленную на создание условий для воспитания социально мобильной личности. Изучение образовательной среды важно в формате раскрытия возможностей и перспектив личности, которая использует ресурсы среды для развития собственной мобильности. Для познающего и действующего социально мобильного человека важно утверждение в среде своей значимости.

Рефлексивно-средовой подход предполагает выявление факторов взаимообусловленности, взаимовлияния субъектов и образовательной

среды за счет использования рефлексивных механизмов [Гущина, 2012]; рассмотрение закономерностей и особенностей педагогической деятельности, направленной на создание условий для развития социальной мобильности личности на основе развития рефлексивной позиции всех субъектов взаимодействия.

Отсюда проектируются основные практические задачи, решаемые в рамках рефлексивно-средового подхода в процессе развития социальной мобильности личности и направленные на развитие рефлексивности субъектов взаимодействия; происходит конструирование многообразия образовательных сред, стимулирующих процессы рефлексии; осуществляется определение общего и локального обучающего эффекта и его повышение; происходит анализ влияния среды на развитие рефлексивности и социальной мобильности в целом.

Функция педагога, с точки зрения рефлексивно-средового подхода, заключается в стимулировании развития рефлексивности другой личности. При этом активная, рефлексивная позиция самого обучающегося в процессе взаимодействия позволяет рассматривать педагогическое сопровождение развития социальной мобильности детей в качестве разновидности комплексной педагогической деятельности [Гущина, 2012].

Содержание образования при данном подходе является средством реализации социальной мобильно-

сти личности: знания рассматриваются как средство осознания обучающимся своего места и возможностей его изменения в общей картине мира. При этом образовательная среда, согласно данному подходу, должна выступать не только средством успешной социальной мобильности молодого человека в социуме, но и средством его автономизации; должна носить развивающий характер, ориентироваться на развитие способностей и рефлексии личности.

Механизм реализации рефлексивно-средового подхода направлен на то, чтобы сформировать у молодого человека способность к самостоятельному и быстрому принятию решений, умение решать динамично возникающие проблемные ситуации, навыки поведения в стрессовой ситуации, умения противостоять давлению группы.

Рефлексивно-средовой подход ориентирует нас на рассмотрение социальной мобильности как интегративного качества личности, которое для обучающегося представляет собой возможность стать хозяином своей жизни. Образовательная среда при этом выступает средством развития социальной мобильности, в том числе – рефлексивности обучающегося, который реализует собственную социальную мобильность в процессе взаимодействия в режиме диалога, ориентации на других субъектов.

В формате рефлексивно-средового подхода мы связываем

педагогическое сопровождение обучающегося прежде всего с педагогической деятельностью: люди и их психика формируются и развиваются в ходе деятельности, а потому объективно могут быть исследованы через проявления в данной деятельности, которая должна быть произведена обучающимся как его собственная. В процессе педагогической деятельности, направленной на создание условий для развития социальной мобильности детей, должен быть предусмотрен также режим, в котором обучающийся самостоятельно ставит цели либо включает в деятельность, преследующую внешние, не учебные цели, когда личность может относиться к себе рефлексивно, мобильно изменять собственные качества.

С учетом вышеобозначенного рефлексивно-средовой подход призван выполнить интегрирующую и стимулирующую роли поддерживающего механизма педагогической деятельности по развитию социальной мобильности обучающихся. Выстраивать педагогическую деятельность на основе данного подхода – значит, учитывая возможности среды, принимать во внимание ее свойства: как способствует она развитию социальной мобильности обучающегося, что опосредует в личности; качества среды, от которых зависит ее способность влиять на развитие социальной мобильности обучающегося.

В формате рефлексивно-средового подхода мы предполагаем *поиск и реализацию* в образовательной среде вариативного комплекса мер, способствующих развитию социальной мобильности личности. Применение данного подхода предполагает эффективное развитие рефлексивной и экзистенциальной сфер личности, а также ее субъектного опыта, рефлексивной позиции сопровождающих, освоение ими технологии педагогического сопровождения развития социальной мобильности обучающихся.

В этой связи мы изучаем модулы социальной мобильности личности на основе рефлексивно-средового подхода, который разработан нами с учетом взаимодействия социально мобильной личности и образовательной среды с опорой на актуализацию рефлексивного фактора.

Представители педагогической науки наряду с психологическими характеристиками социальной мобильности предлагают включить в ее структуру *когнитивно-содержательный* элемент (система знаний о социальной мобильности); *компетентностный* (способы и опыт проявления социальной мобильности); *ценности*, которые направлены на осознание социальной мобильности как актуального и востребованного способа поведения в современном мире (Л. В. Горюнова), *рефлексивный*: готовность и способности оценить результаты собственной деятельности, проана-

лизировать и скорректировать их (А. С. Ситников), *психологический*: определенные свойства личности, тип темперамента, (А. С. Ситников). Социальную мобильность как ценностно-смысловой феномен характеризуют *адаптивность, активность, креативность* (Л. А. Амирова). Социальная мобильность личности раскрывается через ее ценностное взаимодействие с окружающей средой, через рефлексию событий и значимой повседневности.

А. С. Ситников раскрывает *показатели* социальной мобильности и считает, что они должны быть наполнены *социальными* смыслами:

- движение, связанное с ощущением себя как социального существа;
- скорость установления и расширения социальных отношений и решения социальных проблем;
- социальная значимость изменений и перемещений;
- набор социально значимых изменений и переходов [Ситников, 2021].

Особый интерес представители педагогической науки проявляют к таким *модулям* социальной мобильности, как *трудовая* (готовность к смене профессии); *академическая* (готовность к смене образовательной организации); *профессиональная* (способность овладевать необходимыми навыками на рынке труда).

В ракурсе развития педагогики и образования, значимы исследования социальной мобильности как процесса, выполненные на рубеже XIX-XX веков и в начале XXI века. Так, в конце XX века появились термины «академическая мобильность» и «профессиональная мобильность», которые трактуются в нескольких аспектах, в том числе и как процесс. На усиление внимания к проблеме социальной мобильности повлияли процессы интеграции в европейском образовании, в частности, подписание европейскими странами Болонской декларации в 1999 году, что актуализировало интерес педагогической науки к академической мобильности и профессиональной мобильности. В зарубежных исследованиях сделан акцент на том, что мобильность как процесс стимулирует появление и развитие других процессов жизнедеятельности человека. При этом повышается продуктивность профессиональной деятельности личности, повышается скорость и эффективность социально-экономических процессов. Анализ российских и зарубежных трудов, посвященных изучению социальной мобильности, позволяет нам сделать вывод о том, что более общим понятием по отношению к мобильности как к процессу на всем протяжении ее исследования выступает «перемещение», а социальная мобильность предстает в исследованиях ученых как многоас-

пектное и многомодусное явление, которое охватывает различные ее виды и формы [Котлярова, 2017].

В исследованиях современных педагогов и социологов уделяется большое внимание изучению сущности и взаимовлияний профессиональной мобильности, академической мобильности и других модусов социальной мобильности.

У А. И. Ковалевой находим трактовку понятия профессиональной мобильности как перемещения индивида или профессиональной группы в социально-профессиональной структуре общества с изменением или без изменения социального статуса [Ковалёва, 2012].

Ученым И. М. Миковой академическая мобильность понимается как «форма (одна из форм) организации обучения студентов, связанная с перемещением в другой вуз на ограниченный во времени период, с возвращением в базовый вуз для завершения обучения» [Микова, 2011, с. 272]. Как видно из трактовки данных определений, они близки по своей сути к определению социальной мобильности, предложенного социологом П. А. Сорокиным.

Под *процессом* развития (становления, формирования) социальной мобильности понимаем целенаправленную педагогическую деятельность, обеспечивающую получение детьми знаний о социальной мобильности, приобретение ими опыта принятия самостоятельных

решений и самоорганизации [Гущина, 2021], проявления собственной субъектности [Гущина, 2012]; обогащение навыков мобильного поведения, развитие качеств социально мобильной личности, принятия определенной системы ценностей, обеспечивающих готовность к социальной мобильности. При этом развитие социальной мобильности обучающихся необходимо педагогически сопровождать, чтобы движение по «вертикальному лифту» было вверх....

Взаимодействие педагогов и обучающихся, направленное на расширение их знаний о социальной мобильности, о факторах, условиях и способах ее осуществления; на обогащение опыта социально мобильного поведения и рефлексии ценности социальной мобильности для современного человека – это и есть воспитательная деятельность по формированию готовности обучающихся к социальной мобильности. В качестве педагогической категории готовность определяется нами на основе характеристики готовности к деятельности (Е. В. Андриенко, Е. И. Артамонова, В. А. Сластенин).

Э. Ф. Зеер, представитель психологической науки, приводит факторы, от которых зависит развитие социально мобильной личности:

– психофизиологические свойства. Исходя из врожденных показателей (темперамент, возраст, пол, здоровье, психика), человек выбирает круг общения, проявляет актив-

ность во взаимодействии с другими людьми;

– когнитивные показатели: способности к обучению, креативности, рефлексивности, самоконтроля, способности к анализу [Зеер, 2015].

Кроме того Э. Ф. Зеер выявил негативные качества, опасные для развития социальной мобильности личности: ригидность, инертность психофизиологических свойств, склонность к депрессивным тенденциям, эмоциональная нестабильность (нейротизм), консервация профессионального опыта, выученная беспомощность, перфекционизм, приверженность к устоявшемуся образу жизни, нерешительность, неуверенность в своих силах, физические особенности: состояние здоровья, низкая работоспособность, недостаточная внешняя привлекательность [Зеер, 2015].

**Основные выводы из
теоретического анализа
феномена социальной
мобильности на основе
междисциплинарного и
рефлексивно-средового подходов**

Таким образом, социальная мобильность как многоаспектный феномен трактуется на основе междисциплинарного и рефлексивно-средового подходов как интегративное и интегральное качество личности или совокупного субъекта (группа, коллектив, общество) и как процесс, который разворачивается в различных средах. Социальная мо-

бильность как интегративное и интегральное качество личности характеризуется высокой мотивацией к деятельности, интересом к ней, рефлексивностью, социальным интеллектом, социальной активностью, открытостью при осуществлении деятельности. Социальная мобильность как процесс средовой представляет собой средство и / или условие деятельности, способствующие формированию и развитию социально значимых качеств

личности. Проанализированные в статье интерпретации модусов социальной мобильности могут выступить векторами дальнейших исследований многоаспектного феномена социальной мобильности на основе интегрированного в рефлексивно-средовом и междисциплинарном подходах научного знания и учета модусов социальной мобильности на личностном (рефлексивном) и средовом уровнях.

Библиографический список

1. Артюхова Т. Ю. Психологические характеристики мобильной личности // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 7. С. 96–98.
2. Гущина Т. Н. От самоорганизации – к самоорганизованности: методический аспект // Ценностно-смысловые основания воспитания свободного человека: сборник статей международной научно-практической конференции / под науч. ред. Л. В. Байбородовой, Т. В. Макеевой, М. И. Рожкова : РИО ЯГПУ, 2021. С. 23–27.
3. Гущина Т. Н. Педагогические основы развития субъектности старшеклассников в дополнительном образовании детей : монография. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. 350 с.
4. Зеер Э.Ф. Психологические предикторы социально-профессиональной мобильности учащейся молодежи // Вестник учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. 2015. № 1 (48). С. 119–126.
5. Зеер Э. Ф. Социально-личностные компетенции и профессиональная мобильность как целевая ориентация образования / Э. Ф. Зеер, М. В. Кормильцева // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 10. С. 72–78.
6. Ковалева А. И. Профессиональная мобильность // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 298–300.
7. Котлярова И. О. Формирование мобильности личности в системе непрерывного образования: обзор / И. О. Котлярова, Ю. В. Найданова // Вестник ЮурГУ. 2017. Т. 9, № 2. С. 6–20.
8. Микова И. М. Понятие и сущность академической мобильности студентов // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 10. С. 266–273.
9. Просольченко С. А. Социальная мобильность, ее каналы и механизмы. Социальные институты как инструменты управления социальной мобильностью // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 7. С. 242–251.
10. Ребер А. Оксфордский толковый словарь по психологии. Москва : Вече, АСТ, 2003. 591 с.

11. Ситников А. С. Методолого-теоретические предпосылки исследования социальной мобильности как педагогического явления // Заметки ученого. 2021. № 1. С. 169–177.
12. Сорокин П. А. Социальная мобильность, ее формы и флуктуации: монография. Москва : Политиздат, 1992. 588 с.
13. Социальная мобильность. Москва : Academia, 2005. 588 с.
14. Социологический словарь / Акад. учеб.-науч. центр РАН-МГУ им. М. В. Ломоносова ; отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. Москва : Норма, 2008. 606 с.
15. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Москва : Астрель, 2000. 848 с.
16. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1–2 / Пер. с англ. Москва : Вече, АСТ, 1999.
17. Черныш М. Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. Москва : Гардарики, 2005. 254 с.
18. Cao, C. A Survey of the Influencing Factors for International Academic Mobility of Chinese University Students / C. Cao, C. Zhu, Q. Meng // Higher Education Quarterly. 2016. Vol. 70. № 2. P. 200–220.
19. Greculescu, A. Language Experience and Engineering Students' Professional Mobility / A. Greculescu, L. Todorescu // New Approaches in Social and Humanistic Sciences. 2016. P. 255–258.
20. Huang, F.T. International Mobility of Students, Academics, Educational Programs, and Campuses in Asia / F.T. Huang // Reforming Learning and Teaching in Asia-Pacific Universities: Influences of Globalised Processes in Japan, Hong Kong and Australia. Dordrecht: Springer, 2016. P. 29–46.
21. Studying the impact of academic mobility on intercultural competence: a mixed-methods perspective / J.M. Cots, M. Aguilar, S. Mas-Alcolea, A. Llanes // Language Learning Journal. 2016. Vol. 44. № 3. P. 304–322.

Reference list

1. Artjuhova T. Ju. Psihologicheskie karakteristiki mobil'noj lichnosti = Psychological characteristics of the mobile personality // Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija. 2010. № 7. S. 96–98.
2. Gushhina T. N. Ot samoorganizacii – k samoorganizovannosti: metodicheskij aspekt = From self-organization to self-organization: methodological aspect // Cennostno-smyslovye osnovanija vospitanija svobodnogo cheloveka : sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod nauch. red. L. V. Bajborodovoj, T. V. Makeevoj, M. I. Rozhkova : RIO JaGPU, 2021. S. 23–27.
3. Gushhina T. N. Pedagogicheskie osnovy razvitija sub#ektnosti starsheklasnikov v dopolnitel'nom obrazovanii detej = Pedagogical foundations for the development of subjectivity of high school students in additional education of children monografija. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2012. 350 s.
4. Zeer Je. F. Psihologicheskie prediktory social'no-professional'noj mobil'nosti uchashhejsja molodezhi = Psychological predictors of socio-occupational mobility of

learner youth // Vestnik uchebno-metodicheskogo ob#edinenija po professional'no-pedagogicheskomu obrazovaniju. 2015. № 1 (48). S. 119–126.

5. Zeer Je. F. Social'no-lichnostnye kompetencii i professional'naja mobil'nost' kak celevaja orientacija obrazovanija = Social and personal competencies and professional mobility as a target orientation of education / Je. F. Zeer, M. V. Kormil'ceva // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2009. № 10. S. 72–78.

6. Kovaleva A. I. Professional'naja mobil'nost' = Professional mobility // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 1. S. 298–300.

7. Kotljарova I. O. Formirovanie mobil'nosti lichnosti v sisteme nepreryvnogo obrazovanija = Shaping personality mobility in the continuing education system obzor / I. O. Kotljарova, Ju. V. Najdanova // Vestnik JuurGU. 2017. T. 9, № 2. S. 6–20.

8. Mikova I. M. Ponjatie i sushhnost' akademicheskoy mobil'nosti studen-tov = The concept and essence of student academic mobility // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2011. № 10. S. 266–273.

9. Prosol'chenko S. A. Social'naja mobil'nost', ee kanaly i mehanizmy. Social'nye instituty kak instrumenty upravlenija social'noj mobil'nost'ju = Social mobility, its channels and mechanisms. Social institutions as tools for managing social mobility // Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij. 2010. № 7. S. 242–251.

10. Reber A. Oksfordskij tolkovyj slovar' po psihologii = Oxford sensible dictionary of Psychology. Moskva : Veche, AST, 2003. 591 s.

11. Sitnikov A. S. Metodologo-teoreticheskie predposylki issledovanija social'noj mobil'nosti kak pedagogicheskogo javlenija = Methodological and theoretical prerequisites for the study of social mobility as a pedagogical phenomenon // Zametki uchenogo. 2021. № 1. S. 169–177.

12. Sorokin P. A. Social'naja mobil'nost', ee formy i fluktuacii = Social mobility, its forms and fluctuations: monografija. Moskva : Politizdat, 1992. 588 s.

13. Social'naja mobil'nost' = Social mobility. Moskva : Academia, 2005. 588 s.

14. Sociologicheskij slovar' = Sociological dictionary / Akad. ucheb.-nauch. centr RAN-MGU im. M.V. Lomonosova ; otv. red. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev. Moskva : Norma, 2008. 606 s.

15. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory dictionary of the Russian language Moskva : Astrel', 2000. 848 s.

16. Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar' (Collins) = The Great Explanatory Sociological Dictionary (Collins). Tom 1–2 / Per. s angl. Moskva : Veche, ACT, 1999.

17. Chernysh M. F. Social'nye instituty i mobil'nost' v transformirujushhemsja obshhestve = Social institutions and mobility in a transforming society. Moskva : Gardariki, 2005. 254 s.

18. Cao C. A Survey of the Influencing Factors for International Academic Mobility of Chinese University Students / C. Cao, C. Zhu, Q. Meng // Higher Education Quarterly. 2016. Vol. 70. № 2. R. 200–220.

19. Greculescu A. Language Experience and Engineering Students' Professional Mobility / A. Greculescu, L. Todorescu // New Approaches in Social and Humanistic Sciences. 2016. R. 255–258.

20. Huang F. T. International Mobility of Students, Academics, Educational Programs, and Campuses in Asia // *Reforming Learning and Teaching in Asia-Pacific Universities: Influences of Globalised Processes in Japan, Hong Kong and Australia*. Dordrecht: Springer, 2016. R. 29–46.

21. Studying the impact of academic mobility on intercultural competence: a mixed-methods perspective / J. M. Cots, M. Aguilar, S. Mas-Alcolea, A. Llanes // *Language Learning Journal*. 2016. Vol. 44. № 3. R. 304–322.

Статья поступила в редакцию 28.06.2022; одобрена после рецензирования 06.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 28.06.2022; approved after reviewing 06.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 371.2
DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-109-121
EDN: MVBLWZ

Эколого-космическое образование как философско-педагогическая парадигма русской международной школы

Витольд Альбертович Ясвин

Доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».
Одинцовский филиал, г. Москва
vitalber@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4740-4235>

Аннотация. Рассмотрена целесообразность организации зарубежной сети русских международных школ как культурно-образовательного ресурса влияния на население других стран, для которых Россия является центром притяжения в многополярном мире. Показано, что отечественные философская и педагогическая мысль, а также психологическая наука позволяют создать современную модель общеобразовательной школы на основе национальных научных и педагогических достижений.

Методологической основой содержания русской международной школы может стать эколого-космическая образовательная парадигма, базирующаяся на работах русских философов-космистов (Н. А. Бердяев, И. В. Киреевский, В. С. Соловьёв, Н. Ф. Фёдоров, К. Э. Циолковский и др.), «живой этике» Н. и Е. Рерих, а также учении о ноосфере В. И. Вернадского, космической педагогике К. Н. Вентцеля и концепции междисциплинарного изучения системы «природа – человек и человечество – природа» Б. Г. Ананьева. Такой подход полностью соответствует современным взглядам на краеугольное значение формирования эоцентрического типа сознания населения планеты взамен антропоцентрического.

Образовательный процесс в русской международной школе может быть построен на основе положений развивающего образования, основы которого разработаны созвездием выдающихся отечественных психологов и педагогов, прежде всего Л. С. Выготским, В. В. Давыдовым, Л. В. Занковым, В. С. Библером, В. В. Рубцовым, В. П. Лебедевой и др.

Отмечается, что наиболее популярные в современном мировом образовании подходы, такие как развитие социального и эмоционального интеллекта, мягких навыков, кооперации, коммуникации, креативного и крити-

---

© Ясвин В. А., 2022

ческого мышления и т. д., также имеют глубокую теоретическую и методическую проработку в отечественной психолого-педагогической науке.

Ключевые слова: образовательная парадигма; русская международная школа; многополярный мир; экоцентрическое сознание; космическое образование; эколого-космическое образование; развивающее образование

Публикация подготовлена в рамках гранта на реализацию МГИМО МИД России программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

Для цитирования: Ясвин В. А. Эколого-космическое образование как философско-педагогическая парадигма русской международной школы // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 109-121. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-109-121>. <https://elibrary.ru/mvblwz>.

Original article

Ecological and space education as a philosophical and pedagogical paradigm of the Russian international school

Witold A. Yasvin

Doctor of psychological sciences, doctor of pedagogical sciences, professor, Moscow state institute of international relations (university) of ministry of foreign affairs of the Russian Federation. Odintsovo branch, Moscow
vitalber@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4740-4235>

Abstract. The expediency of organizing a foreign network of Russian international schools as a cultural and educational resource of influence on the population of other countries for which Russia is a center of attraction in a multipolar world was considered. It has been shown that domestic philosophical and pedagogical thought, as well as psychological science, make it possible to create a modern model of a comprehensive school on the basis of national scientific and pedagogical achievements.

The methodological basis for the content of the Russian international school can be an ecological and space educational paradigm based on the works of Russian cosmist philosophers (N. A. Berdyaev, I. V. Kireevsky, V. S. Solovyov, N. F. Fedorov, K. E. Tsiolkovsky and others), “living ethics” N. and E. Roerich, as well as the doctrine of the noosphere by V. I. Vernadsky, space pedagogy by K. N. Wentzel and the concept of interdisciplinary study of the system “nature – man and humanity – nature” by B.G. Ananyev. This approach fully corresponds to modern views on the cornerstone importance of the formation of an ecocentric type of consciousness of the planet's population instead of the anthropocentric one.

The educational process in the Russian international school can be made on the basis of the provisions of developing education, the foundations of which

were developed by a constellation of outstanding domestic psychologists and teachers, primarily L. S. Vygotsky, V. V. Davydov, L. V. Zankov, V. S. Bibler, V. V. Rubtsov, V. P. Lebedeva and others.

It is noted that the most popular approaches in modern world education, such as the development of social and emotional intelligence, soft skills, cooperation, communication, creative and critical thinking, etc., also have a deep theoretical and methodological study in domestic psychological and pedagogical science.

Keywords: educational paradigm; a russian international school; a multipolar world; ecocentric consciousness; space education; ecological and space education; developing education

The article was prepared as part of a grant for the implementation of Moscow state institute of international relations (university) of the ministry of foreign affairs of the Russian Federation in the strategic academic leadership program “Priority 2030”

For citation: Yasvin W. A. Ecological and space education as a philosophical and pedagogical paradigm of the Russian international school. *Social and political researches*. 2022;3(16):109-121. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-109-121>. <https://elibrary.ru/mvblwz>

*Доколе мы будем жаждать чужих школ,
книг и дарований, ими одними стремясь
удовлетворить наш голод и жажду?
Или вечно будем мы, как здоровые нищие,
выпрашивать у других народов
разные сочиненьица, книжицы, диктовочки,
заметочки, отрывочки и бог весть что еще.*

Ян Амос Коменский. XVII век

Актуальность создания сети русских международных школ

В формирующейся в настоящее время многополярной системе международных отношений Россия, несомненно, является одним из центров притяжения для ряда стран, и эта ее лидерская позиция в долгосрочной перспективе будет только усиливаться [Дегтярёв, 2020; Крас-

ноярский, 2015; Тиберио Грациани, 2010]. В таком международном социально-политическом контексте можно ожидать возрождения интереса к российскому образованию на новом качественном уровне, и, поскольку одним из ключевых факторов международного лидерства и престижа страны является ее способность «направленно развивать» другие

страны [Богатуров, 2006], наша страна должна быть готова к этому методически и организационно.

Однако, приходится констатировать, что если экспорт советского и российского высшего образования имеет соответствующие исторические традиции [Торкунов, 2012, 2017], то идея организации сети русских международных школ возникла относительно недавно [Концепция «Русская школа за рубежом», 2015; Основные направления политики России ... , 2010]. В этих стратегических документах речь идет, в частности, также об «общем образовании на русском языке в международном образовательном пространстве» не только для соотечественников, но и для граждан других государств. В качестве целей организации русских школ за рубежом рассматриваются, в частности, становление и формирование личности обучающегося на основе российских культурных традиций и моральных ценностей, развитие интересов и способности к социальному самоопределению, формирование уважения к правам и свободам человека и позитивного отношения к современной России.

Представляется, что русская философская и психолого-педагогическая мысль, действительно обеспечивает возможность проектирования международной образовательной системы на отечественной методологической основе.

Эколого-космическое образование как основа предметного содержания русской международной школы

В основу предметного содержания русской международной школы может быть заложена эколого-космическая образовательная парадигма.

Космическое образование как философско-педагогическая парадигма, направленная на формирование «космического сознания» (в англоязычной литературе – «cosmic education»), уходит корнями в философско-мировоззренческие работы «русских космистов» (Н. А. Бердяев, И. В. Киреевский, В. С. Соловьёв, Н. Ф. Фёдоров, К. Э. Циолковский и др.) [Русский космизм, 1993], в ноосферное учение В. И. Вернадского [Вернадский, 2022] в «живую этику» Николая и Елены Рерих [Рерих, Рерих, 2016]. Педагогические основы космического образования заложены в начале XX века в теории «космической педагогики» К. Н. Вентцеля, который писал о воспитании свободной, творческой, нравственной личности, как неотъемлемой части всеобъемлющего целостного Космоса, исходил из нерасторжимости и органического единства Человека, Человечества и Вселенной, рассматривал каждую личность как гражданина Космоса, неотделимого от Природы, активно и непосредственно участвующего в жизни Космоса [Вентцель, 1993].

Очевидно, что цели и смыслы философско-педагогической парадигмы космического образования абсолютно совпадают с приоритетами современного экологического образования и образования для устойчивого развития, направленного на формирование экоцентрического типа сознания (вместо антропоцентрического, традиционного для цивилизации). Экоцентрическое экологическое сознание характеризуется следующими признаками:

1. Самоценность Природы в процессе ее гармоничного взаимного развития вместе с Человечеством во всех ее «полезных» и «вредных» проявлениях по отношению к человеку.

2. Человечество, обладающее разумом, несет полную ответственность за окружающую среду и мир Природы. Люди и природные существа составляют единую планетарную социально-природную систему, в которой Человек не должен обладать какими-либо привилегиями.

3. Взаимодействие Человечества с Природой должно быть направлено на удовлетворение потребностей как людей, так и всех живых существ на планете.

4. Взаимодействие Человечества с Природой должно регулироваться «экологическим императивом»: любая человеческая деятельность не может нарушать экологического равновесия.

5. Распространение этических норм, регулирующих взаимодей-

ствие между людьми, на взаимодействие людей и других живых существ, субъект-субъектный характер этих взаимодействий.

6. Козволюция и взаимовыгодное единство Человечества и Природы.

7. Сохранение Природы ради самой Природы, а не в логике сохранения природных ресурсов для следующих поколений людей.

«Экоцентрический тип экологического сознания – это система представлений о мире, для которой характерна ориентированность на экологическую целесообразность, отсутствие противопоставленности Человека и Природы, субъектное восприятие Природы, баланс прагматического и непрагматического взаимодействия с ней» [Ясвин, 2000, с. 173].

Учитывая возрастающие темпы технологического прогресса, представляется правомерным говорить о необходимости трансформации формирования экологического сознания личности в современных образовательных системах с уровня «Человек – Человечество – Биосфера» до уровня личностно-ориентированной и более масштабной системы «Личность – Общество – Человечество – Планета – Космос – Вселенная». Такая задача требует разработки и реализации новой философско-педагогической парадигмы, синтезирующей методологии экологического и космического образования – эколого-космического образования, которое может рассматриваться в качестве

отечественной методологии образования для устойчивого развития – «глобального цивилизационного проекта», инициированного Организацией Объединенных Наций.

Методологические основы содержания эколого-космического образования могут быть разработаны, в частности, на базе концепции

междисциплинарного изучения системы «природа – человек и человечество – природа», предложенной выдающимся советским ученым Б. Г. Ананьевым, которая включает три взаимодополняющих модуля: «Биосфера и человек» – «Человечество и ноосфера» – «Освоение космоса» (см. рис. 1).

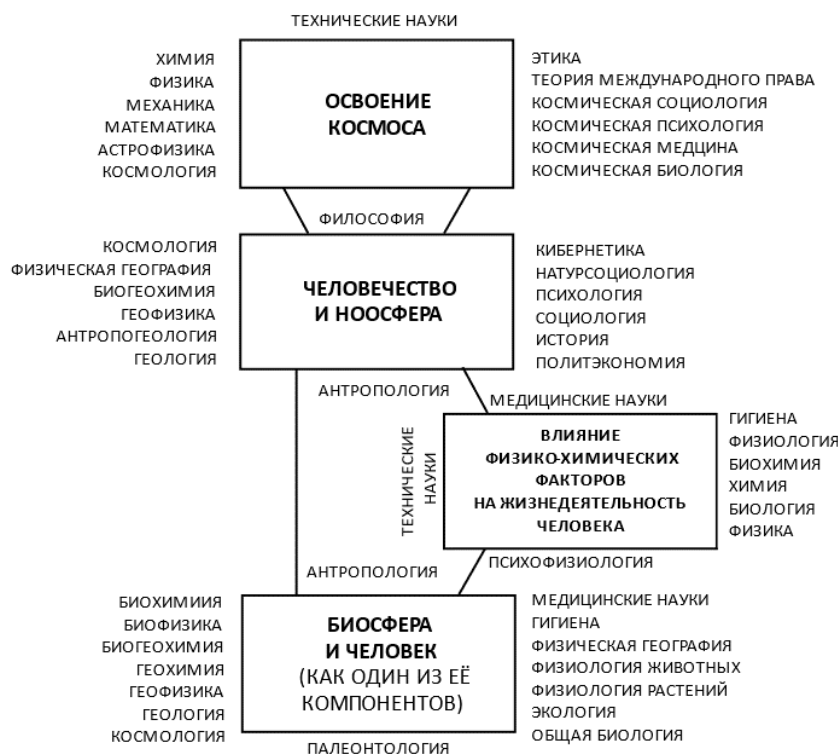

Рис. 1. Междисциплинарные связи в изучении проблемы «природа-человек» и «человечество-природа» (по Б. Г. Ананьеву)

Модуль «Биосфера и человек» включает палеонтологию, антропологию, биологические и междисциплинарные естественные науки (биохимия, геофизика и т. п.), а также медицинские науки. Модуль

«Человечество и ноосфера» включает географические и геологические науки, а также кибернетику, экологию, экономику и гуманитарные науки (философия, психология, социология и история). Наконец, мо-

дуль «Освоение космоса» включает естественные науки (астрофизика, химия, космическая биология), гуманитарные науки (этика, теория международного права, космическая социология, космическая психология) и космическую медицину. В рамках данного модуля предусматривается также изучение космологии, математики, механики и технических наук [Ананьев, 1996].

Отметим, что эколого-космическое образование могло бы стать также стратегическим направлением развития отечественного образования в XXI веке, в частности, на основе организационно-образовательной модели «Живая школа актуального образования» [Ясвин, 2021].

Методология организации личностно-развивающего образовательного процесса в русской международной школе

Педагогическая организация образовательного процесса в русской международной школе может быть основана на методологии развивающего образования. Как отмечает В. В. Давыдов, «если воспитание совместно с обучением приобретает явную и прямую развивающую функцию, то речь теперь может идти о развивающем образовании» [Давыдов, 1996, с. 392].

Методологические основы развивающего образования представлены в работах многих отечественных педагогов и педагогических психологов: Ш. А. Амонашвили, В. С. Библера, Л. С. Выготского,

В. В. Давыдова, Л. В. Занкова, В. В. Рубцова, Д. Б. Эльконина и др.

Начальным катализатором идей развивающего образования послужило положение Л. С. Выготского о «зонах ближайшего развития», о динамическом соотношении процессов обучения и развития ребенка [Выготский, 2005].

Согласно теории развивающего обучения Эльконина-Давыдова, содержание начального обучения составляют теоретические знания, ключевой метод обучения – совместная учебная деятельность, продукт развития – психологические новообразования, присущие младшему школьному возрасту [Давыдов, 1996]. Акцентируется внимание на необходимости рассмотрения учащихся в качестве полноправных субъектов учебной деятельности, заинтересованных в своем обучении и самозменении. Именно сформированность школьника как субъекта учебной деятельности В. В. Репкин считал наиважнейшим новообразованием младшего школьного возраста [Репкин, 2015].

Л. В. Занковым в качестве основных линий психического развития ребенка рассматривались наблюдение, мышление и практическое действие. Им была предложена дидактическая система, направленная на их развитие, которая предусматривала высокий уровень и темп обучения теоретическим знаниям, работу по осознанию самого процесса учения и личностное развитие [Занков, 1990].

В «педагогике сотрудничества» Ш. А. Амонашвили на основе зон ближайшего развития младших школьников акцент делался на развитие «социально-зависимой самостоятельности» младших школьников и установление «духовной общности» в процессе сотрудничества и взаимопомощи при взаимодействии с другими детьми и учителем [Амонашвили, 1986].

Отметим, что развивающие образовательные системы Ш. А. Амонашвили, Л. В. Занкова и В. В. Давыдова были разработаны для начальной школы.

В свою очередь в «школе диалога культур» В. С. Библера речь шла уже о всех возрастных ступенях образовательного процесса.

В первом и втором классе осваиваются такие понятия как «число», «слово», «природный объект», «произведение искусства» и т. п. Далее, в третьем и четвертом классах эти же понятия рассматрива-

лись в контексте античной культуры, затем в пятом и шестом классах – в контексте средневековой культуры, в седьмом и восьмом классах – в контексте культуры нового времени, наконец, в девятом и десятом классах – с современной точки зрения. «Диалог культур» обеспечивался взаимодействием на уроках разновозрастных учащихся, как «носителей» разных типов культуры [Библер, 1991].

Идея В. С. Библера получила развитие в модели «культурно-исторической школы», спроектированной под руководством В. В. Рубцова (В. А. Гуружапов, А. А. Марголис и др.), в которой педагогически последовательно воспроизводились формы исторических типов сознания и деятельности [Рубцов, 2008].

Образовательный процесс в культурно-исторической школе строился на основе «школ разных ступеней» (см. табл. 1).

Таблица 1.

Образовательные ступени культурно-исторической школы

Образовательная ступень	Возраст учащихся	Предметное содержание	Осваиваемые способы действия
1-я ступень «Школа мифотворчества»	5-6 лет	Свойства, вещи, отношения	Действия по сценарию в соответствии с ролью
2-я ступень «Школа-мастерская»	7-9 лет	Способы действия, навыки	Реконструкция способа, упражнение в навыке
3-я ступень «Школа-лаборатория»	10-13 лет	Модели, теории	Поиск, исследование, экспериментирование
4-я ступень «Проектная школа»	14-16 лет	Создание образцов	Проектирование новых образцов

Для каждой образовательной ступни организуется соответствующая среда: соответствующие архитектурные элементы, научные приборы и оборудование, символическое оформление. Взаимоотношения участников образовательного процесса также моделируются в соответствии с эпохой. Таким образом, детско-взрослая общность каждой эпохи выступает в качестве

зоны ближайшего развития для последующего типа исторического сознания и деятельности, что обеспечивает личностное развитие учащихся.

Методологические основы развивающего образования [Лебедева, 1996] могут быть представлены в виде сравнительной таблицы (см. табл. 2).

Таблица 2.

Сравнение традиционного и личностно-развивающего образования по В. П. Лебедевой, В. А. Орлову, В. И. Панову

Традиционное образование	Личностно-развивающее образование
Усвоение знаний-умений-навыков – цель и смысл образования	Усвоение знаний-умений-навыков – средство развития способностей
Субъект-объектный характер взаимодействия учителя с учащимися	Партнерская позиция учителя по отношению к учащимся, взаимодействие носит характер со-действия и сотрудничества
Хороший учитель – тот, который «больше знает»	Учащийся является субъектом своего собственного развития. Учитель ценится за умение организовать процесс саморазвития учащегося
Стереотипное воспроизведение учениками стандартного минимума готовых истин	Педагогическое проектирование и организация образовательной среды, способствующей раскрытию природных дарований учащихся, саморазвитию их познавательных, эмоциональных, физических и духовных способностей
Формирование человека, обладающего системой научных знаний	Воспитание гражданина планеты Земля, способного обеспечивать устойчивое общественное развитие человечества и, в первую очередь, своей страны
«Знаниевая парадигма» образования	Эколого-психологический (средовой) подход к образованию, обеспечивающий гармонию образовательного процесса с физическим и психическим развитием ребенка
Ведущая роль дидактики в образовательном процессе	Ведущая роль психологического сопровождения образовательного процесса

Можно также констатировать, что практически все популярные современные зарубежные подходы к образованию (развитие социального и эмоционального интеллекта, мягких навыков, кооперации, коммуникации, креативного и критического мышления и т. д.) имеют глубокую теоретическую и методическую проработку в отечественной психолого-педагогической науке. Уважаемые читатели, несомненно, без труда назовут десятки фамилий советских и российских психологов и педагогов, получивших фундаментальные научные результаты и разработавших эффективные обра-

зовательные продукты в сфере воспитания и личностного развития обучающихся.

При этом остается актуальным предупреждение академика А. В. Торкунова о возможной тенденции к стремлению построить российскую образовательную систему, закрытую от внешнего мира, которая основывается на «мифе российской самодостаточности», обусловленном ощущением собственной неспособности «играть по мировым правилам» и неспособностью участвовать в создании новых правил в международном образовании [Торкунов, 2012].

Библиографический список

1. Амонашвили Ш. А. Здравствуйте, дети! : пособие для учителя / предисл. А. В. Петровского. Москва : Просвещение, 1983. 208 с.
2. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания: избр. психол. тр. / под ред. А. А. Бодалева. Москва : Изд-во «Ин-т практ. Психологии»; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. 382 с.
3. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век : монография. Москва : Политиздат, 1990. 413 с.
4. Богатуров А. Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. Т.4, № 3 (12). С. 5-15.
5. Вентцель К. Н. Свободное воспитание : сб. избр. тр. / Сост. Л. Д. Филоненко. Москва : АПО, 1993. 170 с.
6. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера : монография. Москва : АСТ, 2022. 640 с.
7. Выготский Л. С. Психология развития человека : монография. Москва : Смысл ; Эксмо, 2005. 1136 с.
8. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения : монография. Москва : ИНТОР, 1996. 554 с.
9. Дегтярев В. И. Усилия России по созданию многополярного мира // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2020. № 1 (22). С. 166-174.
10. Занков Л. В. Избранные педагогические труды : монография. Москва : Педагогика, 1990. 424 с.
11. Концепция «Русская школа за рубежом». Утверждена Президентом Российской Федерации 4 ноября 2015 г.

12. Краснянский Д. Е. Россия в системе многополярного мира // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2015. № 5 (215). С. 58-62.
13. Лебедева В. П. Психодидактические аспекты развивающего образования / В. П. Лебедева, В. А. Орлов, В. И. Панов // Педагогика. 1996. № 6. С. 25-30.
14. Основные направления политики России в области международного культурно-гуманитарного сотрудничества Министерства иностранных дел Российской Федерации. Утверждены Президентом Российской Федерации 18 декабря 2010 г.
15. Репкин В. В. Что такое развивающее обучение : монография / В. В. Репкин, Н. В. Репкина. Москва : Авторский клуб, 2015. 140 с.
16. Рерих Н. Агни-Йога. Учение Живой Этики : монография / Н. Рерих, Е. Рерих. Москва : Амрита-Русь, 2016. 224 с.
17. Рубцов В. В. Социально-генетическая психология развивающего образования: деятельностный подход. Москва : МГППУ, 2008. 416 с.
18. Русский космизм: антология философской мысли / сост. С. Г. Семёнова, А. Г. Ганева. Москва : Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
19. Тиберио Грациани. Россия – краеугольный камень системы многополярного мира // Международная жизнь. 2010. № 7. С. 93-104.
20. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №4 (25). С. 85-93.
21. Торкунов А. В. Российские вузы в процессе интернационализации // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 1 (48). С. 6-12.
22. Ясвин В. А. Психология отношения к природе : монография. Москва : Смысл, 2000. 456 с.
23. Ясвин В. А. Актуальное образование: опыт разработки концепций и проектов : монография. Москва : Традиция, 2021. 276 с.

Reference list

1. Amonashvili Sh. A. Zdravstvujte, deti! = Hello, children! : posobie dlja uchitelja / predisl. A. V. Petrovskogo. Moskva : Prosveshhenie, 1983. 208 s.
2. Anan'ev B. G. Psihologija i problemy chelovekoznanija: izbr. psihol. tr. = Psychology and problems of human science: selected works on psychology / pod red. A. A. Bodaleva. Moskva : Izd-vo «In-t prakt. Psihologii»; Voronezh : NPO «MODJeK», 1996. 382 s.
3. Bibler V. S. Ot naukouchenija – k logike kul'tury: dva filosofskih vvedenija v dvadcat' pervyj vek = From science studies to the logic of culture: two philosophical introductions in the twenty-first century : monografija. Moskva : Politizdat, 1990. 413 s.
4. Bogaturov A. D. Liderstvo i decentralizacija v mezhdunarodnoj sisteme = Leadership and decentralization in the international system // Mezhdunarodnyje procesy. 2006. T.4, № 3 (12). S. 5-15.
5. Ventcel' K. N. Svobodnoe vospitanie = Free parenting : sb. izbr. tr. / sost. L. D. Filonenko. Moskva : APO, 1993. 170 s.
6. Vernadskij V. I. Biosfera i noosfera = Biosphere and noosphere : monografija. Moskva : AST, 2022. 640 s.

7. Vygotskij L. S. Psihologija razvitija cheloveka = Psychology of human development : monografija. Moskva : Smysl ; Jeksmo, 2005. 1136 s.
8. Davydov V. V. Teorija razvivajushhego obuchenija = Developmental learning theory : monografija. Moskva : INTOR, 1996. 554 s.
9. Degtjarev V. I. Usilija Rossii po sozdaniju mnogopoljarnogo mira = Russia's efforts to create a multipolar world // Problemy social'nyh i gumanitarnyh nauk. 2020. № 1 (22). S. 166-174.
10. Zankov L. V. Izbrannye pedagogicheskie trudy = Selected pedagogical works : monografija. Moskva : Pedagogika, 1990. 424 s.
11. Konceptcija «Russkaja shkola za rubezhom». Utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii 4 nojabrja 2015 g. = Concept “Russian School Abroad”. Approved by the President of the Russian Federation on November 4, 2015.
12. Krasnjanskij D. E. Rossija v sisteme mnogopoljarnogo mira = Russia in a multipolar world system // Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta graždanskoj aviacii. 2015. № 5 (215). S. 58-62.
13. Lebedeva V. P. Psihodidakticheskie aspekty razvivajushhego obrazovanija = Psychodidactic aspects of developmental education / V. P. Lebedeva, V. A. Orlov, V. I. Panov // Pedagogika. 1996. № 6. S. 25-30.
14. Osnovnye napravlenija politiki Rossii v oblasti mezhdunarodnogo kul'turno-gumanitarnogo sotrudničestva Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii. Utverzhdeny Prezidentom Rossijskoj Federacii 18 dekabrja 2010 g. = The main directions of Russia's policy in the field of international cultural and humanitarian cooperation of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Approved by the President of the Russian Federation on December 18, 2010.
15. Repkin V. V. Chto takoe razvivajushhee obuchenie = What is developmental learning : monografija / V. V. Repkin, N. V. Repkina. Moskva : Avtorskij klub, 2015. 140 s.
16. Rerih N. Agni-Joga. Učenje Zhivoj Jetiki = Agni Yoga. Teachings of living ethics : monografija / N. Rerih, E. Rerih. Moskva : Amrita-Rus', 2016. 224 s.
17. Rubcov V. V. Social'no-genetičeskaja psihologija razvivajushhego obrazovanija: dejatel'nostnyj podhod = Socio-genetic psychology of developmental education: an activity approach. Moskva : MGPPU, 2008. 416 s.
18. Russkij kosmizm: antologija filosofskoj mysli = Russian cosmism: anthology of philosophical thought / sost. S. G. Semjonova, A. G. Ganeva. Moskva : Pedagogika-Press, 1993. 368 s.
19. Tiberio Graciani. Rossija – kraeugol'nyj kamen' sistemy mnogopoljarnogo mira = Russia is the cornerstone of a multipolar world system // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2010. № 7. S. 93-104.
20. Torkunov A. V. Obrazovanie kak instrument “mjagkoj sily” vo vneshnej politike Rossii = Education as a tool of “soft power” in Russia's foreign policy // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2012. №4 (25). S. 85-93.
21. Torkunov A. V. Rossijskie vuzy v processe internacionalizacii = Russian universities in the process of internationalization // Mezhdunarodnyje processy. 2017. T. 15, № 1 (48). S. 6-12.

22. Jasvin V. A. Psihologija otnoshenija k prirode = Psychology of relation to nature : monografija. Moskva : Smysl, 2000. 456 s.

23. Jasvin V. A. Aktual'noe obrazovanie: opyt razrabotki koncepcij i proektov = Current education: experience in developing concepts and projects : monografija. Moskva : Tradicija, 2021. 276 s.

Статья поступила в редакцию 13.06.2022; одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 13.06.2022; approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 371.2
DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-122-139
EDN: МТТЕАW

**Коммуникативное пространство современной молодежи:
вызовы и угрозы (на примере пользователей YouTube)**

Виталий Николаевич Гурьянчик

Кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль
vit-gurjanchik@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9963-4510>

Аннотация. Изучение специфики информационной социализации молодежи связано с возникновением многообразных опасностей и рисков, обусловленных влиянием интернета на все сферы жизни современного человека. Проникновение информации в сознание молодежи формирует комплекс сетевых рисков, возникающих в результате онлайн взаимодействия, предоставляя, с одной стороны, полную свободу действий, с другой стороны, ограничения и барьеры. Социальные сети представляют собой глобальное пространство виртуальной реальности, обладающей высоким потенциалом проникновения в жизненный мир индивида и социальный мир общества. В рамках представленного в статье исследования автором был проведен опрос среди обучающихся общеобразовательных учреждений и вузов г. Ярославля с целью определения степени влияния на современную молодежь информационной среды коммуникативного киберпространства, а также выявления предпочтений молодых людей в использовании интернет-контентов. В качестве примера рассматривается влияние медиаплатформы и канала интернет-коммуникации YouTube на молодежь разных социальных групп как наиболее доступного, массового и интерактивного информационного контента. Большинство опрошенных отмечают привлекательность YouTube за счет развлекательного содержания, также приветствуются образовательные и научно-популярные темы. При этом молодые люди отмечают негативное влияние отдельных YouTube-блогеров на формирование сознания молодежи. Полученные в ходе опроса данные позволяют говорить о том, что молодое поколение, независимо от места учебы и профессиональной социализации, в той или иной степени вовлечено в коммуникационное пространство посредством социальных

сетей, осознает риски и преимущества использования ресурсов интернет-коммуникации.

Ключевые слова: виртуальное пространство; интернет; информационная безопасность; информационно-коммуникативное пространство; киберпространство; медиакультура; молодежь; социальные сети; YouTube

Для цитирования: Гурьянчик В. Н. Коммуникативное пространство современной молодежи: вызовы и угрозы (на примере пользователей YouTube) // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 122-139. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-122-139>. <https://elibrary.ru/mtteaw>.

Original article

**The communicative space of modern youth: challenges and threats
(using the example of YouTube users)**

Vitaly N. Guryanchik

Candidate of historical sciences, associate professor, department of social pedagogy and organization of work with youth, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
vit-gurjanchik@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9963-4510>

Abstract. The study of the specifics of information socialization of young people is associated with the emergence of diverse dangers and risks caused by the influence of the Internet on all spheres of modern life. The penetration of information into the consciousness of young people forms a complex of network risks arising from online interaction, providing, on the one hand, complete freedom of action, on the other hand, restrictions and barriers. Social networks represent a global virtual reality space with a high potential for penetration into the life world of an individual and the social world of society. As part of the research presented in the article, the author conducted a survey among students of general education institutions and universities in Yaroslavl in order to determine the degree of influence of the information environment of communicative cyberspace on modern youth, as well as to identify the preferences of young people in using Internet content. As an example, the influence of the YouTube media platform and Internet communication channel on young people of different social groups as the most accessible, mass and interactive information content is considered. The majority of respondents note the attractiveness of YouTube due to entertainment content, educational and popular science topics are also welcome. At the same time, young people note the negative influence of individual YouTube bloggers on the formation of youth consciousness. The data obtained during the survey suggest that the younger generation, regardless of the place of study and professional

socialization, is more or less involved in the communication space through social networks, is aware of the risks and benefits of using Internet communication resources.

Keywords: virtual space; Internet; information security; information and communication space; cyberspace; media culture; youth; social networks; YouTube

For citation: Guryanchik V. N. The communicative space of modern youth: challenges and threats (using the example of YouTube users). *Social and political researches*. 2022;3(16):122-139. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-122-139>. <https://elibrary.ru/mtteaw>.

Введение

Жизнь современного общества во многом связана с киберпространством. Потребительское поведение граждан, особенно молодежи, теперь неразрывно связано с интернетом: реклама и совершение покупок, услуги и продажи, развитие и продвижение бизнеса, транспортные услуги и пр. Сегодня уже невозможно себе представить культурную сферу общества без интерактивных экскурсий, книжных интернет-магазинов, онлайн-касс по продаже билетов в учреждения культуры, онлайн-кинотеатров и т. д. Развитие доступности киберпространства превратило его в один из основных источников получения информации о событиях в регионе, стране и мире. Информационно-коммуникативная сфера киберпространства влияет на умы и сознание миллиардов людей на планете, определяя их личное и общественное мнение. Причем это мнение формируется как на основе фактов, так и фейков, которые неспециалистам трудно отличить от правды.

Киберпространство стало основой формирования и развития множества национальных и глобальных социальных сетей, объединяющих представителей различных стран, национальностей, культур и возрастов. Виртуальное общение посредством социальных сетей сегодня является таким же неотъемлемым элементом, как и непосредственная межличностная коммуникация. Причем для молодежи виртуальная коммуникация является более реальной, чем настоящая, определяя совершенно новый тип мышления и общения подрастающего поколения. Для молодежи киберпространство открывает новые перспективы коммуникации и самовыражения. Как отмечает И. Ю. Тарханова, «свобода действий и почти безграничные возможности в виртуальном пространстве притягивают молодежь, затягивают личность в «воронку» событий, фактов из которой не выбраться без посторонней помощи, особенно несовершеннолетним пользователям, которые не всегда способны проанализировать

среду и свое поведение, чтобы сделать правильные выводы и обезопасить себя» [Тарханова, 2017, с. 170].

Результаты исследования

Развитие компьютерных коммуникационных технологий привело к новой социальной реальности. Молодое инновационное поколение использует виртуальные возможности для расширения межгрупповых и межличностных коммуникаций, стирая не только географические границы, но и между реальностями. Причем виртуальность позволяет без особых личностных усилий создавать новый образ «Я», который зачастую совершенно не совпадает с реальным. Высокая степень анонимности в виртуальном общении способствует изменению своего образа. Причем виртуальная самореализация становится потребностью молодого поколения, своеобразным ответом на запросы подписчиков, своего рода самопрезентацией в сетях. То, что в начале тысячелетия рассматривалось политиками как возможность привлечения электората демонстрацией отдельных аспектов публичной и личной жизни «a self-referential political class» [Crouch, 2004], сегодня является самопрезентацией, способом зарабатывания денег.

Развитие интернет-технологий способствовало увеличению влияния медиа на сознание и поведение людей, особенно молодежи. Г. Маклюэн отмечал, что медиа «стремились завладеть сознанием потреби-

теля, погружая его в иллюзорный мир грез, такое влияние может иметь серьезные последствия, и в финале медийного развития (будущее развитие электронных средств) возможна полная «ампутация» человеческого сознания. В процессе использования продуктов медиакультуры способности человека выносятся за его пределы, приобретают собственную (далекую от человеческой) логику и навязывают эту логику человеку, хочет он того или нет...» [Кириллова, 2006, с. 25].

Современные подростки являются яркими представителями «сетевого поколения», для которых потребность постоянного интернет-контакта является такой же насущной, как и потребность в еде. Удовлетворение интернет-коммуникации удовлетворяется за счет постоянной готовности вступить в коммуникацию с большим количеством акторов по разнообразным вопросам. «Коммуникационные пустоты» заполняются с помощью постоянного просмотра различного видео-контента в социальных сетях. Само понятие «социальная сеть» было введено в оборот еще в 1954 г. Д. Барнсом, который подразумевал под ним «разветвленные взаимосвязи отдельного человека с другими людьми» [Barnes, 1954, p. 45]. В современных условиях социальная сеть представляет собой виртуальное пространство, связывающее посредством различных платформ миллиарды пользователей, заинтересованных в той

или иной информации, основанной на интересах, ценностях, взглядах.

Современные технологии навели мир «умными» гаджетами, которые позволяют людям постоянно быть в информационном пространстве. Если население планеты составляет более 7,5 млрд человек, то активных пользователей интернета насчитывается около 4 млрд, а пользователей социальных сетей – более 3 млрд [Глобальная статистика пользователей соцсетей].

В рамках зарубежных исследований подчеркивается как позитивная роль интернета в социальной жизни современной молодежи, так и его негативное влияние на психологическую безопасность детей и подростков. Молодежь активно использует интернет как важную форму социального взаимодействия. Кибер-коммуникация сегодня помогает детям преодолеть трудности в общении и взаимодействии со сверстниками, поскольку коммуникация в интернете является одной из форм ролевой игры, следовательно, элементом развития личности [Brignall & Valey, 2005]. В связи с более широким использованием кибер-коммуникаций также возникает ощущение автономности. Однако прямых контактов с людьми меньше, поэтому социальная изоляция подростков и ее влияние на семейные отношения вызывают озабоченность [Littlefield, 2004]. Исследования также показывают, что существуют различия между отношениями, сформированными с

помощью компьютерной коммуникации и в рамках реального межличностного общения [Bryant, Sanders-Jackson, Smallwood, 2006].

Интернет-коммуникация или кибер-коммуникация, как указывают американские ученые, открывает возможности для самообучения молодежи, формирования ответственности и независимости. Студенты могут научиться эффективно управлять временем и ресурсами, овладеть искусством доступа и обработки навыков, полученных в значимом контексте, и четко донести эту информацию до целевой аудитории. Интеграция интернета с коммуникацией позволяет студентам делиться личными взглядами, знаниями и опытом, а также структурировать дискуссии для обсуждения. Негативной стороной кибер-коммуникации является доступ к личной информации. Одним нажатием кнопки вы можете узнать, где кто-то живет, номер телефона, даже как добраться до чьего-то дома. Становится все труднее защищать детей от небезопасного доступа к их личной информации [Wakefield, 2008]. По данным опросов, каждый пятый подросток в возрасте от 10 до 17 лет получал нежелательные сексуальные домогательства в интернете [Olsen, 2006]. В последнее время возрастает популярность кибер-издевательств, кибер-преследований, словесной агрессии в социальных сетях, нарушения групповых норм таких как расизм,

сексизм и гомофобия [Brignall & Valey, 2005].

К интернету все чаще обращаются как к ключевому ресурсу для решения вопросов, связанных с чем угодно, от жестокого обращения до самопомощи, он также используется в качестве средства самовыражения молодежи. Многие студенты получают доступ к таким ресурсам как горячие линии по вопросам самоубийств, группы поддержки, информация о состоянии здоровья и контакты с соответствующими организациями. Это взаимодействие помогает предоставить им систему поддержки за пределами их непосредственного окружения, чтобы помочь справиться с эмоциональными проблемами. С отрицательной стороны, эта способность находить ресурсы, касающиеся эмоциональной сферы, может быть вредной. В интернете доступна информация о том, как создавать бомбы, калечить себя, быть сексуально активным, участвовать в употреблении наркотиков и многих других законных и незаконных действиях [Rayne, 2006]. У 30 % всех подростков возникают мысли о самоубийстве, и более половины из них пользуются интернетом [Becker, Mayer, Nagenborg, El-faddagh, Schmidt, 2004]. Дети подвергаются воздействию нездоровых эмоциональных идей и выходов, о которых в противном случае они обычно не знали бы до более зрелого возраста. В наш век кибер-коммуникация может изменить многие аспекты

нашей жизни – личную, социальную, культурную, экономическую и интеллектуальную. Однако при надлежащем обучении, руководстве и надзоре существует потенциал для положительного личностного роста.

В России развитие интернет-коммуникаций идет семимильными шагами. Еще в 2016 г. Ю. В. Ирхин отмечал, что наша страна «занимает первое место в Европе по количеству интернет-пользователей (65 млн человек), более 80 % выходят в сеть каждый день, а 25 % – с двух-трех интернет-устройств, в том числе мобильных» [Ирхин, 2016, с. 77].

Сегодня социализация проходит не только в реальном социальном окружении, но и в виртуальном пространстве. Причем для подрастающего поколения виртуальная социализация является, пожалуй, основополагающей, определяющей его успешность в среде сверстников. Сетевое общение формирует у молодежи и своеобразную сетевую культуру, которая характеризуется практическим отсутствием четко установленных этических, языковых, коммуникативных норм.

Резюмируя влияние киберпространства на социализацию молодежи, можно сказать, что постепенно происходит смена акцентов в трансляции социокультурного опыта в сторону виртуального пространства, предлагающего более упрощенные схемы восприятия окружающего мира, что в свою очередь влияет на «формирование

ценностей, мировоззрения и практического опыта, а значит, происходит смена параметров и форм процесса социализации молодежи» [Фатьянов, 2017, с. 137].

Интерес, который питает современную молодежь к коммуникативному киберпространству, предопределил исследовательскую проблему: в какой степени виртуальная коммуникация влияет на современную молодежь и каковы их контентные предпочтения в интернет-пространстве? Следует отметить, что в современных условиях некоторые социальные сети либо запрещены, либо доступ к ним ограничен. В этой связи основной аспект был сделан в сторону YouTube-блогинга и его влияния на виртуальные коммуникации молодых людей [Гурьянчик, 2018].

Базой исследования стали образовательные организации г. Ярославля: МОУ «Средняя школа с углубленным изучением отдельных предметов «Провинциальный колледж» – 51 человек; ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова» (далее ЯрГУ) – 48 человек; ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (далее ЯГПУ) – 15 человек; ФГКВОУ ВО «Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны» (далее ЯВВУ ПВО) – 54 человека. Таким образом выборка составила 168 человек в возрасте от 16 до 20 лет. Привлечение в исследование моло-

дежи различных образовательных организаций позволило сформировать несколько групп для изучения: старшеклассники общеобразовательной школы, студенты гуманитарных направлений подготовки и курсанты военно-технического вуза.

Основным методом в исследовании было анкетирование. Социологическая анкета включала в себя 18 вопросов закрытой и полукрытой формы, в которых отражалось влияние виртуального контента на когнитивный, мотивационный и поведенческий компонент молодых людей.

Несомненно, что использование конкретных социальных сетей является личным выбором каждого человека, продиктованным его потребностями и предпочтениями. Нас же интересовал вопрос об использовании только YouTube как социальной сети. На вопрос «Являетесь ли Вы зрителем YouTube?» большинство обучающихся вузов ответили положительно (70 %): обучающиеся ЯрГУ – 85 %, ЯГПУ – 73 %, ЯВВУ ПВО – 64 %. Кроме того, более половины старшеклассников (57 %) так же утвердительно ответили на данный вопрос. Однако, среди студентов и курсантов были и те, кто никогда не посещал YouTube: 2 % студенты ЯрГУ и 7 % курсанты ЯВВУ ПВО.

Нахождение в социальных сетях требует определенного времени, и чем больше интерес к данной сети, тем больше времени в ней находится пользователь. Частота просмотр-

ров различных роликов на YouTube | представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Частота просмотра роликов YouTube, %

Вариант ответа	Обучающиеся				Всего
	ЯГПУ	ЯрГУ	Колледж	ЯВВУ ПВО	
Ежедневно	53	54,2	27,5	25	40
Несколько раз в неделю	33	31,3	45,1	43	38
Раз в неделю	14	11,1	25,5	25	19
Не смотрю вообще	0	3,4	1,9	7	3

Данные таблицы говорят о том, что ежедневно просматривают материалы на YouTube менее половины респондентов, а в совокупности 57 % посещают YouTube раз или несколько раз в неделю. Кроме того, следует обратить внимание на существенное отличие ответов студентов и старшеклассников относительно ежедневного просмотра данного канала. Обучающиеся колледжа ежедневно просмотру YouTube уделяют внимание практически в два раза реже, чем студенты. Возможно, что это является следствием переключения внимания школьников в сторону развлекательного TikTok. Что же касается курсантов, то их посещение социальной сети во многом определяется спецификой их военно-профессиональной подготовки, связанной с режимностью и запретом на использование интернет-коммуникации в служебное время.

Следует также обратить внимание на тот факт, что более 80 % опрошенных обучающихся просматривают каналы YouTube от 1 до 5 часов в сутки, и это несмотря на, казалось бы, значительную учебную нагрузку. При этом подписаны молодые люди на большое количество каналов – около 100, просмотр которых конечно же требует большого количества времени.

С целью выявления контента, который предпочитают молодые люди, им было предложено ответить на вопрос: «Контент какого рода Вы предпочитаете смотреть на YouTube?», при этом респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. Изначально предполагалось, что наибольшей популярностью у молодежи пользуется развлекательный контент. Ответы респондентов представлены в таблице 2.

Таблица 2.
Информационные предпочтения молодежи при просмотре YouTube, %

Вариант ответа	Обучающиеся				Всего
	ЯГПУ	ЯрГУ	Колледж	ЯВВУ ПВО	
Развлекательный	80	89,6	74,5	72	79
Научно-популярный	73	68,8	52,9	54	62
Политический	26,6	27,1	11,1	26	23
Образовательный	53,3	72,9	70,6	61	64
Свой вариант ответа	6,6	6,3	4,0	7	6

Несмотря на некоторые различия в ответах представителей образовательных организаций, общая тенденция вполне отвечает интересам молодых людей. Как и предполагалось изначально наибольшей популярностью у респондентов пользуется развлекательный контент – 79 %. Так как исследование проводилось среди обучающейся молодежи, то популярность образовательного контента (64 %) вполне объяснима. На третьем месте по популярности находится научно-популярный контент. А вот материалы политического содержания в меньшей степени популярны у молодежи, а для старшеклассников вообще малоинтересен. По всей видимости возрастная исключенность из политического процесса играет здесь решающую роль в данной возрастной группе.

Любая коммуникация в той или иной степени затрагивает и отражается на знаниях, представлениях и установках коммуникантов. Что же касается интернет-пространства, то здесь возможностей для общения и

обмена мнениями еще больше. Социальные сети открывают для своих пользователей возможности быстрого нахождения круга единомышленников, вовлекая в виртуальное взаимодействие все новых пользователей, расширяя интернет-аудиторию. Как отмечал Уильямс: «Именно в них и через них передаются идеи, претворяются традиции, распространяются идеологии, укрепляются гегемонии, создаются, оспариваются и манипулируются символы, обычаи, нормы и ценности, которые и нацелены на создание «культурного»» [Williams, 1958, p. 6].

Более половины обучающихся (57 %) утвердительно ответили на вопрос о влиянии контента YouTube на развитие личностных качеств, при 41 % отрицающих такое влияние. При этом следует отметить существенную разницу в ответах обучающихся разных образовательных организаций о влиянии контентов, что представлено на рисунке 1.

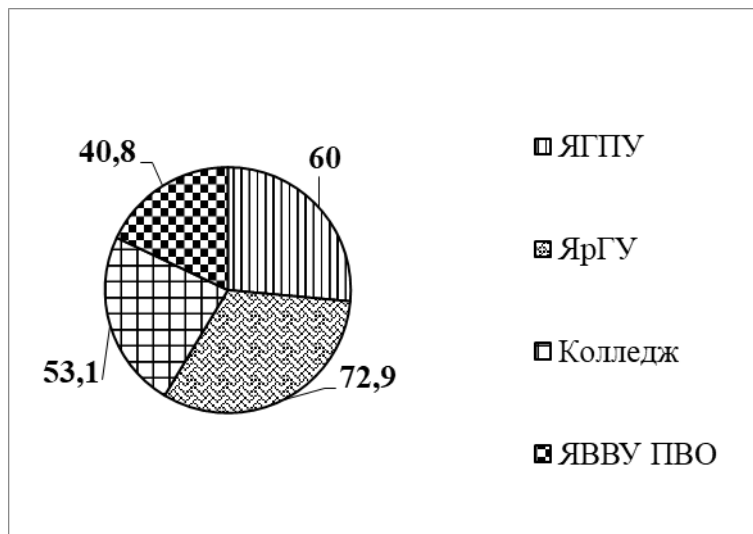

Рис. 1. Влияние пребывания на YouTube на личность респондента

Особенности профессиональной подготовки (ограничения в использовании интернет-ресурсов, дозированная и специализированная информация, целенаправленная военнополитическая работа), по-видимому, сыграли основную роль в степени влияния контентов на личность курсантов (лишь 40,8 % ответили положительно).

Пребывание в любой социальной сети затягивает пользователей и постепенно формирует не просто круг общения, но и само коммуникативное пространство. И это подтверждают ответы большинства

обучающихся гражданских образовательных организаций: ЯГПУ – 87 %, ЯрГУ – 87 %, колледж – 76 %. То есть YouTube, как и любая социальная сеть формирует социальное и коммуникативное пространство современной молодежи. Однако, ответы курсантов ЯВВУ ПВО отличаются от студентов и старшеклассников, так как лишь 64 % утвердительно ответили на вопрос о влиянии YouTube на коммуникативное пространство.

Степень влияния материалов YouTube на сознание молодежи исходя из ответов представлена в таблице 3.

Таблица 3.

Способность роликов на YouTube оказать негативное влияние на человека, в %

Вариант ответа	Обучающиеся				Всего
	ЯГПУ	ЯрГУ	Колледж	ЯВВУ ПВО	
Да, наблюдая за современным топом YouTube, складывается ощущение, что люди, которые в нем находятся, могут вложить в головы детей и молодежи бредовые и вредные мысли	66	79	80	65	72,5
Нет, я не вижу никакой угрозы со стороны YouTube, а именно, блогеров, которые могут негативно повлиять на человека	14	11	16	27	17
Нет, я не думаю, что на YouTube много таких людей, которые могут навязать вредные мысли своим зрителям, так как больше блогеров, высказывающих вполне себе полезные и интересные мысли	20	10	4	8	10,5

Представленные в таблице 3 данные демонстрируют негативную оценку влияния контента YouTube на личность молодого человека. В данном случае проблема заключается в наличии противоречия между негативной оценкой влияния видеоматериалов социальной сети, с одной стороны, и ее популярностью среди молодежи, с другой стороны. Осознавая негативность влияния материалов на свою личность, молодежь продолжает при этом проводить время в YouTube по несколько часов в сутки.

Вредоносные, а порой и опасные контенты, и их влияние на личность подрастающего поколения являются постоянным объектом монито-

ринга со стороны Роскомнадзора. Государство, используя свои властные полномочия, по-разному воздействует на создателей и распространителей вредоносного интернет-контента: от предупреждения и наложения штрафов до полного блокирования материалов. Принявшие участие в опросе молодые люди в своих ответах полярно разделились во мнении о необходимости вмешательства государства в регулирование виртуального информационно-коммуникативного пространства. 49,6 % молодых людей высказались против государственного ограничения виртуального пространства, акцентируя внимание на самостоятельности моло-

дых людей в определении контента. Тогда как за государственное вмешательство в блогосферу высказалось 42,9 % респондентов.

Результаты опроса свидетельствуют о распространении среди молодого поколения виртуального коммуникативного контента. Причем место обучения и принадлежность к уровням образования не имеет значения. Выявленная разница в ответах в большей степени продиктована специфической стороной образовательной среды и социально-психологической напряженностью образовательного процесса в высших и средних образовательных организациях.

Неизменно то, что молодежь понимает свою вовлеченность в виртуальную коммуникацию, в частности YouTube, осознает ее формирующее воздействие на когнитивные, ценностно-смысловые и конативные элементы личности. А это в свою очередь помогает акцентировать внимание на информационно-коммуникативных вызовах и угрозах в молодежной среде.

Под «вызовом» мы понимаем воспринимаемые и понимаемые коммуникантом трансформации в окружающей информационно-коммуникационной среде, которые выражаются в негативном воздействии на него и требующие определенной реакции в целях сохранения жизнеспособности.

Под «угрозой» мы понимаем желание и стремление информационно воздействующего субъекта

нанести определенный вред воздействию субъекту.

Основные вызовы безопасности, оказывающие деструктивное влияние на информационно-коммуникационное пространство молодежи, можно представить следующим образом:

– глобальная цифровизация и информатизация общества. Наличие большого количества разнообразных современных коммуникационных устройств позволяет не только общаться молодым людям, но и быть под воздействием постоянного информационного поля, которое содержит в себе не только новости, но и откровенные фейки, воздействующие и формирующие сознание подрастающего поколения;

– постоянная доступность любой информации в режиме реального времени. Несомненно, что возможность получения информации мгновенно посредством подключения к интеллектуальным ресурсам мира, не является само по себе неким негативом, а скорее наоборот. Но если такая возможность рассматривается как единственная, то это может привести к нежеланию самостоятельно овладевать знаниями, к деградации мыслительных процессов и собственно самой логике мышления;

– информационно-коммуникативная инклюзия. Возрастание степени зависимости подрастающего поколения от виртуального пространства (социальные сети, компьютерные игры и пр.) влечет за собой

размывание граней между реальностью и виртуальностью, «Я» реальным, и «Я» виртуальным. Размытость мировосприятия не способствует становлению социально ответственной и зрелой личности, а порой приводит к неосозанным и трагическим действиям;

– легкость манипулирования индивидуальным и общественным сознанием. Виртуальное пространство изобилует различного рода контентом, которые направлены на формирование или изменение системы знаний, исторической памяти, перевернутых ценностей, деструктивного поведения. Современные технологии нейроманипулирования – это не только манипулирование сознанием, но и фактор тотального контроля поведения личности со стороны заинтересованных киберсообществ;

– возрастающая зависимость молодежи от киберпространства. Использование гаджетов в любое время суток и в любом месте перестало быть просто необходимостью, а превратилось в жизненно важную потребность, удовлетворение которой становится первостепенной, а порой и маниакальной. Невозможность присутствия в онлайн-коммуникации порождает у некоторой части молодежи нервные расстройства.

Несомненно, что перечисленные вызовы безопасности информационно-коммуникативному пространству можно дополнить и другими негативными факторами, воздей-

ствующими на молодое поколение. Несомненно, виртуальная коммуникативная аддикция у молодежи будет только возрастать, а технические, санкционные и прочие ограничения будут вызывать лишь недовольство и протестные отношения.

Конечно, вызовы безопасности в информационно-коммуникативном пространстве молодежи можно купировать, но лишь в том случае, если общество будет своевременно и адекватно реагировать на их возникновение.

Что же касается угроз, то здесь мы имеем дело с целенаправленным намерением нанести вред коммуниканту, а следовательно, изменить его жизненно важные параметры деятельности. К коммуникативно-информационным угрозам мы относим:

– применение информационно-коммуникативных технологий для формирования и развития протестных настроений в молодежной среде, используя дискредитацию отечественной истории и насаждение новых «героев»;

– увеличение межпоколенческой пропасти в российском обществе, в основе которого лежат разные социокультурные ценности, размывающие этнокультурное единство;

– увеличение в киберпространстве потока информации экстремистского содержания, которая направлена на культивирование ре-

лигиозной, этнической и культурной ненависти;

– формирование негативного отношения среди молодежи к традиционным национальным и общечеловеческим ценностям посредством трансляции так называемых европейских или американских ЛГБТ ценностей, что нацелено на депопуляцию населения.

Заключение

Наличие большого количества вызовов и угроз в коммуникативно-информационном пространстве молодежи порождает необходимость противостоять им с использованием законодательных актов, определяющих не только основные направления противодействия, но и механизмы защиты от опасного контента. Например, в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» определено, что основным направлением в сфере государственной и общественной безопасности является «противодействие использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности в целях подрыва суверенитета, политической и социальной стабильности, насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности Российской Федерации» [Указ Президента ... , 2016].

Молодое поколение как социально-демографическая группа, характеризующаяся нестабильностью

социально-психологических процессов, конфликтностью, размытостью ценностно-смысловых ориентиров, наиболее подвержена разрушительному влиянию вредоносных информационных потоков. Осознавая возможные угрозы информационного воздействия на сознание молодежи в России предусмотрено «создание условий для повышения культуры информационной безопасности в молодежной среде как эффективного инструмента профилактики экстремизма, дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным и другим признакам» [Распоряжение Правительства ... , 2014].

Противостояние деструктивному воздействию на молодежь в информационно-коммуникативном пространстве должно основываться на всестороннем учете различных вызовов и угроз. Несомненно, что именно образовательная среда должна способствовать формированию научного мировоззрения, основанного на фактах, используя различные информационно-профилактические методики изучения качеств личности и развития социально направленного поведения. Некоторые педагоги предлагают использовать «беседы со студентами для выявления экстремистских наклонностей, агрессивности; формирования толерантного сознания и поведения; занятия по изучению Федерального закона РФ от 25 июля 2002 г. № 144-ФЗ «О противодействии экстремистской

деятельности» и других законов, касающихся проблем молодежи; разъяснительную работу среди студентов о наличии многих религий и их непримиримости к насилию; ознакомление с деятельностью молодежных и общественных организаций; формирование гражданско-патриотического сознания; пропаганду здорового образа жизни; проведение профориентационной работы; оказание помощи в трудоустройстве; вовлечение молодежи в научную и инновационную деятельность» [Петрова, 2017, с. 139].

Подводя итоги, можно сказать, что решение проблемы воздействия негативного контента в информационно-коммуникативном пространстве на молодежь невозможно

только запретом или блокировкой опасных интернет-ресурсов. Современные технологии и глобальная паутина позволяют обходить запреты, маскировать вредоносный контент. Следовательно, решать вопрос безопасности коммуникативного пространства молодежи необходимо комплексно, системно и целенаправленно с привлечением всех субъектов коммуникации и ресурсов (общественных, информационных, педагогических и пр.). Особое место в информационно-профилактической работе должно принадлежать самой молодежи, которая лучше других субъектов может воздействовать на сверстников по принципу «равный равному».

Библиографический список

1. Глобальная статистика пользователей соцсетей. Инфографика. URK: <https://rusability.ru/infographics/globalnaya-statistika-polzovatelej-sotssetej-infografika>. (Дата обращения: 24.01.2022).
2. Гурьянчик В. Н. Коммуникативное пространство российской молодежи (на примере пользователей YouTube-блоггинга) / В. Н. Гурьянчик, Т. В. Макеева // Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность. Сборник научных статей. (Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность», 29 октября 2018 г., Ижевск). Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2018. С. 177-181.
3. Ирхин И. В. Повышение роли блогосферы в публичной политике // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 1. С. 75-89.
4. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Академический Проект, 2006. 448 с.
5. Петрова Т. В. Работа куратора по профилактике межнациональных конфликтов в студенческой группе / Т. В. Петрова, Т. В. Романова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2017. № 3-1 (95). С. 135-141.
6. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 15.12.2014. № 50. Ст. 7185.

7. Тарханова И. Ю. Социализация молодежи средствами интернет-коммуникаций // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23, № 4. С. 169-171.
8. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.
9. Фатьянов В. М. Роль Интернета в современном коммуникативном пространстве российской молодежи: социокультурный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 2 (199). С. 135-138.
10. Becker K, Mayer M., Nagenborg M., El-faddagh, M., & Schmidt M. H. Parasuicide online: Can suicide websites trigger suicidal behaviour in predisposed adolescents? Nord J Psychiatry, 2004. 58(2). P. 111-114.
11. Barnes J. Class and committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations, 7 (1), 1954. P. 45-46.
12. Brignall T.W., III, & Valey T. V. The impact of Internet communication on social interaction. Sociological Spectrum. 2005. 25. P. 335-348.
13. Bryant J. A., Sanders-Jackson A., & Smallwood A. M. K. I Ming, text messaging, adolescent social networks. Journal of Computer-Mediated Communication, 2006. 11(2), article 10.
14. Crouch C. Post-democracy. Polity Press, 2004. 144 p.
15. Fleming M., & Rickwood D. Teens in cyberspace. Youth Studies Australia. 23(3). 2004.
16. Freeman-Longo R. E. Children, teens, and sex on the Internet. Sexual Addiction and Compulsivity. 2000, 7. P. 75-90.
17. Lenhart A., Rainie L., & Lewis O. Teenage life online: The rise of the instant-message generation and the internet's impact on friendships and family relationships. Washington, DC: Pew Internet and American Life Project. 2001, June 20
18. Littlefield L. Psychosocial aspects of mobile phone use among adolescents. Melbourne: The Australian Psychological Society. 2004, November 3
19. Miles K. S. Reconceptualizing analysis and invention in a post-technê classroom: A comparative study of technical communication students. Technical Communication Quarterly. Volume 19, 2009 – Issue 1: Posthuman Rhetoric's and Technical Communication. P. 47-68.
20. Olsen S. Keeping kids safe on social sites. Retrieved July 17, 2006, from CNET News.com.
21. Pankoke-Babatz U., & Jeffrey P. Documented norms and conventions on the internet. International Journal of Human-Computer Interaction, 2002. 14(2). P. 219-235.
22. Payne J. W. (2006, July 4). Invitation to harm. The Washington Post, F-1. Weiss, D. L. (2005, August 11). Youth & the Internet. Focus on the Family.
23. Wakefield M. A., & Rice C. J. The impact of cyber-communication on today's youth (ACAPCD-14). Alexandria, VA: American Counseling Association, 2008.
24. Williams R. Culture and Society, N. Y., 1958. P. 6.

Reference list

1. Global'naja statistika pol'zovatelej socsetej = Global statistics of social media users. Infografika. URK: <https://rusability.ru/infographics/globalnaya-statistika-polzovatelej-sotssetej-infografika>. (Data obrashhenija: 24.01.2022).
2. Gur'janchik V. N. Kommunikativnoe prostranstvo rossijskoj molodezhi (na primere pol'zovatelej YouTube-blogginga) = Communication space of Russian youth (using the example of YouTube blogging users)/ V. N. Gur'janchik, T. V. Makeeva // Aktual'nye tendencii social'nyh kommunikacij: istorija i sovremennost'. Sbornik nauchnyh statej. (Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye tendencii social'nyh kommunikacij: istorija i sovremennost'»), 29 oktjabrja 2018 g., Izhevsk). Izhevsk : Izdatel'skij centr «Udmurtskij universitet», 2018. S. 177-181.
3. Irhin I. V. Povyshenie roli blogosfery v publichnoj politike = Increasing the role of the blogosphere in public policy // Social'no-gumanitarnye znanija. 2016. № 1. S. 75-89.
4. Kirillova N. B. Mediakultura: ot moderna k postmodernu = Media culture: from modernist to postmodern. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Akademicheskij Proekt, 2006. 448 s.
5. Petrova T. V. Rabota kuratora po profilaktike mezhnacional'nyh konfliktov v studencheskoj gruppe = The work of the curator on the prevention of interethnic conflicts in the student group / T. V. Petrova, T. V. Romanova // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ja. Jakovleva. 2017. № 3-1 (95). S. 135-141.
6. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29.11.2014 № 2403-r “Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda” = Decree of the Government of the Russian Federation dated 29.11.2014 No. 2403-r “On Approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the Period until 2025” // Sobranie zakonodatel'stva RF. 15.12.2014. № 50. St. 71-85.
7. Tarhanova I. Ju. Socializacija molodezhi sredstvami internet-kommunikacij = Socialization of young people by means of Internet communications // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2017. T. 23, № 4. S. 169-171.
8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.12.2016 № 646 “Ob utverzhenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii” = Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 “On the Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation” // Sobranie zakonodatel'stva RF. 12.12.2016. № 50. St. 7074.
9. Fat'janov V. M. Rol' Interneta v sovremennom kommunikativnom prostranstve rossijskoj molodezhi: sociokul'turnyj aspekt = The role of the Internet in the modern communication space of Russian youth: sociocultural aspect // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie, filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. 2017. № 2 (199). S. 135-138.
10. Becker K, Mayer M., Nagenborg M., El-faddagh, M., & Schmidt M. H. Parasuicide online: Can suicide websites trigger suicidal behaviour in predisposed adolescents? Nord J Psychiatry, 2004. 58(2). P. 111-114.
11. Barnes J. Class and committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations, 7 (1), 1954. P. 45-46.

12. Brignall T.W., III, & Valey T. V. The impact of Internet communication on social interaction. *Sociological Spectrum*. 2005. 25. P. 335-348.
13. Bryant J. A., Sanders-Jackson A., & Smallwood A. M. K. I Ming, text messaging, adolescent social networks. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2006. 11(2), article 10.
14. Crouch C. *Post-democracy*. Polity Press, 2004. 144 p.
15. Fleming M., & Rickwood D. Teens in cyberspace. *Youth Studies Australia*. 23(3), 2004
16. Freeman-Longo R. E. Children, teens, and sex on the Internet. *Sexual Addiction and Compulsivity*, 2000. 7. P. 75-90.
17. Lenhart A., Rainie L., & Lewis O. (2001, June 20). Teenage life online: The rise of the instant-message generation and the internet's impact on friendships and family relationships. Washington, DC: Pew Internet and American Life Project.
18. Littlefield L. (2004, November 3). Psychosocial aspects of mobile phone use among adolescents. Melbourne: The Australian Psychological Society.
19. Miles K.S. Reconceptualizing analysis and invention in a post-technê classroom: A comparative study of technical communication students. *Technical Communication Quarterly*. Volume 19, 2009 – Issue 1: Posthuman Rhetoric's and Technical Communication. P. 47-68.
15. Olsen S. Keeping kids safe on social sites. Retrieved July 17, 2006, from CNET News.com.
16. Pankoke-Babatz U., & Jeffrey P. Documented norms and conventions on the internet. *International Journal of Human-Computer Interaction*, 2002. 14(2). P. 219-235.
17. Payne J. W. (2006, July 4). Invitation to harm. *The Washington Post*, F-1. Weiss, D. L. (2005, August 11). *Youth & the Internet*. Focus on the Family.
18. Wakefield M. A., & Rice C. J. The impact of cyber-communication on today's youth (ACAPCD-14). Alexandria, VA: American Counseling Association, 2008.
19. Williams R. *Culture and Society*, N. Y., 1958. P. 6.

Статья поступила в редакцию 16.06.2022; одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 16.06.2022; approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 316, 364.1
DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-140-155
EDN: МРУЕУА

**Содержание понятий «благотворительность», «волонтерство»
и «социальная проблема» в восприятии ивановцев**

Улубей Курбанбаганович Мутаев¹, Нина Тимофеевна Арефьева^{2✉}

¹Кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, технологий бизнеса и гуманитарных дисциплин Ивановского филиала ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», г. Иваново.

²Кандидат философских наук, доцент, помощник директора Ивановского филиала ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», г. Иваново

¹ulmut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6082-6512>

²ivanovo@rea.ru[✉], <http://orcid.org/0000-0002-4146-4552>

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования восприятия ивановцами категорий «благотворительность», «волонтерство», «социальная проблема» и их философское и культурологическое осмысление.

Основной вопрос, на который мы хотели ответить в этой статье, это как жителями города воспринимается смысл понятий «благотворительность», «волонтерство», «социальная проблема», какие интерпретации объединяют горожан, какие разделяют. Общественный консенсус по отношению к этим понятиям, является основой развития взаимодействия акторов социальной сферы, к которым мы относим некоммерческие организации, общественность, госструктуры и благополучателей.

В целом, можно сказать, что в большинстве горожане адекватно воспринимают исследуемые понятия, вкладывают в них одинаковый смысл. Возникающие разночтения могут объясняться как социальными причинами, например, такими как альтруизм пожилых или максимализм молодежи, так и культурными, а именно утратившейся культурой филантропии. К сожалению, филантропия, благотворительность, волонтерство перестали составлять основной спектр жизненных ориентиров современного человека. Возврат к культуре благотворительности и ее развитие – это тот путь, который должно выбрать российское общество в современных условиях. Повышая и углубляя значимость филантропических ценностей, ценностей

социального служения наше общество сможет добиться значительных успехов в решении социальных проблем. При этом эвристический потенциал категорий «благотворительность», «волонтерство», «социальная проблема», многообразие форм их проявления в социокультурном пространстве современного общества являются ресурсом, оказывающим значительное влияние на развитие гражданского общества, и в определенной мере способствующим достижению взаимопонимания между государством, бизнесом и обществом, в лице СО НКО.

Ключевые слова: благотворительность; волонтерство; социальная проблема; социально-ориентированные некоммерческие организации (СО НКО); взаимодействие общества и СО НКО; социокультурные ценности

Для цитирования: Мутаев У. К., Арефьева Н. Т. Содержание понятий «благотворительность», «волонтерство» и «социальная проблема» в восприятии ивановцев // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 140-155. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-140-155>. <https://elibrary.ru/mpyeyu>.

Original article

The content of concepts “charity”, “volunteering” and “social problem” in the perception of Ivanovo residents

Ulubey K. Mutaev¹, Nina T. Arefieva²✉

¹Candidate of sociological sciences, associate professor, head of department of management, business technologies and humanities, Ivanovo branch of Russian economic university named after G. V. Plekhanov, Ivanovo.

²Candidate of philosophical sciences, associate professor, assistant director of Ivanovo branch of Russian economic university named after G. V. Plekhanov, Ivanovo

¹ulmut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6082-6512>

²ivanovo@rea.ru✉, <http://orcid.org/0000-0002-4146-4552>

Abstract. The article presents the results of a sociological study of the perception of the categories “charity”, “volunteerism”, “social problem” by the residents of Ivanovo and their philosophical and cultural understanding.

The main question that we wanted to answer in this article is how the residents of the city perceive the meaning of the concepts “charity”, “volunteering”, “social problem”, which interpretations unite the citizens, which they share. Public consensus in relation to these concepts is the basis for the development of interaction between actors in the social sphere, to which we refer non-profit organizations, public, government agencies and beneficiaries.

In general, we can say that a common basis for mutual understanding in society has developed, for the most part, citizens adequately perceive the concepts under study, assign the same meaning. The resulting discrepancies can be explained both by social reasons, for example, such as altruism of the elderly or maximalism of young people, and cultural ones, namely the lost culture of philanthropy. Unfortunately, indeed, philanthropy, charity, volunteerism have ceased to constitute the main spectrum of life orientations of a modern person. Returning to the culture of charity and its development is the path that Russian society should choose in modern conditions. By increasing and deepening the importance of philanthropic values, values of social service, our society will be able to achieve significant success in solving social problems. At the same time, the heuristic potential of the categories “charity”, “volunteerism”, “social problem”, the variety of forms of their manifestation in the socio-cultural space of modern society are a resource that has a significant impact on the development of civil society, and to a certain extent contributes to the achievement of mutual understanding between the state, business and society represented by non-governmental organizations.

Keywords: charity; volunteering; social problem; socially oriented non-profit organizations (SO NPOs); interaction between society and SO NPOs; sociocultural values

For citation: Mutaev U. K., Arefieva N. T. The content of concepts “charity”, “volunteering” and “social problem” in the perception of Ivanovo residents. *Social and political researches*. 2022;3(16):140-155. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-140-155>. <https://elibrary.ru/mpyeaya>.

Введение

Работа социально ориентированной некоммерческой организации (далее СО НКО) сопровождается постоянным взаимодействием с обществом, при этом нельзя сказать, что некоммерческие организации пользуются безусловным доверием у людей, как следствие кадровый «голод», недостаточное число жертвователей и волонтеров. Гражданское общество в России структурируется, его функции регламентированы действующим российским законодательством, согласно

которому гражданское участие приветствуется и поддерживается практически в каждом направлении деятельности государства [Пилипенко, 2021].

В соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» под СО НКО понимают некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, а также реализующие специфические виды

деятельности, предусмотренные тем же законом [Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (последняя редакция)]. Из определения совершенно ясно, что деятельность СО НКО в первую очередь направлена на решение социальных проблем, при этом общество не всегда готово взаимодействовать с ними, в чем причина?

В одном из наших предыдущих исследований по данной теме эксперт в сфере бизнеса высказал мысль, что ситуация с некоммерческими организациями не развивается, потому что население не удовлетворило еще свои материальные потребности, только после достижения определенного уровня благосостояния люди начнут смотреть в сторону благотворительности и других социальных инициатив [Мутаев, 2021]. Безусловно, уровень благосостояния граждан влияет на желание помогать в решении социальных проблем, но не менее важно оценить насколько однородно в обществе сущностное понимание таких явлений как благотворительность, волонтерство, социальная проблема. Общество представляет собой «грибницу», из которой вырастают и некоммерческие организации, и госструктуры, и волонтеры, и благополучатели, поэтому возможности эффективного взаимодействия напрямую зависят от общего восприятия основных понятий и соответствующего понимания ситуации.

Основной вопрос, на который мы хотели ответить в нашей статье, это как жителями города воспринимается смысл понятий «благотворительность», «волонтерство», «социальная проблема», какие интерпретации объединяют горожан, какие разделяют. Общественный консенсус по отношению к данным понятиям является основой развития взаимодействия акторов социальной сферы, к которым мы относим некоммерческие организации, общественность, госструктуры и благополучателей.

Понимание того, какой смысл вкладывают ивановцы в понятия «благотворительность», «волонтерство», «социальная проблема» позволит выявить насколько однозначно воспринимаются данные категории, а также выделить смысловые акценты, которые возможно присутствуют в общественном мнении ивановцев принадлежащих различным социальным категориям, и способны влиять на взаимодействие общества и СО НКО, социокультурные преобразования в развитии гражданского общества и принятие решений на уровне государственной власти.

Методы исследования

Посредством анкетного опроса были изучены жители г. Иваново, постоянно проживающие на территории города, не моложе 14 лет с разграничением по половому признаку и без требований в отношении принадлежности к определенной социальной группе.

Расчет выборки: выборка составляет 384 человека, стратифицирована по возрасту на семь групп: 1. 14-17 лет; 2. 18-21 лет; 3. 22-30 лет; 4. 31-40 лет; 5. 41-50 лет; 6. 51-60 лет; 7. Старше 60 лет.

N=409277 [Официальный сайт Городского округа Иваново, 2022], n=384, ошибка выборки 5 %, выборочная совокупность рассчитывается по формуле:

$$SS = \frac{Z^2 * (p) * (1-p)}{C^2}$$

где: Z = Z фактор (например, 1,96 для 95 % доверительного интервала),
 p = процент интересующих респондентов или ответов, в десятичной форме (0,5 по умолчанию),
 c = доверительный интервал, в десятичной форме (например, 0,04 = ±4 %)

Результаты исследования

Как показало наше исследование понимание благотворительности среди горожан довольно однозначно. Большинство ивановцев (64,3 %) понимают под благотворительностью «безвозмездную помощь нуждающимся», для 33,1 % опрошенных – «это не просто помощь нуждающимся, а внутренняя потребность человека быть полезным другим людям», совсем небольшая часть (2,6 %) считает благотворительность «устаревшим индивидуальным способом решения социальных проблем, которые должно решать государство».

Женщины более эмоционально относятся к благотворительности нежели мужчины, среди них значи-

тельно выше процент понимающих благотворительность как внутреннюю потребность человека. Это вполне коррелирует с исследованиями в области фем-филантропии [Подобедова, 2021]. Мужчины демонстрируют приверженность общепринятой интерпретации данного понятия.

Интерес вызывает вариант «устаревший индивидуальный способ решения социальных проблем, которые должно решать государство», этот вариант выбирают только мужчины в возрастном диапазоне от 22-30 лет. Такой выбор может объясняться осознанием мужчинами в данном возрасте высоких социальных требований к себе, состоящих в достижении успеха, бо-

гатства, карьерного роста, которые во многом оказываются не совместимы с благотворительностью. Таковую позицию разделяет лишь незначительная часть мужчин.

«Глубокое» понимание благотворительности, как внутренней потребности человека разделяют 100 % опрошенных в возрасте от 51 до 60 лет, так же обстоит дело с категорией «старше 60 лет». Как показывает опыт российских исследований, в общественном мнении россиян сформировался образ пожилого человека как нуждающегося в помощи и поддержке, при этом данные Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ свидетельствуют о том, что значительная часть пожилых россиян вовлечена в общественно-политические практики. Пенсионеры активно участвуют в деятельности общественных объединений, гражданских инициатив, в Товариществах собственников жилья, в жилищно-строительных кооперативах, в садовых и дачных товариществах, профсоюзах и ветеранских объединениях [Корнеева, 2017]. Для них становятся более очевидным и актуальным приоритет социальных проблем над личными, что является естественной характеристикой данного возраста. В остальных возрастных категориях преобладает лаконичная позиция «безвозмездная помощь нуждающимся», особенно это характерно для

возрастной категории «18-21 лет» и «31-40 лет».

Распределение выборов, в зависимости от образования, демонстрирует, что у ивановцев всех уровней образования лидирует позиция «это безвозмездная помощь нуждающимся». Стоит отметить тот факт, что скепсис, а именно позицию «устаревший индивидуальный способ решения социальных проблем» проявили только ивановцы со средним специальным образованием (35,7 %). Вероятно, они склонны возлагать решение социальных проблем на государство или специальные некоммерческие организации.

Распределение по социальному статусу и сфере труда демонстрирует преобладание первого варианта ответа «это безвозмездная помощь нуждающимся» практически во всех категориях, выделяются лишь пенсионеры, которые единогласно (100 %) выбирают вариант «это не просто помощь нуждающимся, а внутренняя потребность человека быть полезным другим людям», такой же результат мы видим в сфере строительства. Вариант «устаревший индивидуальный способ решения социальных проблем» выбрали «рядовые сотрудники» – 14,3 % и «студенты» – 2,2 %, при этом все они как оказалось задействованы в «сфере услуг» – 16,7 %.

Понятие благотворительность сегодня окружено самыми разнообразными мифами и предрассудками

и в обществе есть определенная степень недоверия к данной деятельности, что снижает ее эффективность и ведет не только к обесцениванию нравственных основ благотворительности, но и к безразличию к людям, действительно нуждающимся в помощи [Дубгорин, 2014]. Несмотря на это ивановцы воспринимают понятие благотворительность вполне адекватно, а для трети из них еще и наполнено внутренним смыслом, осознанной мотивацией. Впрочем, как и в других регионах России ивановцы в большинстве своем, конечно, одобряют благотворительную деятельность, но занимаются ей немногие [Иванова, 2019]. Основными препятствиями здесь выступают недоверие к благотворительным организациям и низкий уровень жизни россиян [Калина, 2019]. Причиной недоверия часто становится функционирование так называемых fake-организаций [Нечаев, 2013].

Повысить доверие к некоммерческой сфере позволила бы целостная на уровне государства, бизнеса и общества поддержка социальных инвестиций, чтобы социальная ответственность, благотворительная деятельность и волонтерство продвигались по всем направлениям и были выгодны экономически и нравственно для включенных структур и предприятий [Охотина, 2021].

Высокий процент (69,2 %) у ивановцев был при определении

«волонтерство – это широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, фандрайзинг, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности без расчета на денежное вознаграждение».

Второй по популярности ответ «это способ бесплатно использовать труд учащихся и студентов» (16,4 %). Данный вариант интересен тем, что исключает «добрую волю» из определения волонтерства, что возможно говорит либо о так называемом добровольно-принудительном способе привлечения некоторых категорий граждан к данному виду деятельности, либо о непонимании частью населения сути волонтерской работы. Кроме того существует расхожий миф о волонтерах как бесплатной рабочей силе, который разделяют некоторые руководители бюджетных учреждений или государственных структур [Блог: Базовые знания о волонтерстве, 2022].

Определение волонтерства как способа политического и идеологического воспитания молодежи разделяют 15,4 % опрошенных, надо отметить, что данный вариант также исключает добровольный характер включения в волонтерскую деятельность. Вполне возможно, что эта часть ивановцев не считает волонтерство общественно-полезной работой.

Мужчины в понимании волонтерства демонстрируют больше скепсиса, это выражается в выборе первого и второго варианта ответа. Женщины, практически абсолютным большинством (80%) выбирают третью позицию «волонтерство – это широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, фандрайзинг, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности без расчета на денежное вознаграждение».

Больше половины респондентов каждой возрастной категории разделяют позицию «волонтерство – это широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, фандрайзинг, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности без расчета на денежное вознаграждение». Категории «старше 60 лет» и «14-17 лет» единогласно (100 %) придерживаются этого варианта.

Что касается молодежи, такое единодушное понимание сущности волонтерства в определенной степени отражает самоорганизационный потенциал волонтерства, являющийся одним из главных условий его развития [Кисиленко, 2018].

Распределение, в зависимости от образования, показывает преобла-

дание людей со средним специальным образованием среди выбравших позицию «волонтерство это способ бесплатно использовать труд учащихся и студентов», возможно, это связано как раз с так называемым «добровольно-принудительным характером» привлечения к волонтерской деятельности в образовательных организациях. При этом самой популярной, стала позиция «волонтерство – это широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, фандрайзинг, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности без расчета на денежное вознаграждение», у людей со средним образованием она достигает 100 %, с высшим – 70,9 %.

Все занятые в сфере спорта ивановцы считают волонтерство способом политического и идеологического воспитания молодежи. Практически равномерно позиции распределились для «сферы финансов».

Таким образом, можно сказать, что под волонтерством большинство ивановцев понимают общепринятую трактовку «волонтерство – это широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, фандрайзинг, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на

благо широкой общественности без расчета на денежное вознаграждение». Тем не менее, суммарно около 30 % не до конца понимают сущность волонтерства, и выбирают варианты «волонтерство – это способ политического и идеологического воспитания молодежи» и «волонтерство, это способ бесплатно использовать труд учащихся и студентов».

Такая ситуация в г. Иваново была диагностирована еще в 2014-2015 году, «практически 1/3 ивановцев не понимали специфики деятельности волонтера и даже опасались ее», как не прискорбно это констатировать, но в 2022 году ничего не поменялось [Ермилова, 2018]. Это говорит, о необходимости воспитывать в молодежи устремления к активной помощи людям [Кисиленко, 2017].

Быть волонтером – это, значит, выбрать активную жизненную стратегию, изменять мир вокруг себя посредством собственной деятельности [Мутаев, 2005]. Такая позиция невозможна без поддержки социума, который, безусловно, нуждается в подобной активности граждан. В свою очередь со стороны государства осуществляется максимальная поддержка прав волонтеров [Фоминых, 2021].

Понятие «социальная проблема» понимается ивановцами однозначно (88 %), как «вопросы и ситуации, которые прямо или косвенно влияют на каждого человека в обществе и, требующие приложения сов-

местных усилий граждан по их преодолению».

Мужчины более склонны считать социальные проблемы «выдумкой политиков для выманивания у людей денег» (18 %). Женщины в абсолютном большинстве (95,9 %) выбрали общепринятую трактовку понятия социальная проблема.

Интересно, что по возрасту, 29,2 % представителей категории «14-17 лет» выбрали вариант «социальные проблемы – это проблемы низших слоев населения». Как правило, подростковая среда относится к разного рода социальным проблемам (бедности, неравенству, инвалидности) без понимания. Также скептическое отношение к социальным проблемам демонстрируют 33,3 % представителей возрастной категории «51-60 лет».

По уровню образования все представленные категории большинством поддерживают общепринятое определение относительно понятия «социальная проблема». Вариант «социальные проблемы придумывают политики...» выбрали 35,7 % ивановцев о среднем специальным образованием.

Позицию «социальные проблемы – это проблемы низших слоев населения» действительно разделяют в основном учащиеся.

В целом у большинства ивановцев можно констатировать общее понимание категории «социальная проблема». Некоторые отклонения, в частности, выбор позиции «соци-

альные проблемы – это проблемы низших слоев населения» возможно, объясняются возрастом выбравших ее ивановцев, их юношеским максимализмом.

Заключение

Таким образом, ивановцы в большинстве своем адекватно воспринимают понятия «благотворительность», «волонтерство» и «социальная проблема». Понятие благотворительность адекватно воспринимается ивановцами, а для трети из них еще и наполнено внутренним смыслом, осознанной мотивацией.

Под волонтерством большинство ивановцев понимают общепринятую трактовку «волонтерство – это широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, фандрайзинг, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности без расчета на денежное вознаграждение». Тем не менее, суммарно около 30 % не понимают сущность волонтерства, и выбирают варианты «волонтерство – это способ политического и идеологического воспитания молодежи» и «волонтерство – это способ бесплатно использовать труд учащихся и студентов».

У ивановцев сложилось общее понимание категории «социальная проблема». Некоторые отклонения, в частности, выбор нехарактерной

позиции «социальные проблемы – это проблемы низших слоев населения», возможно, объясняются возрастом выбравших ее ивановцев, их юношеским максимализмом.

Характеризуя ситуацию в общем, можно сказать, что основание для взаимопонимания в обществе сложилось, в большинстве своем горожане адекватно воспринимают исследуемые понятия, вкладывают в них одинаковый смысл. Возникающие разночтения могут объясняться как социальными причинами, например, такими как альтруизм пожилых или максимализм молодежи, так и культурными, а именно утратившейся культурой филантропии. Действительно, филантропия, благотворительность, волонтерство перестали составлять основной спектр жизненных ориентиров современного человека, как это было, например, на рубеже XIX-XX веков или позже в советское время [Голкова, 2014]. Очевидно, существует необходимость государственной и социальной поддержки организаций гражданского общества, так как они являются одним из проводников обратной связи между властью и народом [Первякова, 2020]. Возврат к культуре благотворительности и ее развитие – это тот путь, который должно выбрать российское общество в современных условиях. Определенные основания для этого, как было отражено выше в данной статье, уже есть. Повышая и углубляя значимость филантропических

ценностей, ценностей социального служения наше общество сможет добиться значительных успехов в решении социальных проблем.

Используя результаты проведенных исследований на практике, анализируя структуру современного общества стоит отметить, что именно социальная философия ставит задачей обеспечение здравого смысла формулировки практических действий во всех сферах жизнедеятельности человека. В период критических событий пандемии волонтерство стало важнейшей мотивацией социальной активности, особенно среди молодежи. В таких ситуациях мотивационной основой волонтерства является духовно-нравственная ценность социальной активности, как формы самоорганизации молодежи. При этом важно, чтобы эта деятельность имела значимое подкрепление в обществе, в виде нематериального вознаграждения, чтобы интерес к ней укреплялся [Мироненко, 2014]. С точки зрения философии требуется осмысление активации добровольческой помощи и на базе информационных сетей как это происходит во время массовых акций государственного уровня, как, например, акция «Мы вместе».

В современном социокультурном контексте благотворительность, как и волонтерство, рассматриваются, так же как духовно-нравственный принцип формирования системы социальной политики. Благотворительность необходи-

ма для того, чтобы снять социальное напряжение.

Что касается категории «социальная проблема» она действительно выступает одной из значимых в социальных науках и философии. Опираясь на проведенные исследования, особенно в период глобальных преобразований, мы наблюдаем новые формы институционализации современных проблем. Они выступают как маркеры социальной несправедливости, неравенства, бедности, так называемого «общества риска». Особенно остро это проявляется на фоне неравномерного развития информационных технологий, глобальной цифровизации, что порождает целый ряд угроз для культурной сферы, все чаще требующей морального оздоровления.

Таким образом, многие проблемы, связанные с различными аспектами жизнедеятельности современного человека нуждаются в дальнейшем осмыслении и оценке, эвристический потенциал категорий «благотворительность», «волонтерство», «социальная проблема», многообразие форм их проявления в социокультурном пространстве современного общества изучены недостаточно, а именно они оказывают значительное влияние на развитие гражданского общества, и в определенной мере способствуют достижению взаимопонимания между государством, бизнесом и обществом, в лице социально ори-

ентированных некоммерческих ор- | ганизаций.

Библиографический список

1. Блог: Базовые знания о волонтерстве. Волонтеры – это бесплатная рабочая сила? Реплика руководителя Даниловцев. URL: <https://volonter-school.ru/2016/09/mif1/>. (Дата обращения: 25.04.2022).
2. Голкова М. Л. Благотворительность в пространстве российской культуры: количество или качество? // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2014. №3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagotvoritelnost-v-prostranstve-rossiyskoj-kultury-kolichestvo-ili-kachestvo>. (Дата обращения: 23.04.2022).
3. Дубгорин А. А. Проблемы благотворительности в РФ / А. А. Дубгорин, М. О. Гуцин // БМИК. 2014. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-blagotvoritelnosti-v-rf>. (Дата обращения: 30.04.2022).
4. Ермилова А. В. Региональное проблемное поле волонтерства / А. В. Ермилова., И. А. Исакова, В. И. Игнатъева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. №2 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnoe-problemnoe-pole-volonterstva>. (Дата обращения: 28.04.2022).
5. Иванова Т. Н. Мотивационная основа благотворительности населения: когортные различия // АНИ: экономика и управление. 2019. №1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnaya-osnova-blagotvoritelnosti-naseleniya-kogortnye-razlichiya>. (Дата обращения: 30.05.2022).
6. Калина Н. М. Благотворительность в современном российском обществе: вопросы теории и практики // ВЭПС. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagotvoritelnost-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve-voprosy-teorii-i-praktiki>. (Дата обращения: 28.04.2022).
7. Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-potentsial-samoorganizatsii-rossiyskoj-molodezhi>. (Дата обращения: 04.05.2022).
8. Кисиленко А. В. Волонтерство и религия: опыт социологического исследования // Гуманитарий Юга России. 2017. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-i-religiya-opyt-sotsiologicheskogo-issledovaniya>. (Дата обращения: 04.07.2022).
9. Корнеева И. Е. Благотворительность пожилых россиян (по результатам эмпирического исследования) / И. Е. Корнеева, Г. А. Миннигалева // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 74-80.
10. Мироненко Н. В. Контрактные отношения как основной инструментарий построения межсекторного социального партнерства в контексте взаимодействий НКО и населения // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №4 (34). С. 131-141.

11. Мутаев У. К. Социально-ориентированные некоммерческие организации: проблемы и перспективы (На примере Ивановской области) // Управленческий учет. Вып. 8. Ч. 2. 2021. С. 298-308.
12. Мутаев У. К. Профессиональная адаптация представителей северокавказских национальных общин в средних городах России. Нижний Новгород, 2005. 157 с.
13. Нечаев Д. Н. Особенности функционирования fake-организаций в структуре гражданского общества РФ: региональный уровень // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. №3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-fake-organizatsiy-v-strukture-grazhdanskogo-obschestva-rf-regionalnyy-uroven>. (Дата обращения: 28.04.2022).
14. Официальный сайт Городского округа Иваново. URL: <https://ivgoradm.ru/history/teritory.htm>. (Дата обращения: 27.04.2022).
15. Охотина Т. А. Социальные инвестиции: содержание категорий и методологические аспекты определения сущности // Финансовые исследования. 2021. №3 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-investitsii-soderzhanie-kategorii-i-metodologicheskie-aspekty-opredeleniya-suschnosti>. (Дата обращения: 28.04.2022).
16. Первякова Р. Н. Пути практической реализации власти народа через некоммерческие организации гражданского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-prakticheskoy-realizatsii-vlasti-naroda-cherez-nekommercheskie-organizatsii-grazhdanskogo-obschestva>. (Дата обращения: 28.04.2022).
17. Пилипенко А. Д. К вопросу о месте и роли социально ориентированных в политической системе современной России // Вестник МГОУ. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-meste-i-rol-i-sotsialno-orientirovannyh-nko-v-politicheskoy-sisteme-sovremennoy-rossii>. (Дата обращения: 28.04.2022).
18. Подобедова А. А. «Фем-филантропия»: влияние феминизма на практику благотворительной деятельности // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5. С. 163–166.
19. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (последняя редакция) «О некоммерческих организациях» // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824. (Дата обращения: 28.04.2022).
20. Фоминых В. Ю. Волонтерство в социальной сфере // Скиф. 2021. №6 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-v-sotsialnoy-sfere>. (Дата обращения: 17.05.2022).

Reference list

1. Blog: Bazovye znaniya o volonterstve. Volontery – jeto besplatnaja rabochaja sila? Replika rukovoditelja Danilovcev = Blog: Basic knowledge about volunteering.

Are volunteers a free labor force? Remark of the head of Danilovtsev. URL: <https://volonter-school.ru/2016/09/mif1/>. (Data obrashhenija: 25.04.2022).

2. Golkova M. L. Blagotvoritel'nost' v prostranstve rossijskoj kul'tury: kolichestvo ili kachestvo? = Charity in the space of Russian culture: quantity or quality? // Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2014. №3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagotvoritelnost-v-prostranstve-rossijskoj-kul'tury-kolichestvo-ili-kachestvo>. (Data obrashhenija: 23.04.2022)

3. Dubgorin A. A. Problemy blagotvoritel'nosti v RF = Problems of charity in the Russian Federation / A. A. Dubgorin, M. O. Gushhin // BМIK. 2014. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-blagotvoritelnosti-v-rf>. (Data obrashhenija: 30.04.2022).

4. Ermilova A. V. Regional'noe problemnoe pole volonterstva = Regional problem field of volunteering / A. V. Ermilova., I. A. Isakova, V. I. Ignat'eva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki. 2018. №2 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnoe-problemnoe-pole-volonterstva>. (Data obrashhenija: 28.04.2022).

5. Ivanova T. N. Motivacionnaja osnova blagotvoritel'nosti naselenija: kogortnye razlichija = Motivational basis of population philanthropy: cohort differences // ANI: jekonomika i upravlenie. 2019. №1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnaya-osnova-blagotvoritelnosti-naseleniya-kogortnye-razlichija>. (Data obrashhenija: 30.05.2022).

6. Kalina N. M. Blagotvoritel'nost' v sovremennom rossijskom obshhestve: voprosy teorii i praktiki = Charity in modern Russian society: questions of theory and practice // VJePS. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagotvoritelnost-v-sovremennom-rossijskom-obschestve-voprosy-teorii-i-praktiki>. (Data obrashhenija: 28.04.2022).

7. Kisilenko A. V. Volonterstvo: potencial samoorganizacii rossijskoj molodezhi = Volunteering: the potential of self-organization of Russian youth // Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-potencial-samoorganizatsii-rossijskoj-molodezhi>. (Data obrashhenija: 04.05.2022).

8. Kisilenko A. V. Volonterstvo i religija: opyt sociologicheskogo issledovanija = Volunteering and religion: experience in sociological research // Gumanitarij Juga Rossii. 2017. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-i-religiya-opyt-sotsiologicheskogo-issledovaniya>. (Data obrashhenija: 04.07.2022).

9. Korneeva I. E. Blagotvoritel'nost' pozhilyh rossijan (po rezul'tatam jempiricheskogo issledovanija) = Charity of elderly Russians (according to the results of an empirical study) / I. E. Korneeva, G. A. Minnigaleeva // Sociologicheskie issledovanija. 2017. № 1. S. 74-80.

10. Mironenko N. V. Kontraktnye otnoshenija kak osnovnoj instrumentarij postroenija mezhsektornogo social'nogo partnerstva v kontekste vzaimodejstvij NKO i naselenija = Contractual relations as the main tool for building an intersectoral social partnership in the context of interactions between NCOs and population // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. 2014. №4 (34). S. 131-141.

11. Mutaev U. K. Social'no-orientirovannye nekommercheskie organizacii: problemy i perspektivy (Na primere Ivanovskoj oblasti) = Socially oriented non-profit organizations: problems and prospects (on the example of the Ivanovo region) // Upravlencheskij uchet. Vyp. 8. Ch. 2. 2021. S. 298-308.

12. Mutaev U. K. Professional'naja adaptacija predstavitelej severokavkazskih nacional'nyh obshhin v srednih gorodah Rossii = Professional adaptation of representatives of North Caucasian national communities in the mid-sized cities of Russia. Nizhnij Novgorod, 2005. 157 s.

13. Nechaev D. N. Osobennosti funkcionirovaniya fake-organizacij v strukture grazhdanskogo obshhestva RF: regional'nyj uroven' = Features of the functioning of fake organizations in the structure of civil society of the Russian Federation: regional level // Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki. 2013. №3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-fake-organizatsiy-v-strukture-grazhdanskogo-obshhestva-rf-regionalnyj-uroven>. (Data obrashhenija: 28.04.2022).

14. Oficial'nyj sajt Gorodskogo okruga Ivanovo = Official website of the City district of Ivanovo. URL: <https://ivgoradm.ru/history/teritory.htm>. (Data obrashhenija: 27.04.2022).

15. Ohotina T. A. Social'nye investicii: sodержanie kategorij i metodologicheskie aspekty opredelenija sushhnosti = Social investments: content of categories and methodological aspects of the definition of essence // Finansovyje issledovanija. 2021. №3 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-investitsii-soderzhanie-kategorii-i-metodologicheskie-aspekty-opredeleniya-suschnosti>. (Data obrashhenija: 28.04.2022).

16. Pervjakova R. N. Puti praktičeskoj realizacii vlasti naroda cherez nekommercheskie organizacii grazhdanskogo obshhestva = Ways of practical realization of the power of the people through non-profit organizations of civil society // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski . 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-praktičeskoy-realizatsii-vlasti-naroda-cherez-nekommercheskie-organizatsii-grazhdanskogo-obshhestva>. (Data obrashhenija: 28.04.2022).

17. Pilipenko A. D. K voprosu o meste i roli social'no orientirovannyh v političeskoj sisteme sovremennoj Rossii = On the question of the place and role of socially oriented in the political system of modern Russia // Vestnik MGOU. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-meste-i-rol-i-sotsialno-orientirovannyh-nko-v-političeskoj-sisteme-sovremennoj-rossii>. (Data obrashhenija: 28.04.2022).

18. Podobedova A. A. “Fem-filantropija”: vlijanie feminizma na praktiku blagotvoritel'noj dejatel'nosti = “Phem Philanthropy”: Impact of feminism on charity practice // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2021. № 5. S. 163–166.

19. Federal'nyj zakon ot 12.01.1996 № 7-FZ (poslednjaja redakcija) “O nekommercheskih organizacijah” = Federal Law of 12.01.1996 No. 7-FZ (latest edition) “On Non-Profit Organizations” // SPS Konsul'tant Pljus. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824. (Data obrashhenija: 28.04.2022).

20. Fominyh V. Ju. Volonterstvo v social'noj sfere = Volunteering in the social sphere // Skif. 2021. №6 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-v-sotsialnoy-sfere>. (Data obrashhenija: 17.05.2022).

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 27.07.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 20.06.2022; approved after reviewing 27.07.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 376.6
DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-156-167
EDN: MNRPVS

Формирование привычек здорового образа жизни у обучающихся среднего звена общеобразовательной школы

Эльвира Викторовна Зауторова^{1✉}, Николай Гургенович Соболев²

¹Доктор педагогических наук, профессор кафедры юридической психологии и педагогики ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики»; ведущий научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России», г. Вологда.

²Кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России», г. Москва.

¹elvira-song@mail.ru[✉], orcid.org//0000-0002-1334-2654

²sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org//0000-0001-6101-7437>

Аннотация. Необходимым условием экономического и социального развития страны является высокий уровень здоровья нации. Состояние полного физического, психического и социального благополучия ребенка – одна из важнейших предпосылок его успешного воспитания, обучения и адаптации в условиях современного общества. В связи с этим воспитание здорового образа жизни у лиц несовершеннолетнего возраста приобретает значение важной педагогической, социальной и медицинской проблемы.

Целью исследования явилось повышение уровня знаний обучающихся среднего звена общеобразовательной организации по формированию полезных привычек. Базой исследования стала МОУ «Общеобразовательная средняя школа № 30 г. Вологды». В исследовании принимали участие 160 обучающихся (5-9 классы; 11-15 лет). При выявлении уровня знаний обучающихся о привычках здорового образа жизни высокий уровень был выявлен только у 20 %.

С целью оказания практической помощи в формировании у несовершеннолетних знаний, умений и навыков был разработан проект «Полезные привычки – твои верные друзья!», с помощью которого осуществлялся поиск наиболее эффективных способов организации воспитательно-оздоровительного процесса в образовательной организации и в семье. Участие в проекте способствовало повышению уровня знаний обучающихся в сфере представлений о полезных и вредных привычках, развитию необходимых навыков по сохранению своего здоровья, повышению каче-

ства работы с родителями (высокий уровень был выявлен у 60 % участников проекта). В связи с этим необходима организация специальной деятельности по формированию здорового образа жизни, осуществлению профилактических мероприятий и информированию о способах борьбы с вредными привычками обучающихся среднего звена общеобразовательной организации. Данная работа поможет подростку развить свои нравственные качества, осознать себя ответственным человеком за свое здоровье и окружающих людей.

Ключевые слова: общеобразовательная организация; подростки; здоровый образ жизни; полезные привычки; воспитательная работа

Для цитирования: Зауторова Э. В., Соболев Н. Г. Формирование привычек здорового образа жизни у обучающихся среднего звена общеобразовательной школы // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 156-167. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-156-167>. <https://elibrary.ru/mnrpvs>.

Original article

Formation of healthy lifestyle habits among secondary school students

Elvira V. Zautorova^{1✉}, Nikolai G. Sobolev²

¹Doctor of pedagogical sciences, professor of department of legal psychology and pedagogy, Vologda institute of law and economics; leading researcher at Research institute of Federal penitentiary service of Russia, Vologda.

²Candidate psychological sciences, associate professor, senior researcher, Research institute of Federal penitentiary service of Russia, Moscow

¹elvira-song@mail.ru[✉], orcid.org/0000-0002-1334-2654

²sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Abstract. A necessary condition for the economic and social development of the country is a high level of health of the nation. The state of complete physical, mental and social well-being of a child is one of the most important prerequisites for his successful upbringing, training and adaptation in modern society. In this regard, the education of a healthy lifestyle among minors acquires the importance of an important pedagogical, social and medical problem.

The purpose of the study was to increase the level of knowledge of middle-level students of a general education organization on the formation of useful habits. The basis of the study was MEI “General secondary School No. 30 in Vologda”. The study involved 160 students (5-9 grades; 11-15 years old). When identifying the level of students’ knowledge about healthy lifestyle habits, only 20 % had a high level.

In order to provide practical assistance in the formation of minors’ knowledge, skills and abilities, the project “Useful habits are your faithful

friends!” was developed, with the help of which the search for the most effective ways of organizing the educational and wellness process in an educational organization and in the family was carried out. Participation in the project contributed to increasing the level of knowledge of students in the field of ideas about useful and harmful habits, developing the necessary skills to preserve their health, improving the quality of work with parents (a high level was found in 60 % of project participants). In this regard, it is necessary to organize special activities for the formation of a healthy lifestyle, the implementation of preventive measures and information about ways to combat bad habits of students of the middle level of a general education organization. This work will help the teenager to develop his moral qualities, to realize himself as a responsible person for his health and the people around him.

Keywords: general education school; middle-level students; healthy lifestyle; healthy habits; educational work

For citation: Zautorova E. V., Sobolev N. G. Formation of healthy lifestyle habits among secondary school students. *Social and political researches*. 2022;3(16):156-167. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-156-167>. <https://elibrary.ru/mnrpvs>.

Введение

Необходимым условием экономического и социального развития страны является высокий уровень здоровья нации. Основным принципом государственной политики Российской Федерации в области образования является приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека [Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», ст. 3]. Состояние полного физического, психического и социального благополучия ребенка – одна из важнейших предпосылок его успешного воспитания, обучения и адаптации в условиях современного общества.

Вместе с тем в современном обществе распространены среди мо-

лодежи и представляют реальную угрозу здоровью человека вредные привычки (алкоголь, табакокурение, наркомания, телевизионная и Интернет-зависимость и др.), оказывающие негативное влияние на жизнь общества в целом, а также на жизнь и деятельность личности в отдельности [Воробьева, 2015; Спирин, 2017]. В сложившейся ситуации воспитание здорового образа жизни у лиц несовершеннолетнего возраста приобретает значение важных педагогических, социальных и медицинских проблем.

Начальным этапом претворения в жизнь педагогического комплекса мер профилактики и снижения заболеваемости является формирование у несовершеннолетних полезных привычек. Основной целью

такого воспитания должно являться формирование не только привычек здорового образа жизни, но и формирование культурно-гигиенических навыков, ценностных ориентаций, обеспечивающих сохранение и укрепление своего здоровья и здоровья окружающих [Семенова, 2020; Чедов, 2018].

Формирование полезных привычек у лиц несовершеннолетнего возраста – одна из актуальных проблем науки и практики. Исследуемая проблема нашла отражение в фундаментальных работах А. М. Архангельского, Л. И. Божович, Н. М. Болдырева, А. М. Виноградовой, С. Н. Карповой, Н. К. Крупской, А. С. Макаренко, В. А. Сластенин, С. Г. Якобсон и других ученых. Исследованию проблемы содержания привычек здорового образа жизни детей школьного возраста посвящены труды Р. С. Буре, В. Г. Нечаевой, Л. Ф. Островской, С. В. Петериной, Э. К. Сусловой и др. Имеются работы, в которых дан анализ педагогического наследия писателей, видных ученых-педагогов, внесших значительный вклад в разработку проблемы формирования здорового образа жизни у детей (Т. И. Когачевская, Р. Н. Курманходжаева, Т. В. Лукина и др.).

Для успешного формирования полезных привычек у лиц несовершеннолетнего возраста необходимы соответствующие педагогические условия. Данная проблема рассматривалась такими исследователями,

как Г. Н. Година, Р. И. Жуковская, С. А. Козлова, Т. А. Маркова, В. Г. Нечаева, С. В. Петерина, Э. Г. Пилюгина и др. [Саидов, 2019].

В основе формирования здорового образа жизни и приобретения несовершеннолетними полезных привычек – снижение распространенности курения, увеличение физической активности, смягчение влияния повреждающих психосоциальных факторов и повышение стрессоустойчивости, соблюдение мер личной и общественной гигиены, профилактика курения, употребления алкоголя и наркотиков [Заурова, 2019]. Процесс формирования привычек здорового образа жизни способствует становлению и развитию личностных качеств несовершеннолетнего, которые обеспечат ему гармоничное развитие тела в тесном, органичном единстве с умственным, трудовым, эмоционально-нравственным и эстетическим воспитанием [Формирование здорового образа ... , 1988].

Это подтверждает то, что лица несовершеннолетнего возраста действительно должны быть включены в процесс формирования полезных привычек, принятия здорового образа жизни, самосовершенствования собственной личности [Бриленок, 2019; Приобщение школьников к здоровому ... , 2018].

Целью нашего исследования является повышение уровня знаний обучающихся среднего звена общеобразовательной организации по форми-

рованию полезных привычек у лиц несовершеннолетнего возраста.

**Исследование по изучению
уровня знаний о привычках
здорового образа жизни
у обучающихся среднего звена
общеобразовательной организации**

Закреплению вредных привычек может способствовать плохая информационная осведомленность.

В связи с этим были поставлены следующие задачи исследования:

1. провести диагностику по выявлению уровня знаний у подростков о привычках здорового образа жизни;

2. осуществить поиск путей и способов организации процесса формирования полезных привычек у лиц несовершеннолетнего возраста.

Базой исследования стала МОУ «Общеобразовательная средняя школа №30 г. Вологды». В исследовании принимали участие 160 обучающихся среднего звена (5-9 классы; подростки от 11-15 лет).

Для выявления уровня знаний у обучающихся была организована беседа в малых группах (по 5-7 человек) о здоровом образе жизни, полезных и вредных привычках.

В ходе беседы испытуемым предлагалось ответить на вопросы:

– Как вы считаете, что включает понятие «здоровый образ жизни»?

– Привычка – это хорошо или плохо? Назовите полезные привычки.

– Какие привычки мешают человеку в его жизни, учебе и труде?

– Согласны ли вы с утверждениями: «Курение, алкоголь помогает согреться в холодное время года», «Курение помогает быть стройным»?

– Что происходит с физическими возможностями человека, который курит, употребляет алкоголь, наркотики?

– Если человек начал курить в 13 лет, насколько в среднем уменьшается продолжительность его жизни?

– Как вы считаете, по каким причинам ребята начинают курить, употреблять алкоголь, наркотики?

– Знаете ли вы, что пиво – такой же алкогольный напиток, как вино и водка, и вызывает алкогольную зависимость?

– Считаете ли Вы, что в Вашей семье придерживаются правил ведения здорового образа жизни?

– Знают ли родители, что вы курите или пробовали курить?

– Знаете ли вы, как возникает психологическая и физиологическая зависимость от курения, алкоголя, наркотиков?

– Где можно провести свободное время с пользой для здоровья?

– Занимаетесь ли вы спортом, посещаете занятия физической культуры?

– Какова ваша реакция на человека неряшливого, курящего или пьющего в вашем присутствии?

– Имеют ли право окружающие требовать, чтобы в их присутствии не курили, не сквернословили, не употребляли алкоголь, наркотики?

[Баль, 2000; Черногор, 2017; Уткина, 2020].

С высоким уровнем было выявлено 40 учащихся (20 %). Это подростки, которые в процессе беседы показали четкие знания и представления о понятиях «здоровье», «здоровый образ жизни», «полезные привычки», «вредные привычки». Во время беседы они выказали отрицательное отношение к негативному поведению и вредным привычкам, показали знания об их последствиях для здоровья человека. Подтвердили, что ежедневно соблюдают правила гигиены, занимаются физическими упражнениями, следят за внешним видом и стараются быть аккуратными. Считают, что все члены их семьи придерживаются правил ведения здорового образа жизни.

Средний уровень был выявлен у 60 несовершеннолетних (40 %). Это те, которые имеют слабое представление о вредных привычках, не в достаточной степени владеют знаниями об их негативном влиянии на организм человека. Значимость полезных привычек подростки не понимают в полной мере, допускают наличие сформировавшихся некоторых вредных привычек у себя, не стремятся к занятиям физкультурой и спортом, не проявляют отрицательного отношения к данному явлению в обществе. Опрашиваемые затрудняются назвать места, где можно провести свободное время с пользой для здоровья, а их родители не имеют представле-

ния о том, что сам подросток может иметь вредные привычки, при этом сами не всегда придерживаются здорового образа жизни.

Низкий уровень выявлен у 60 обучающихся (40 %) – это подростки, которые в ходе беседы показали бессистемные представления о понятиях «здоровье», «полезные и вредные привычки» и т. д. Они не отрицают наличия вредных привычек у себя, не могут рассказать о влиянии их на жизнь и здоровье человека. Обучающиеся не проявляют заинтересованности в физической активности, относятся равнодушно к лицам, употребляющим табак, алкоголь и наркотики, считая это нормой жизни. Подростки не могут назвать места, где можно провести свободное время с пользой для здоровья. Родители знают о вредных привычках своих детей, но не требуют категорического отказа от них, в семье не всегда отдается предпочтение здоровому образу жизни.

Исследование показало, что среди опрашиваемых несовершеннолетних 25 % курят, 14 % пробовали алкоголь по причинам «выглядеть старше», «ради интереса», «получить удовольствие», «снять напряжение», примерно 60 % подростков большую часть свободного времени проводят за компьютерными играми и др. Выход из сегодняшнего положения состоит в изменении мнения относительно вредных привычек среди обучающихся, в профилактической работе с детьми.

**Воспитательная работа
по формированию привычек
здорового образа жизни
у обучающихся среднего звена
общеобразовательной организации**

С целью формирования полезных привычек, оказания практической помощи в формировании у несовершеннолетних знаний, умений и навыков был разработан проект «Полезные привычки – твои верные друзья!». В связи с этим была организована внеклассная работа с обучающимися 5-9 классов в течение трех месяцев. Проект состоял из двух основных этапов: 1) информативный этап – участники включаются в процесс поиска и получения необходимых знаний о полезных привычках и их значимости в жизни человека; 2) деятельный этап – приобретение необходимых навыков для реализации полезных привычек, закрепление положительных навыков.

В рамках проекта осуществлялся творческий поиск наиболее эффективных способов организации воспитательно-оздоровительного процесса в образовательной организации и в семье. Необходимыми условиями, обеспечивающими реализацию цели проекта, явились: систематичность работы с подростками, взаимодействие с родителями в рамках проекта, организация свободного времени, проведение интегрированных занятий и развлечений, определение эффективности и дальнейших перспектив развития

проекта [Зауторова, 2020; Науменко, 2016].

При организации внеклассной воспитательной работы использовались различные педагогические формы, методы и приемы. *Основными методами работы* с лицами несовершеннолетнего возраста являлись: убеждение, организация и коррекция поведения подростков. В ходе проведения занятий широко использовались: наглядный метод (просмотр фильмов, специально отобранных социальных роликов и т. д.), обсуждение проблемных ситуаций (разрешить трудности и помочь героям выйти из сложной ситуации), игровой метод (дидактические, сюжетно-ролевые игры) и др. [Кудеров, 2019; Синепупова, 2017; Perlmutter, 2019].

Борьба с опасными вредными привычками – это комплекс общественно-бытовых, административных, культурных, правовых мер, направленный на снижение уровня потребления алкогольных, наркотических, табачных изделий, а также предупреждение их дальнейшего употребления [Пилюшенко, 2014; Хорошева, 2017]. В проекте определены организационные формы работы с подростками, осуществлен подбор специального материала, разработан комплекс мероприятий, адресно направленных на формирование привычек здорового образа жизни. Среди них уроки здоровья, тренинговые занятия, конкурсы, викторины, беседы-размышления, устные журналы,

диагностические мероприятия, игры, беседы и др. Осуществлялось включение для участников проекта элементов психогимнастики, приемов из театральной педагогики, изобразительная деятельность.

Также в ходе занятий большое внимание уделялось развитию гуманного отношения к окружающему миру, становлению активной позиции по отношению к своему здоровью и здоровью других людей. В процессе работы над проектом было отмечено, что участники с интересом принимали участие в предложенных играх и упражнениях, были активны в обсуждениях и беседах о полезных и вредных привычках человека.

На итоговых занятиях осуществлялось обобщение опыта работы над проектом. Так, на одном из занятий несовершеннолетние составляли памятку, которая бы включала советы подросткам. Участники при ее составлении указали такие пункты, как: 1) первым делом нужно осознать, признаться самому себе, что вредная привычка есть и она мешает жить; 2) вспомнить, когда и почему она начала проявляться; 3) научиться справляться с трудностями без сигареты (алкоголя или наркотиков), например, через альтернативные решения (альтернатива имеющейся вредной привычке: захочется покурить – съешьте мятную леденцовую конфету или погрызьте семечки и т. д.), проводить больше времени в семье и др.; 4) поощрять себя за

один день, неделю, месяц воздержания, помня, что вредные привычки – удел слабых, безвольных, недовольных всем людей. Составление памятки способствовало систематизации полученных знаний, творческому подходу к проблеме формирования здорового образа жизни у обучающихся.

Особое место в проекте было уделено работе с родителями. Так, важным стало совместное занятие подростков с родителями при оформлении альбома «Полезные привычки» (поиск информации, изучение статистики, изготовление иллюстраций, сочинение слоганов), где осуществлялось обогащение опыта родителей и подростков в активном сотрудничестве с педагогом.

Результаты воспитательной работы по формированию привычек здорового образа жизни у обучающихся среднего звена общеобразовательной организации

В ходе осуществления проекта предполагаемым результатом являлось формирование у обучающихся представлений о полезных и вредных привычках, развитие необходимых навыков по сохранению своего здоровья, повышение качества работы с родителями.

По итогам воспитательной работы была проведена беседа по выявлению уровня знаний у несовершеннолетних о здоровом образе жизни, полезных и вредных привычках (см. табл. 1).

Таблица 1.

Уровень знаний обучающихся среднего звена общеобразовательной организации о привычках здорового образа жизни по результатам беседы и наблюдения, % (заключительный этап исследования)

Уровень	Количество человек (%)
Высокий	60
Средний	30
Низкий	10

На основании представленных данных можно сделать вывод, что у лиц несовершеннолетнего возраста отмечается положительная динамика изменений уровня знаний о привычках здорового образа жизни; преобладающим уровнем является высокий, он выявлен у 60 % участников проекта. Так, в процессе беседы отмечено, что знания подростков о полезных привычках значительно расширились. Подростки способны перечислить, какие привычки являются полезными, обозначить их значимость для поддержания и сохранения здоровья человека, указать приемы и методы необходимые для их выполнения.

Заключение

Полезные привычки или привычки здорового образа жизни – это главные, основные, жизненно важные привычки любого человека. В связи с этим необходима органи-

зация специальной деятельности по формированию здорового образа жизни, осуществлению профилактических мероприятий и информированию о способах борьбы с вредными привычками обучающихся среднего звена общеобразовательной организации; деятельности, которая поможет подростку развить его нравственные качества, осознать себя ответственным человеком за свое здоровье и окружающих людей [Гущина, 2020].

Рассмотренные результаты по изучению знаний подростков в данной сфере ставят новые проблемы, связанные с использованием эффективных методов по формированию привычек здорового образа жизни. Дальнейшего изучения требуют вопросы, касающиеся профилактики вредных привычек, разработки новых форм просветительской работы в молодежной среде.

Библиографический список

1. Баль П. В. От восьми до семнадцати, или Что думают о здоровье дети. Москва, 2000. 200 с.
2. Бриленок Н. Б. Педагогическое сопровождение становления здорового образа жизни у обучающихся : учебное пособие для студентов Института физической культуры и спорта. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2019. 29 с.

3. Воробьева И. Н. Здоровый образ жизни как важная составляющая формирования активной стилизированной позиции. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение / И. Н. Воробьева, Н. Б. Бабаева // Вопросы теории и практики. 2015. № 5. Ч. 1. С. 46-50.
4. Гущина Т. Н. Развитие социальной компетентности личности в процессе педагогического сопровождения // Инновации в образовании. 2020. № 3. С. 96–106.
5. Заурова Э. В. Направления воспитательной работы с осужденными в местах лишения свободы: учебное пособие. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. 198 с.
6. Заурова Э. В. Формирование здорового образа жизни подростков: методические материалы. Вологда : Вологодский институт права и экономики Минюста России, 2002. 33 с.
7. Кудеров М. Книга зожника. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 180 с.
8. Науменко Ю. В. Проектирование массовых спортивно-оздоровительных мероприятий в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования // Физическая культура в школе. 2016. № 2. С. 51-55.
9. Пилушенко А. В. Ценностно-смысловые ориентации здорового образа жизни. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2014. С. 132-134.
10. Приобщение школьников к здоровому образу жизни средствами физической культуры / М. Д. Кудрявцев, Е. А. Михалева, Н. А. Песняева, А. А. Стунжайте // Начальная школа. 2018. № 2. С. 62-66.
11. Саидов И. И. Формирование здорового образа жизни в современном образовательном пространстве // Педагогическое образование и наука. 2019. № 6. С. 140-144.
12. Семенова Т. А. Воспитание культуры здоровья у детей дошкольного возраста // Обруч: образование, ребенок, ученик. 2020. № 3. С. 56-71.
13. Синепупова Т. В. Формирование у школьников культуры сохранения здоровья через использование здоровьесберегающих технологий // Образование в современной школе. 2017. № 3/4. С. 11-12.
14. Спирин В. К. Здоровьеформирование младших школьников на основе овладения ими культурой движений / В. К. Спирин, Л. В. Смирнова, О. А. Чупехина // Физическая культура в школе. 2017. № 4. С. 35-41.
15. Уткина Т. В. Проблемы формирования положительно активного отношения учащихся к физической культуре / Т. В. Уткина, Н. И. Васильева // Школьные технологии. 2020. № 2. С. 45-50.
16. Хорошева Т. А. Физическая культура как фактор формирования и укрепления здоровья современных школьников / Т. А. Хорошева, А. И. Бурханов // Физическая культура в школе. 2017. № 3. С. 16-20.
17. Черногор Ю. В. Формирование культуры здорового образа жизни старшеклассников в условиях современной школы // Право и образование. 2017. № 9. С. 143-149.
18. Чедов К. В. Сопровождение формирования культуры здоровья старшеклассников и студентов // Педагогика. 2018. № 6. С. 117-119.

19. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «Об образовании в Российской Федерации».

20. Формирование здорового образа жизни молодежи / А. В. Мартененко, Ю. В. Валентик, В. А. Полесский [и др.]. Москва : Медицина, 1988. 192 с.

21. Perlmutter D. Food and the brain. What carbohydrates do with health, thinking and memory / David Perlmutter, Kristin Loberg, Translator Galina Fedotova, Svetlana Chigrinets. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2018.

Reference list

1. Bal' P. V. Ot vos'mi do semnadcati, ili Chto dumajut o zdorov'e deti = Eight to seventeen, or What children think about health. Moskva, 2000. 200 s.

2. Brilenok N. B. Pedagogicheskoe soprovozhdenie stanovlenija zdorovogo obraza zhizni u obuchajushhihsja = Pedagogical support for the formation of a healthy lifestyle among students : uchebnoe posobie dlja studentov Instituta fizicheskoj kul'tury i sporta. Saratov : Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2019. 29 s.

3. Vorob'eva I. N. Zdorovyj obraz zhizni kak vazhnaja sostavljajushhaja formirovanija aktivnoj stilezhiznennoj pozicii. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie = A healthy lifestyle as an important component of the formation of an active stylistic position. Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history / I. N. Vorob'eva, N. B. Babaeva // Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 5. Ch. 1. S. 46-50.

4. Gushhina T. N. Razvitie social'noj kompetentnosti lichnosti v processe pedagogicheskogo soprovozhdenija = Development of social competence of the individual in the process of pedagogical support // Innovacii v obrazovanii. 2020. № 3. S. 96–106.

5. Zautorova Je. V. Napravlenija vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v mestah lishenija svobody = Directions of educational work with convicts in places of imprisonment : uchebnoe posobie. Vologda : VIPJe FSIN Rossii, 2019. 198 s.

6. Zautorova Je. V. Formirovanie zdorovogo obraza zhizni podrostkov = The formation of a healthy lifestyle of adolescents : metodicheskie materialy. Vologda : Vologdskij institut prava i jekonomiki Minjusta Rossii, 2002. 33 s.

7. Kuderov M. Kniga zozhnika = The Book of the Zozhnik. Moskva : Mann, Ivanov i Ferber, 2019. 180 s.

8. Naumenko Ju. V. Proektirovanie massovyh sportivno-ozdorovitel'nyh meroprijatij v sootvetstvii s trebovanijami Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta nachal'nogo obshhego obrazovanija = Design of mass sports and recreation events in accordance with the requirements of the Federal State Educational Standard for Primary General Education // Fizicheskaja kul'tura v shkole. 2016. № 2. S. 51-55.

9. Piljushenko A. V. Cennostno-smyslovyje orientacii zdorovogo obraza zhizni. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie = Value and meaning orientations of a healthy lifestyle. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history // Voprosy teorii i praktiki. 2014. S. 132-134.

10. Priobshhenie shkol'nikov k zdorovomu obrazu zhizni sredstvami fizicheskoj kul'tury = Introducing schoolchildren to a healthy lifestyle by means of physical education / M. D. Kudrjavcev, E. A. Mihaleva, N. A. Pesnjaeva, A. A. Stunzhajte // Nachal'naja shkola. 2018. № 2. S. 62-66.

11. Saidov I. I. Formirovanie zdorovogo obraza zhizni v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve = The formation of a healthy lifestyle in the modern educational space // Pedagogicheskoe obrazovanie I nauka. 2019. № 6. S. 140-144.

12. Semenova T. A. Vospitanie kul'tury zdorov'ja u detej doshkol'nogo vozrasta = Education of a health culture in preschool children // Obruch: obrazovanie, rebenok, uchenik. 2020. № 3. S. 56-71.

13. Sinepupova T. V. Formirovanie u shkol'nikov kul'tury sohraneniya zdorov'ja cherez ispol'zovanie zdorov'esberegajushhij tehnologij = The formation of culture of health preservation among schoolchildren through the use of health-preserving technologies // Obrazovanie v sovremennoj shkole. 2017. № ¾. S. 11-12.

14. Spirin V. K. Zdorov'eformirovanie mladshih shkol'nikov na osnove ovladenija imi kul'turoj dvizhenij = Health formation of young students on the basis of mastering their culture of movements / V. K. Spirin, L. V. Smirnova, O. A. Chupehina // Fizicheskaja kul'tura v shkole. 2017. № 4. S. 35-41.

15. Utkina T. V. Problemy formirovanija polozhitel'no aktivnogo otnosheniya uchashhihsja k fizicheskoj kul'ture = Problems of forming a positively active attitude of students to physical education / T. V. Utkina, N. I. Vasil'eva // Shkol'nye tehnologii. 2020. № 2. S. 45-50.

16. Horosheva T. A. Fizicheskaja kul'tura kak faktor formirovanija i ukrepleniya zdorov'ja sovremennyh shkol'nikov = Physical education as a factor in the formation and promotion of the health of modern schoolchildren / T. A. Horosheva, A. I. Burhanov // Fizicheskaja kul'tura v shkole. 2017. № 3. S. 16-20.

17. Chernogor Ju. V. Formirovanie kul'tury zdorovogo obraza zhizni starsheklassnikov v uslovijah sovremennoj shkoly = Creating culture of healthy lifestyle for high school students in modern school environment // Pravo i obrazovanie. 2017. № 9. S. 143-149.

18. Chedov K. V. Soprovozhdenie formirovanija kul'tury zdorov'ja starsheklassnikov i studentov = Support for the formation of health culture for high school students and students // Pedagogika. 2018. № 6. S. 117-119.

19. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ (red. Ot 16.04.2022) «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii», st.3. = Federal Law of 29.12.2012 N 273-FZ (as amended by 16.04.2022) “On Education in the Russian Federation”.

20. Formirovanie zdorovogo obraza zhizni molodezhi = Formation of healthy lifestyle for young people / A. V. Martenenko, Ju. V. Valentik, V. A. Polesskij [I dr.]. Moskva : Medicina, 1988. 192 s.

21. Perlmutter D. Food and the brain. What carbohydrates do with health, thinking and memory / David Perlmutter, Kristin Loberg, Translator Galina Fedotova, Svetlana Chigrinets. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2018.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 19.06.2022; approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья

УДК 372.8

DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-168-183

EDN: MOXHDI

Русские школы за рубежом в условиях быстроменяющегося мира: проблемы и перспективы

Александр Станиславович Хромых

Кандидат исторических наук, доцент, специалист по учебно-методической работе первой категории межфакультетской кафедры образовательных систем и педагогических технологий ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», г. Москва
khromikh-alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3471-7141>

Аннотация. В статье рассмотрены относительно малоизученные организационные и социальные аспекты деятельности русской школы за рубежом в современных условиях. На основе краткого обзора научной литературы можно выделить направления исследований, посвященных русской школе за рубежом. Первое направление – русская школа за рубежом как центр изучения русского языка; второе – специфика организации, финансирования и методического сопровождения отдельных русских школ; третье – история русской школы; четвертое – развитие русской школы в контексте распространения российского высшего образования в мире. В настоящее время за пределами нашей страны существуют четыре типа русских школ, статус которых закреплен в концепции «Русская школа за рубежом». С разной степенью интенсивности все типы русских школ взаимодействуют с координирующим органом Россотрудничество. Можно выделить три основные группы целевой аудитории русских школ за рубежом: сотрудники посольств и специалисты, находящиеся в долгосрочных командировках; экспаты; эмигранты и русскоязычное население в странах СНГ и бывшего советского присутствия. Существует тесная связь между типом русской школы, в которой обучаются дети представителей целевой группы и запросами их родителей. Однако, в силу ряда объективных и субъективных причин, основная масса учащихся получает русскоязычное образование в школах выходного дня. В жизни современной русской школы за рубежом есть проблемы макроуровня, которые можно решить посредством правовых инструментов и серьезных внешнеполитических усилий государства, и проблемы микроуровня, к решению которых можно

привлечь отдельные государственные органы, крупные организации профессионального и общего образования, коммерческие структуры на началах социального партнерства.

Ключевые слова: русская школа за рубежом; Министерство иностранных дел Российской Федерации; русскоязычное образование; школа выходного дня; экспаты

Статья подготовлена в рамках гранта на реализацию МГИМО МИД России программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

Для цитирования: Хромых А. С. Русские школы за рубежом в условиях быстроменяющегося мира: проблемы и перспективы // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 168-183. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-168-183>. <https://elibrary.ru/moxhdi>.

Original article

Russian overseas schools in a rapidly changing world: problems and prospects

Alexander S. Khromikh

Candidate of historical sciences, associate professor, specialist in educational and methodological work of the first category of the inter-faculty department of educational systems and pedagogical technologies, Moscow state institute of international relations (university) of ministry of foreign affairs of the Russian Federation, Moscow
khromikh-alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3471-7141>

Abstract. The article deals with relatively little-studied organizational and social aspects of the activities of the Russian overseas school in modern conditions. Based on a brief review of the scientific literature, it is possible to identify areas of research devoted to the Russian overseas school. The first direction is the Russian overseas school, as a center for the study of the Russian language; the second one is the specifics of the organization, financing and methodological support of individual Russian schools; the third is the history of the Russian school; the fourth is the development of the Russian school in the context of the spread of Russian higher education in the world. Currently, there are four types of Russian schools outside our country, the status of which is enshrined in the “Russian overseas school” concept. With varying degrees of intensity, all types of schools interact with the coordinating body Rosstrudnichestvo. There are three main groups of the target audience of Russian overseas school: employees of embassies and specialists on long-term business trips; expats; emigrants and Russian-speaking population in the CIS countries and the former Soviet presence. There is a close relationship between the type of Russian school in which the children of the target group study and

the needs of their parents. However, due to a number of objective and subjective reasons, the bulk of students have a Russian-language education in weekend schools. In the life of a modern Russian overseas school, there are macro-level problems that can be solved through legal instruments and serious foreign policy efforts of the state, and micro-level problems that can be solved by individual state bodies, large organizations of professional and general education, commercial structures on the basis of social partnership.

Keywords: russian overseas school; the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; russian language education; weekend school; expats

The article was prepared as part of a grant for the implementation of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in the strategic academic leadership program “Priority 2030”

For citation: Khromikh A. S. Russian overseas schools in a rapidly changing world: problems and prospects. *Social and political researches*. 2022;3(16):168-183. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-168-183>. <https://elibrary.ru/moxhdi>.

Актуальность

В современных условиях быстроменяющегося мира, сотрясаемого политическими и экономическими катаклизмами, существуют социальные институты, которые оставляют ему шанс на стабильность и будущее устойчивое развитие. Одним из таких институтов является общеобразовательная организация. Сегодня российское общество, сосредоточенное на рассмотрении форм, содержания, методики, программ, институциональных особенностей современной отечественной средней и высшей школы, оставляет без должного внимания проблемы русской школы за рубежом. В мире 258 млн человек говорят на русском языке, и из них 112 млн проживает за пределами Российской Федерации. Согласно

исследованиям, проведенным Институтом русского языка им. А. С. Пушкина в 2020 году, «... по общему количеству русскоязычных сайты в сети Интернет занимают второе место в мире, <...> а русскоязычные научные публикации в международных рейтингах WoS и Scopus – пятое место» [Должикова, 2021 с. 22, 24]. Опираясь на вышеприведенные факты, можно утверждать, что проблеме изучения русской школы за рубежом в современной педагогике и социологии отводится мало места.

Обзор исследований

Современные научные исследования освещают отдельные аспекты жизни русской школы за рубежом. Условно их можно разделить на четыре группы. К первой группе

относятся работы, в которых опосредованно затрагиваются проблемы русской школы за рубежом в контексте распространения и изучения русского языка в мире [Болотова, 2020; Омельченко, 2020; Раменцов, 2017; Шестакова, 2020]. Вторая группа исследований посвящена отдельным сторонам жизни русской школы за рубежом в контексте распространения влияния отечественной высшей школы за пределами нашей страны, как проявления тенденции интернационализации образования [Борисенков, 2017; Туулик, 2014; Торкунов, 2012]. Третья группа работ рассматривает историю русской школы за рубежом [Протасова, 2010; Скворцова, 2018]. Четвертая группа исследований концентрирует внимание на проблемах организации, финансирования и методического сопровождения отдельных русских школ за рубежом [Гужеля, 2018; Каскина, 2021; Сборник практик ..., 2020; Bergmann, 2015]. Остро ощущается дефицит работ, посвященных общим проблемам русских школ за рубежом, единой стратегии их развития, сопровождения и организации. Совсем недавно научный коллектив межфакультетской кафедры образовательных систем и педагогических технологий МГИМО в экспертно-аналитическом докладе «Вызовы и перспективы русских школ за рубежом» обозначил проблему выработки общей стратегии развития русских школ за пределами Россий-

ской Федерации [Вызовы и перспективы ... , 2021].

Исходя из вышесказанного, *основной проблемой* данной статьи является создание целостной картины особенностей сопровождения и организации русских школ за рубежом в настоящее время.

Институциональный аспект русской школы за рубежом

Важность развития русскоязычного образования закрепила концепция «Русская школа за рубежом», утвержденная 4 ноября 2015 года президентом Российской Федерации В. В. Путиным [Концепция ... , 2015]. В концепции официально выделено *четыре типа русских школ за рубежом*:

1. школы при Посольстве Российской Федерации (школы Министерства иностранных дел (*далее МИД*));
2. российские образовательные организации за рубежом (их филиалы);
3. образовательные организации, созданные в соответствии с международными договорами Российской Федерации;
4. иностранные организации (государственные и негосударственные), осуществляющие образовательную деятельность по основным и (или) дополнительным общеобразовательным программам полностью или частично на русском языке и (или) в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами [Концепция «Русская школа ... , 2015].

Пункт четвертый требует расшифровки. В понятие иностранные организации, осуществляющие образовательную деятельность, включаются национальные школы с преподаванием русского языка и с обучением на русском языке, национальные (государственные) школы с преподаванием русского языка как иностранного, организации дошкольного образования, дошкольные образовательные организации, полилингвальные образовательные организации дошкольного образования, школы выходного дня, центры дополнительного образования, школы при Русской Православной Церкви, центры обучения / тестирования по русскому языку.

В настоящее время ведущую роль со стороны Российской Федерации в координации деятельности всех видов школ играет Федеральное Агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). В рамках реализации Концепции «Русская школа за рубежом» Россотрудничество выделяет *три направления деятельности*:

1) организационно-техническое (организация системы работы представительств Россотрудничества за рубежом в части поддержки русских школ, формирование и поддержка информационных баз о русских школах за рубежом, создание и деятельность сетевых объединений русских школ, развитие

частно-государственного партнерства для поддержки русских школ за рубежом);

2) образовательно-методическое (применение российских образовательных технологий, систем оценки качества образования, методов обучения и воспитания на базе русских школ; усиление процесса интеграции русских школ за рубежом в российскую систему образования; консультационная, методическая и правовая поддержка русских школ за рубежом);

3) инфраструктурное направление (содействие в обеспечении русских школ учебниками, учебно-методическими пособиями, книгами и электронными образовательными ресурсами, создание центров оценки качества образования, и включение в их состав центров приема единого государственного экзамена) [Механизмы поддержки русских ... , 2021].

В контексте реализации данных направлений деятельности Россотрудничество выделяет два уровня поддержки русских школ за рубежом.

Уровень первый – это стандартная поддержка, которая доступна для всех русских школ за рубежом, включая школы с качеством образования, требующим повышения до российских образовательных стандартов. Поддержка включает в себя адресное информирование о мероприятиях и ресурсах, которые предоставляет Россотрудничество. В рамках стандартной поддержки русским школам за рубежом до-

ступно участие в научно-методических семинарах и конференциях, курсах повышения квалификации, обеспечение электронными образовательными ресурсами (электронные библиотеки, содержащие широкий перечень книг, учебников и учебных пособий), обучение педагогов на специализированных курсах в открытых системах электронного образования, использование электронных баз методических материалов, содержащих описание российских образовательных технологий, методов обучения и воспитания. Получить стандартную поддержку можно, если куратор или школа предоставили первичные сведения об организации, или сама школа предоставила общие сведения о своей образовательной деятельности. После проверки куратором корректности первичных и общих сведений осуществляется стандартная поддержка.

Уровень второй – это приоритетная поддержка, которая доступна для школ с высоким качеством образования, перспективных с точки зрения возможности распространения российских практик, методик и технологий. Данная поддержка включает в себя: адресное обучение педагогических работников на курсах повышения квалификации и переподготовки кадров; обеспечение печатными учебными изданиями, учебным оборудованием и специализированными программными средствами, доступ к платным изданиям электронных

библиотек на безвозмездной основе, первоочередное участие в научно-методических семинарах, конференциях и прочих мероприятиях. Образовательная организация может получить приоритетную поддержку, если она состоит в Реестре русских школ за рубежом с предоставлением стандартной поддержки, предоставит детальные сведения об организации и кадровом составе, и подаст заявку на экспертизу сведений и документов в целях получения приоритетной поддержки. Поданная заявка должна получить положительное экспертное заключение Куратора [Механизмы поддержки русских ... , 2021].

Специфика целевой аудиторией русских школ за рубежом

Условно целевую аудиторию русскоязычного образования за рубежом можно разделить на три группы: сотрудники посольств и специалисты, находящиеся в долгосрочных командировках; экспаты; эмигранты, русскоязычное население в странах СНГ и бывшего советского присутствия [Комплексное исследование действующих ... , 2021].

У первой группы – сотрудников посольств и специалистов, находящихся в долгосрочных командировках, есть перспектива последующего возвращения в Российскую Федерацию, поэтому основным требованием к образованию детей данной категории является обеспечение высоких баллов Государственной итоговой аттестации и поступ-

ления в ведущие российские образовательные организации высшего образования. Преимущественно представители данной целевой категории обучают детей в школах Министерства Иностранных дел. Но, стоит отметить, что эта группа в удельном весе русских за рубежом самая малочисленная. Например, в Турции по данным Департамента кадров МИДа России «... в сентябре 2019 года в средней школе при российском посольстве в Анкаре обучалось 100 человек очно и 15 экстерном, в основной школе при генконсульстве России в Стамбуле – 61 человек очно» [Экспорт российских образовательных ..., 2020]. В свою очередь по приблизительным данным русских проживающих в Турции не менее 300 000 человек. При этом стоит отметить, что в ряде стран, например, в Бангладеш школы при посольствах являются единственными организациями, которые предоставляют образование на русском языке [Экспорт российских образовательных ..., 2020, с. 531]. Школы МИД реализуют российский стандарт обучения в части учебных программ и организации учебного процесса. После окончания школы МИД выдается российское свидетельство об образовании государственного образца. Школы системы МИД не имеют системных проблем с качеством и количеством педагогического состава. Данные общеобразовательные организации включены в значительное количество

образовательных и воспитательных мероприятий, организованных МИД и его структурами, Россотрудничеством, так и иными общественными организациями.

Вторая группа, экспаты – это обычно мобильные, имеющие высокий уровень образования и необходимый опыт профессиональной деятельности специалисты. В 2019 году интересное исследование социокультурного облика русскоязычных экспатов в странах Ближнего Востока провела социолог М. М. Акулич. В исследовании приняли участие 50 человек, работающих в странах Персидского залива. Среди них 28 экспатов и 22 члена их семей старше 18 лет. Анализ результатов ответов на вопрос: «Каким образом Вы сохраняете свою культуру, обычаи, традиции?» показал, что экспаты разговаривают дома на родном языке – 36 респондентов и учат родному языку детей – 20 респондентов. Вероятно, что большая часть детей уже знают русский язык, и нет необходимости его целенаправленно учить. Во многих семьях отмечают национальные и религиозные праздники – 34 респондента; придерживаются традиционной для родной культуры ценностной системы – 26 респондентов; большинство готовит дома национальные блюда. При этом во многих семьях говорят одновременно на нескольких языках, чаще всего на родном языке и английском. Исходя из результатов исследования экспата-

ты, работающие за границей, в основном живут семьей, даже если приехали работать на короткий срок. По результатам исследования основная масса опрошенных создали семью, уже находясь за границей – 13 респондентов, приехали с семьей – 6 респондентов, семья приехала несколько позже – 5 респондентов, 3 экспата не женаты/замужем, у одного экспата семья осталась на родине, но сохраняются благополучные семейные отношения. М. М. Акулич делает справедливый вывод, что семейная жизнь экспатов во многом способствует сохранению культурных традиций, благотворно влияет на процесс адаптации. При этом проблема сохранения родной культуры экспатами зависит от многих факторов, в том числе от того насколько долго пребывает семья или отдельный человек в другой стране [Акулич, 2016].

Специфика образовательных запросов экспатов заключается в заинтересованности сохранения культурной связи с Россией, посредством сохранения русского языка, как средства семейного общения. Для детей экспатов иногда сложно определить конечный результат получаемого общего образования. Если после окончания общеобразовательной организации приоритетным вариантом является поступление ребенка в вузы страны пребывания или в вузы других зарубежных стран, то экспаты в меньшей степени заинтересованы, чтобы их

дети получили образование в «посольских» школах, они ставят в приоритет качество образования, вне зависимости от типа школ. Обычно дети экспатов очно обучаются в школе страны пребывания, плюс обучающийся в некоторых случаях посещает русскую школу выходного дня.

Если дети экспатов ориентированы на поступление в российскую образовательную организацию высшего образования, то родители обращают внимание на школы с двойной аккредитацией, в которых осуществляется очное обучение для всех категорий учащихся. В школах с двойной аккредитацией обучение в большинстве случаев платное для всех категорий учащихся, отдельные образовательные организации имеют стипендиальный фонд. Обучение ведется на русском языке и языке страны пребывания. Школы с двойной аккредитацией учитывают требования российского Федерального государственного образовательного стандарта, но чаще всего работают по собственным авторским программам и методикам. Учащиеся получают два свидетельства об образовании, российского и местного образца. До пандемии COVID-19 в данных образовательных организациях не были распространены дистанционные и заочные формы обучения. Стоит отметить, что школы с двойной аккредитацией наименее активно участвуют в российских образовательных мероприятиях за рубежом.

Специфика образовательных запросов эмигрантов, русскоязычного населения в странах СНГ и бывшего советского присутствия ориентирована на сохранение языковой и культурной связи с Россией и возможностью поступления в российские образовательные организации высшего образования и получения конкурентоспособного высшего образования. Следовательно, представители данной группы больше ориентированы на школы с двойной аккредитацией.

На практике же в эмигрантской среде основная масса учащихся получает русскоязычное образование в школах выходного дня, что подтверждают данные недавнего Комплексного исследования действующих практик функционирования русских школ за рубежом, проводимого МГИМО и Министерством просвещения Российской Федерации [Комплексное исследование действующих ... , 2021].

Такое положение дел предопределили следующие обстоятельства. Во-первых, законодательство большинства стран предусматривает обязательное получение детьми, постоянно проживающими на территории страны, местного образования в школе. Во-вторых, в смешанных семьях только один родитель заинтересован в получении ребенком русскоязычного образования и часто его инициатива не имеет поддержки у остальных членов семьи. В-третьих, школа выходного дня часто является един-

ственным способом совмещения обязательного местного и русскоязычного образования. В-четвертых, для многочисленного русского населения за рубежом, объективно не хватает образовательного пространства школ МИД и школ с двойной аккредитацией.

Основная цель русскоязычных школ выходного дня за рубежом – это желание сохранить русский язык как язык семейного общения. Спецификой школ выходного дня является то, что они существуют благодаря частной инициативе русскоязычного родительского сообщества, а это предопределяет их функционирование в рамках дополнительного, а не основного образования. В данных школах наблюдается отсутствие стабильной численности контингента обучающихся, четкой системы в выборе методик преподавания дисциплин, дефицит педагогов, понимающих специфику билингвального образования и имеющих навыки преподавания русского языка как иностранного.

Проблемы русских школ за рубежом

В настоящее время русские школы за рубежом в ходе своей деятельности сталкиваются с универсальными проблемами.

Первая группа проблем – это проблемы макроуровня. Решить данные проблемы может только государство посредством правовых инструментов и серьезных внешнеполитических решений.

Первой проблемой русских школ за рубежом на макроуровне является тенденция к сокращению мест очной и очно-заочной формы обучения в школах МИД в связи с карантинными мерами. Количество мест в школах МИД для учащихся, не являющихся детьми сотрудников дипломатических, торговых и военных представительств, резко сократилось в некоторых странах в течение 2019/2020 годов. Плюс в связи со сложившейся внешнеполитической ситуацией работа некоторых школ при посольствах фактически прекращена. Например, 27 мая 2022 года в Чехии лишили аккредитации школу при посольстве России в Праге.

Вторая проблема – это неопределенный статус желающих получить русскоязычное образование и не являющихся гражданами Российской Федерации. Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 года гарантирует преимущественное право на получение бесплатного общего образования в первую очередь гражданам Российской Федерации, чьи родители являются сотрудниками зарубежных дипломатических, торговых и военных представительств. Граждане других государств, причисляющие себя к носителям русской культуры, а также граждане Российской Федерации, проживающие за рубежом по причинам, не имеющим отношения к государственной службе, имеют доступ к русскоязычному

образованию по остаточному принципу.

Третья проблема заключается в том, что значительная доля русскоязычных образовательных организаций за рубежом не имеет официальной образовательной аккредитации ни в России, ни в стране пребывания и оказывает не образовательные, а культурные услуги, основанные на энтузиазме отдельных представителей русскоязычной диаспоры.

Четвертая проблема – это статус школы выходного дня. Концепция «Русская школа за рубежом» определяет «русскую школу» как «организацию, осуществляющую образовательную деятельность по основным и (или) дополнительным общеобразовательным программам полностью или частично на русском языке и (или) в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами» [Концепция «Русская ...», 2015]. Согласно данному положению, школы выходного дня являются наиболее доступной и распространенной формой русскоязычного образования в мире, оказываются в «серой зоне», так как большинство из них не имеет официального статуса образовательной организации и не попадают под целевые программы Концепции.

Вторая группа проблем русской школы за рубежом – это проблемы микроуровня. Государственные органы, крупные организации профессионального и основного обра-

зования, коммерческие структуры на началах социального партнерства могут оказать содействие в решении данных проблем.

Первая проблема – это дефицит материальных ресурсов. Поддержка, а тем более масштабирование проектов, требует регулярного финансирования. Многие учреждения являются бесплатными для учеников и существуют на пожертвования или личные средства. Арендная плата за подходящее для школы помещение обычно высока и составляет большую часть бюджета.

Вторая проблема – это кадровый голод. Остро ощущается дефицит квалифицированных педагогов, способных самостоятельно адаптировать имеющиеся программы и разрабатывать авторские методики. Ограниченные возможности по выплата вознаграждения педагогам определяют, что преподавание для них не является основной деятельностью. Часто педагоги работают на волонтерских началах.

Третья проблема – это дефицит учебной и методической литературы. Схемы логистики получения литературы из России сложны, часто включают нескольких посредников и могут занимать несколько месяцев.

Четвертая проблема – это низкий статус русскоязычного образования. Из-за слабой подготовки педагогического состава, отсутствия аккредитации или возможности выдачи официальных документов об образовании прослеживается незаинтересованность со стороны русско-

язычных семей за рубежом в посещении их детьми русских школ.

Успешным примером участия в решении проблем русских школ за рубежом на микроуровне является деятельность Московского государственного института международных отношений. В ноябре 2021 года запущен стратегический проект МГИМО «Русская международная школа» в рамках программы академического лидерства «Приоритет 2030» [Доклад комиссии действующих ... , 2021]. Целью проекта является повышение престижа и востребованности российского образования в странах и регионах, приоритетных для Российской Федерации. В рамках данного проекта началась разработка и запуск действующей модели русских международных школ и организаций в сфере образования, объединенных в единую сеть, а также массированная подготовка кадров руководителей, администраторов, учителей, организаторов для русских школ за рубежом и популяризация практики российской аккредитации образовательных организаций.

Заключение

Проблема сохранения культурных связей русскоязычного населения с Российской Федерацией стоит достаточно остро. В среднем, начиная с 2014 года, ежегодно из Российской Федерации в разные страны мира эмигрируют не менее 300 000 человек. В настоящее время к обозначенным в статье проблемам прибавляется сложное

внешнеполитическое положение, которое заставляет переориентироваться от евроцентричной модели к более тесному сотрудничеству с другими странами мирового сообщества. Любой кризис содержит не только опасности, но и колоссальные возможности для развития, и, вероятно, при конструировании новых моделей русских школ за рубежом удастся создать уникальный прототип образовательной системы, включающей в себя сочетание лучших отечественных и ми-

ровых образовательных практик, скорректированных с учетом специфики применения на национальной почве. Развитие сети русских школ за рубежом позволит укрепить позиции и престиж российской культуры и российского образования в быстроменяющемся мире и будет способствовать продвижению национальных интересов Российской Федерации путем сотрудничества в области гуманитарных технологий.

Библиографический список

1. Акулич М. М. Русскоязычные экспаты в странах Ближнего Востока // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 4. С. 756-768.
2. Болотова Е. Л. Миссию русских школ за рубежом обсудили на II международном Конгрессе «по-русски. В контексте многоязычия» // Наука и школа. 2020. №1. С. 50-61.
3. Борисенков В. П. Продвижение российского образования за рубежом / В. П. Борисенков, О. В. Гукаленко, О. Д. Федотова // Мир науки. 2017. Т.5, №6. С. 1-8.
4. Вызовы и перспективы русских школ за рубежом: экспертно-аналитический доклад / Р. И. Котов, В. А. Ясвин, М. А. Пинская, А. С. Хромых. Москва : Наука, 2021. 48 с.
5. Гужеля Д. Ю. Некоторые итоги реализации концепции «Русская школа за рубежом»: опыт Германии // Высшее образование сегодня. 2018. №11. С. 49-53.
6. Доклад Комиссии конкурса «ПРИОРИТЕТ-2030» программа развития МГИМО-2030 «Россия о мире, миру – о России» // МГИМО. URL: https://mgimo.ru/upload/2021/10/mgimo-priority-2030_report.pdf. (Дата обращения: 07.06.2021).
7. Должикова А. В. Российские университеты – Русской школе за рубежом: обзор лучших практик // Русская школа за рубежом: сборник докладов конференции. Берлин, 28–30 октября 2021 г. Москва : РУДН, 2021. С. 21-24.
8. Каскина Е. В. Особенности преподавания русского языка в Австралии, в штате NSW, на примере CENTRAL RUSSIAN SCHOOL // Русская школа за рубежом: сборник докладов конференции. Берлин, 28–30 октября 2021 г. Москва : РУДН, 2021. С. 151-162.
9. Комплексное исследование действующих практик функционирования русских школ за рубежом, проводимого МГИМО и Министерством просвещения Российской Федерации в рамках реализации мероприятий, направленных на пол-

ноценное функционирование и развитие русского языка, ведомственной целевой программы «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации» подпрограммы «Совершенствование управление системой образования» государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» // МГИМО. URL: <https://rschools.mgimo.ru>. (Дата обращения 07.06.2022).

10. Концепция «Русская школа за рубежом» утвержденная Президентом от 04 ноября 2015 года // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/50643>. (Дата обращения: 07.06.2022).

11. Механизмы поддержки русских школ и учреждений, работающих с российскими образовательными стандартами и технологиями за рубежом и продвижения образования на русском языке в мире. // Россотрудничество. URL: https://russchools.org/files/presentations/2016-11-08_2.pdf. (Дата обращения: 07.06.2022).

12. Омельченко Е. А. Проблемы сохранения идентичности русскоязычных эмигрантов в образовательном пространстве русских школ зарубежья // Современное образование: векторы развития. Роль социально-гуманитарного знания в подготовке педагога: Материалы V международной конференции, Москва, 27–25 апреля 2020 года. Москва : Московский педагогический государственный университет, 2020. С. 473-485.

13. Протасова Е. Ю. Зарубежные русские школы: история и современность / Е. Ю. Протасова, П. М. Родина // Русский язык в школе. 2010. №1. С. 69-75.

14. Ременцов А. Н. Этнокультурный подход к обучению детей в русской школе за рубежом / А. Н. Ременцов, М. Н. Кожевникова, А. Л. Кузнецов // Мир русского слова. 2017. №3. С. 95-99.

15. Сборник практик функционирования русских школ за рубежом // АНО ДПО Центр образовательных инноваций «Шаг». URL: <https://schoolresearch.ru/results#sbornik>. (Дата обращения: 07.06.2022).

16. Скворцова К. В. Русские школы первой волны эмиграции // Педагогика и психология образования. 2018. №3. С. 32-40.

17. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО Университета. 2012. №4(25). С. 85-93.

18. Туулик К. Высшее образование на русском языке за рубежом // Молодой ученый. 2014. №4- 2 (63). С. 9-12.

19. Шестакова Л. И. Создание и развитие партнерской сети центров открытого образования на русском языке за рубежом как форма реализации языковой политики государства / Л. И. Шестакова, Я. Л. Березовская // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. №12(446). Филологические науки. Вып.122. С. 178-183.

20. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 10 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Москва : ГИРЯ им. А.С. Пушкина. 2020. 557 с.

21. Bergmann Anka. Russian as a school subject in Germany: between politics and the market // Russian Journal of Communication. 2015. 7.2. S. 236-241.

Reference list

1. Akulich M. M. Russkojazychnye jekspaty v stranah Blizhnego Vostoka = Russian-speaking expats in the Middle East // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija. 2019. T.19, № 4. S. 756-768.
2. Bolotova E. L. Missiju russkih shkol za rubezhom obsudili na II mezhdunarodnom Kongresse “po-russki. V kontekste mnogojazychija” = The mission of Russian schools abroad was discussed at the II International Congress “in Russian. In the context of multilingualism” // Nauka i shkola. 2020. №1. S. 50-61.
3. Borisenkov V. P. Prodvizhenie rossijskogo obrazovanija za rubezhom = Promotion of Russian education abroad / V. P. Borisenkov, O. V. Gukalenko, O. D. Fedotova // Mir nauki. 2017. T.5, №6. S. 1-8.
4. Vyzovy i perspektivy russkih shkol za rubezhom: jekspertno-analiticheskij doklad = Challenges and prospects of Russian schools abroad: expert and analytical report / R. I. Kotov, V. A. Jasvin, M. A. Pinskaja, A. S. Hromyh. Moskva : Nauka, 2021. 48 s.
5. Guzhelja D. Ju. Nekotorye itogi realizacii koncepcii “Russkaja shkola za rubezhom”: opyt Germanii = Some results of implementation of “Russian School Abroad” concept: the experience of Germany // Vysshee obrazovanie segodnja. 2018. №11. S. 49-53.
6. Doklad komissii konkursa “PRIORITET-2030” programma razvitija MGIMO-2030 “Rossija o mire, miru – o Rossii” = Report of the commission of the competition “PRIORITET-2030” development program MGIMO-2030 “Russia about peace, peace – about Russia” // MGIMO. URL: https://mgimo.ru/upload/2021/10/mgimo-priority-2030_report.pdf. (Data obrashhenija 07.06.2021).
7. Dolzhikova A. V. Rossijskie universitety – Russkoj shkole za rubezhom: obzor luchshih praktik = Russian Universities – Russian School Abroad: Overview of best practices // Russkaja shkola za rubezhom: sbornik dokladov konferencii. Berlin, 28–30 oktjabrja 2021 g. Moskva : RUDN, 2021. S. 21-24.
8. Kaskina E. V. Osobennosti prepodavanija russkogo jazyka v Avstralii, v shtate NSW, na primere CTNTRAL RUSSIAN SCHOOL = Features of teaching Russian in Australia, in the state of NSW, using the example of CTNTRAL RUSSIAN SCHOOL // Russkaja shkola za rubezhom: sbornik dokladov konferencii. Berlin, 28–30 oktjabrja 2021 g. Moskva : RUDN, 2021. S. 151-162.
9. Kompleksnoe issledovanie dejstvujushih praktik funkcionirovanija russkih shkol za rubezhom, provodimogo MGIMO i Ministerstvom prosveshhenija Rossijskoj Federacii v ramkah realizacii meroprijatij, napravlennyh na polnocennoe funkcionirovanie i razvitie russkogo jazyka, vedomstvennoj celevoj programmy “Nauchno-metodicheskoe, metodicheskoe i kadrovoe obespechenie obuchenija russkomu jazyku i jazykam narodov Rossijskoj Federacii” podprogrammy “Sovershenstvovanie upravlenie sistemoj obrazovanija” gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii “Razvitie obrazovanija” = A comprehensive study of the current practices of the functioning of Russian schools abroad, carried out by MGIMO and the Ministry of Education of the Russian Federation as part of the implementation of measures aimed at the full functioning and development of the Russian language, the departmental target program “Scientific, methodological and personnel provision of training in the Russian language and lan-

guages of the peoples of the Russian Federation” subprogram “Improving the management of the education system” of the state program of the Russian Federation “Development of Education” // MGIMO. URL: <https://rschools.mgimo.ru>. (Data obrashhenija 07.06.2022).

10. Konceptija “Russkaja shkola za rubezhom” utverzhennaja Prezidentom ot 04 nojabrja 2015 goda = Concept "Russian School Abroad" approved by the President of November 04, 2015 // Prezident Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/50643>. (Data obrashhenija: 07.06.2022).

11. Mehanizmy podderzhki russkih shkol i uchrezhdenij, rabotajushhij s rossijskimi obrazovatel'nymi standartami i tehnologijami za rubezhom i prodvizhenija obrazovanija na ruskom jazyke v mire = Mechanisms for supporting Russian schools and institutions working with Russian educational standards and technologies abroad and promoting education in Russian in the world // Rossotrudnichestvo. URL: https://russchools.org/files/presentations/2016-11-08_2.pdf. (Data obrashhenija: 07.06.2022).

12. Omel'chenko E. A. Problemy sohraneniya identichnosti russkojazychnyh jemi-grantov v obrazovatel'nom prostranstve russkih shkol zarubezh'ja = Problems of preserving the identity of Russian-speaking emigrants in the educational space of Russian schools abroad // *Sovremennoe obrazovanie: vektory razvitija. Rol' social'no-gumanitarnogo znaniya v podgotovke pedagoga: Materialy V mezhdunarod-noj konferencii*, Moskva, 27–25 aprelja 2020 goda. Moskva : Moskovskij pedagogičeskij gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 473-485.

13. Protasova E. Ju. Zarubezhnye russkie shkoly: istorija i sovremennost' = Foreign Russian schools: history and modernity / E.Ju. Protasova, P.M. Rodina // *Russkij jazyk v shkole*. 2010. №1. S. 69-75.

14. Remencov A. N. Jetnokul'turnyj podhod k obucheniju detej v ruskoj shkole za rubezhom = Ethnocultural approach to teaching children in Russian school abroad / A. N. Remencov, M. N. Kozhevnikova, A. L. Kuznecov // *Mir russkogo slova*. 2017. №3. S. 95-99.

15. Sbornik praktik funkcionirovanija russkih shkol za rubezhom = Collection of practices of functioning of Russian schools abroad // ANO DPO Centr obrazovatel'nyh innovacij «Shag». URL: <https://schoolresearch.ru/results#sbornik>. (Data obrashhenija: 07.06.2022).

16. Skvorcova K. V. Russkie shkoly pervoj volny jemigracii = Russian schools of the first wave of emigration // *Pedagogika i psihologija obrazovanija*. 2018. №3. S. 32-40.

17. Torkunov A. V. Obrazovanie kak instrument “mjagkoj sily” vo vneshnej politike Rossii = Education as a tool of “soft power” in Russia's foreign policy // *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2012. №4(25). S. 85-93.

18. Tuulik K. Vysshee obrazovanie na ruskom jazyke za rubezhom = Higher education in Russian abroad // *Molodoj uchenyj*. 2014. №4- 2 (63). S. 9-12.

19. Shestakova L. I. Sozdanie i razvitie partnerskoj seti centrov otkrytogo obrazovanija na ruskom jazyke za rubezhom kak forma realizacii jazykovoje poli-tiki gosudarstva = Creation and development of a partnership network of open education centers in Russian abroad as a form of implementation of the language policy of the state /

L. I. Shestakova, Ja. L. Berezovskaja // Vestnik Cheljabinskogo gos-udarstvennogo universiteta. 2020. №12(446). Filologicheskie nauki. Vyp.122. S. 178-183.

20. Jekspert Rossijskih obrazovatel'nyh uslug: Statisticheskij sbornik. Vypusk 10 = Export of Russian educational services: Statistical collection. Issue 10 / Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii. Moskva : GIRJa im. A. S. Pushkina. 2020. 557 s.

21. Bergmann Anka. Russian as a school subject in Germany: between politics and the market // Russian Journal of Communication. 2015. 7.2. S. 236-241.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 15.06.2022; approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научный журнал

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

2022 – № 3 (16)

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Редактор К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 23 п. л., 11,18 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 164. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 13.10.2022

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44